

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ VIII

2021, Москва

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY

**ТОМ VIII
2021**

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ VIII

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2021, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ VIII

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2021, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

«Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2021

© С. Д. БОДРУНОВ, 2021

ISBN 978-5-00020-087-2

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
Редакционная коллегия,
Научный совет выпуска,
Группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Бесед об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Российскую академию наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом “Э”» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Международный Союз экономистов,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Российскую академию наук,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриально-го развития имени С. Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН,

д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, председатель Совета Ассоциации банков

России, к. э. н., (г. Москва, Россия)

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского

факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, член Координационного совета

Международного союза экономистов, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического

центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН,

д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН,

д. полит. н. (г. Москва, Россия)

А. А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент

Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, депутат Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им.

М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,

д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия)

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН им. П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия)

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного Союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия)

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель ТГУ им. Г. Р. Державина, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Шеф-редактор деловых приложений к «Российской газете», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

Т. А. ФОМЧЕНКОВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика» (г. Москва, Россия)

И. Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, директор Института развития управления ГБОУ ВПО Московской области «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия)

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Л. Н. УСЕНКО

Член Президиума ВЭО России, председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

**А. В. БУЗГАЛИН, С. Ю. ГЛАЗЬЕВ,
М. В. ЕРШОВ, С. В. КАЛАШНИКОВ,
А. Ю. МАНЮШИС, О. Н. СМОЛИН,
С. Н. РЯБУХИН, В. Т. РЯЗАНОВ,
А. А. ШИРОВ, Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА

Главный редактор **Сергей Бодрунов**

Арт-директор серии **Егор Морозов**

Редакционный директор **Маргарита Ратникова**

Шеф-редактор **Тарас Фомченков**

Редактор **Марианна Маркелова**

Редактор-супервайзер **Алексей Савин**

Концепт-редактор **Галина Никитина**

Переводчик **Василий Краснопёров**

Дизайнер **Артём Чистяков**

Препресс **Тимофей Ковтун**

Фоторедактор **Вячеслав Кочураев**

Контрольный редактор **Наталья Медведенко**

Фотографии предоставлены пресс-службой ВЭО России, фотобанк Shutterstock

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ПУТИ РОССИИ. С ЧЕМ ПРИШЛИ

БЕСЕДА 1 СТР. 18

Длинные деньги и их влияние на рост экономики

БЕСЕДА 2 СТР. 30

Бедность — пересмотреть понятия

БЕСЕДА 3 СТР. 42

Дистанционное образование. Как будем учиться?

БЕСЕДА 4 СТР. 54

Как живет средний класс в России?
Что определяет принадлежность к среднему классу и как сказывается кризис на его представителях?

БЕСЕДА 5 СТР. 64

Что такое экономическое развитие?
В чем оно измеряется?

БЕСЕДА 6 СТР. 74

Цифровые платежные системы

БЕСЕДА 7 СТР. 84

Технологическая революция и неравенство

ЧАСТЬ II

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

БЕСЕДА 1 СТР. 104

Кризис — время возможностей

БЕСЕДА 2 СТР. 114

Особенности нынешнего кризиса

БЕСЕДА 3 СТР. 124

Первые итоги мирового кризиса

БЕСЕДА 4 СТР. 132

Дистанционный труд. Правовые аспекты

БЕСЕДА 5 СТР. 148

Квалификационная яма. Что это такое для экономики?

БЕСЕДА 6 СТР. 158

Презентация Доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2021»

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. КУДА ИДЕМ?

БЕСЕДА 1 СТР. 172
Стратегия для России

БЕСЕДА 2 СТР. 184
Эпоха беспорядка. Что придет на смену глобализации

БЕСЕДА 3 СТР. 194
Творчество как товар. Как развивается креативная экономика в России

БЕСЕДА 4 СТР. 204
Пути цивилизационного развития. По какому из них пойдет наше общество? И от чего это зависит?

БЕСЕДА 5 СТР. 220
Как построить экономику на доверии?

БЕСЕДА 6 СТР. 228
Будущее налоговой системы России

БЕСЕДА 7 СТР. 238
Социальная инженерия. Как ей противостоять?

БЕСЕДА 8 СТР. 246
О сценариях среднесрочного и долгосрочного развития

ЧАСТЬ IV

МЕСТО В ЭКОНОМИКЕ. ЧТО БЕРЕМ С СОБОЙ

БЕСЕДА 1 СТР. 258
Экономика технологических решений для здравоохранения

БЕСЕДА 2 СТР. 268
Цифровая целина сельского хозяйства

БЕСЕДА 3 СТР. 276
Туризм как системообразующая отрасль экономики

БЕСЕДА 4 СТР. 284
Арктика — территория диалога или конфронтаций?

БЕСЕДА 5 СТР. 294
Питьевая вода. Как улучшить ее качество и обелить рынок?

TABLE OF

PART I

RUSSIA'S WAYS. THE PREMISE

CONVERSATION 1 P. 16

Long-term money and its influence on economic growth

CONVERSATION 2 P. 30

Poverty: Rethinking the definition

CONVERSATION 3 P. 42

Remote education: Future ways

CONVERSATION 4 P. 54

How does the Russian middle class live? Who belongs to middle class and how is the crisis affecting it?

CONVERSATION 5 P. 64

What is economic development? What are its indicators?

CONVERSATION 6 P. 74

Digital payment systems

CONVERSATION 7 P. 94

Technological revolution and inequality

PART II

THE CRISIS AND WAYS OUT. THE CONSTANT

CONVERSATION 1 P. 104

Crisis: A time of opportunity

CONVERSATION 2 P. 114

Specifics of current crisis

CONVERSATION 3 P. 124

First results of global crisis

CONVERSATION 4 P. 140

Remote work: Legal aspects

CONVERSATION 5 P. 148

Qualification gap. What does it mean for the economy?

CONVERSATION 6 P. 158

Presentation of the UN Report, World Economic Situation and Prospects 2021

CONTENTS

PART III

GLOBAL TRANSFORMATION: THE PATH

CONVERSATION 1 P. 172

Strategy for Russia

CONVERSATION 2 P. 184

The age of chaos: Things to replace globalization

CONVERSATION 3 P. 194

Art as product: Current development of Russia's creative economy

CONVERSATION 4 P. 212

Paths of civilizational development: Which one will our society follow and what are influencing factors?

CONVERSATION 5 P. 220

Building the trust economy

CONVERSATION 6 P. 228

Future of Russia's tax system

CONVERSATION 7 P. 238

Social engineering and ways to counter it

PART IV

PLACE IN THE ECONOMY. THE BAGGAGE

CONVERSATION 1 P. 258

Economics of technology solutions for healthcare

CONVERSATION 2 P. 268

Agriculture: The digital virgin land

CONVERSATION 3 P. 276

Tourism as a backbone sector of the economy

CONVERSATION 4 P. 284

Arctic: A Territory of Dialogue or Confrontation?

CONVERSATION 5 P. 294

Drinking water: Improving quality and market transparency

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Необходимость движения к новому технологическому укладу сегодня обусловлена целым рядом факторов. И задача России здесь состоит не только в удержании технологического лидерства в тех отраслях, в которых наша наука и промышленность традиционно сильны, используя уже накопленный потенциал, но и там, где наше лидерство на данный момент видится только стратегическим направлением развития.

Пока, к сожалению, мы во многом уступаем не только развитым, но и развивающимся странам, в том числе и Китаю.

Тем не менее варианты слома этой устоявшейся парадигмы есть, и заключаются они в том числе в осознании того факта, что переход к новому технологическому укладу, к новой экономике, возможен не только без роста издержек на решение экономических проблем, связанных с развитием технологий, но и даже с некоторым их уменьшением.

Камень преткновения — в том, чтобы заместить ту часть в структуре затрат на развитие новых технологий, которая называется материальной, на часть знаниеёмкую. Эта составляющая, во-первых, сможет развиваться затем на собственной основе без постоянных и существенных дополнительных затрат и в то же время является гораздо более гибкой с точки зрения использования результатов.

Для этого, конечно, необходима хотя бы минимальная стабильность в экономике нашей страны, стабильность цен и условий существования — для того, чтобы знаниеёмкие изменения могли не просто упасть на эту почву, но и закрепиться, прорасти в ней. Сегодня, стоит сказать, это в определенной степени достигнуто — Россия выбирается из кризиса с минимальными потерями, она пережила две волны коронакризиса, и, несмотря на то, что мы, как многие наши европейские соседи, рискуем войти в третью, ее масштаб и последствия для экономики могут быть снижены как вакцинацией населения, так и той поддержкой, которую оказывает правительство промышленности и социуму.

Для того чтобы переход к новому технологическому укладу, к нооэкономике, к индустрии, функционирующей на основе осознанного потребления, состоялся, прежде всего — необходимо ответить на несколько вопросов. Каковы особенности нашей страны и ее экономики, позволяющие использовать ее сильные стороны и решить, как быть со слабыми? Как бороться с тем, что в условиях современного «глобализованного» мира слабость и экономические болезни одного государства могут перекинуться на всю экономико-социальную цепочку взаимодействий, им созданных? Что из прежних наработок стоит развивать в первую очередь, какие из них способны обеспечить России достойное место в новой картине технологического

пространства и хозяйственного мироустройства?

Именно в соответствии с этими вопросами мы разделили очередной том «Бесед об экономике» на четыре части: с чем Россия, ее экономика и общественное устройство, пришли к сегодняшней ситуации, какие существуют пути для преодоления текущего кризиса, куда наше общество должно прийти, если следовать этими путями, и, наконец, что из современного технологического уклада и наработок будущего мы возьмем с собой в новый мир. Материалы, составившие этот том, представляют из себя не только беседы — это и философские размышления о текущем состоянии дел, и доклады о том, каково сегодня мировое экономическое положение и какие перспективы ожидают мировую экономику. Вольное экономическое общество России находится на острие этой темы — эксперты ВЭО России, а это — весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны, в ходе сложных дискуссий, непростых консультаций подготовили и направили в правительство России документ под названием «Новые пути России (к вопросу о стратегии развития России)». Сейчас готовится дополнение к этому документу.

Новый технологический уклад, который определяет главные тренды начавшейся глобальной трансформации, предоставляет России уникальный исторический шанс, заключающийся в том, что его основу составляют знаниеёмкие технологии, более эффективные

и «дешевые» в использовании, дающие более высокую отдачу в перспективных сферах развития экономики, и при этом — среди них немало как раз именно тех, наличием которых всегда была сильна наша страна. В наших силах использовать это преимущество, развить его, стать в новом мире одним из лидеров технологий, базовых для формирования экономики НИО.2 и, в перспективе, ноономики, а также их реципиента — человека творческого, человека, создающего не материальные ценности, производство которых можно будет оставить становящимся все более подходящими для этого самодействующим техническим системам, но — ценности творческие и духовные, способные составить фундамент ноообщественного устройства человеческой цивилизации.

Сергей Бодрунов,
главный редактор серии,
профессор, д. э. н.

DEAR READERS!

Multiple factors today suggest the need to transition to a new technological order. In this situation, Russia must work to retain technological leadership in segments where our science and industry have been traditionally strong, by using the previously accumulated potential, as well as promote industries where leadership is only a strategic development objective at this stage.

So far, unfortunately, we are largely inferior not only to developed economies, but also to developing countries such as China.

Nevertheless, there are ways to disrupt this old paradigm. Among other things, this requires the realization of the fact that a transition to a new technological order, to a new economy, does not have to involve a dramatic surge in investment in developing technology. Moreover, the costs can even be lowered.

The stumbling block here is how to replace the so-called material part in the structure of costs of developing new technologies with the part that is knowledge-intensive. The latter component will then continue to develop organically, without constant and significant additional costs, and at

the same time, it is much more flexible in terms of applying the results.

True, this will certainly require at least minimal stability in the Russian economy – stable prices and conditions, which would provide nurturing ground for the knowledge-intensive changes, where they will be able to get hold, germinate and grow. We can safely say this has been achieved to a certain extent by now. Russia is emerging from the crisis with just a few scratches; it has survived two waves of the coronavirus crisis unscathed, and even though we, like many of our European neighbors, are at risk of entering a third one, its scale and economic consequences can be significantly reduced by vaccinations as well as by the government support provided to industry and society.

In order to achieve a transition to a new technological order, to 'noonomy,' to a conscious consumption-based industry, we need to answer several questions first. Which features of Russia and its economy would help us play to its strengths and decide how to deal with its weaknesses? How do we address a situation where, in the modern 'globalized' world, one state's weakness and economic ills can spread to the entire socioeconomic chain of interactions that state has created? Which of the previous

projects we should develop in the first place, which of them are capable of putting Russia in the lead in the new technology landscape and economic world order?

These questions are answered in the four respective Chapters of this Volume – the ways Russia, its economy and social structure, have come to reach this point; the possible ways out of the current crisis; where each of these paths would lead our society if we take it; and finally, which parts of the modern technological order and projects we should take with us into the new world. The content of this volume includes more than just conversations; it incorporates philosophical reflections on the current state of affairs, reports on the global economic situation and its future outlook. The Free Economic Society of Russia is at the forefront of this discourse. Experts from this group of the country's most renowned macroeconomists have engaged in complex debate and difficult consultations to prepare and send to the Russian Government a report, *Russia's New Ways* (Revisiting Russia's development strategy). Now they are working on an addendum to this document.

The new technological paradigm, which determines the main trends of the emergent global transformation,

provides Russia with a unique historical chance because it is based on knowledge-intensive technologies that are more efficient and cheaper to use while yielding higher returns in promising areas of economic development. Moreover, many of those areas are precisely those where our country has always been strong. It is in our power to use this advantage, expand it, and become one of the new world's leaders in technologies that are fundamental for the formation of the NIS.2 economy and in the future, noonomy, as well as for their recipient – the creative person, the person who creates non-material values (material ones can be left to increasingly autonomous and efficient technical systems), creative and spiritual values that can provide the foundation for the noo-social structure of human civilization.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief of the Series,
Professor, Doctor of Economics

ЧАСТЬ I

ПУТИ РОССИИ.
С ЧЕМ ПРИШЛИ

ДЛИННЫЕ ДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ
ЭКОНОМИКИ

БЕДНОСТЬ — ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПОНЯТИЯ

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. КАК БУДЕМ
УЧИТЬСЯ?

КАК ЖИВЕТ СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИИ?
ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К СРЕДНЕМУ
КЛАССУ И КАК СКАЗЫВАЕТСЯ КРИЗИС
НА ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ?

ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ?
В ЧЕМ ОНО ИЗМЕРЯЕТСЯ?

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО

ДЛИННЫЕ ДЕНЬГИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ ЭКОНОМИКИ

Проблема наличия длинных денег в экономике стоит на экономической повестке дня России с начала 2000-х годов. Без них не будет роста экономики, именно они являются одним из главных стимулов для этого процесса. Как привлечь длинные деньги? Какие возможности есть у Банка России для решения этого вопроса?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 24.10.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финансовым исследованиям
Института энергетики и финансов, профессор
Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра политических технологий,
руководитель направления «Финансы и экономика»
Института современного развития

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Михаил Владимирович, центральные банки практически всех развитых стран ведут политику по эмиссии долгосрочных финансовых инструментов и ресурсов и в целом по расширению так называемых длинных денег в своих экономиках. Я знаю, вы полагаете, что нашему Банку России также следовало бы уделить внимание этому направлению, потому что воспроизводство длинных денег — это основа и инвестиций, и устойчивого развития. Мы сегодня поговорим об этом: почему, собственно говоря, без длинных денег не будет роста.

Итак, первый вопрос. «Нет длинных денег — нет роста». Так называлась ваша, ставшая известной, совместная статья с академиком Абелом Гезевичем Аганбегяном, опубликованная в известном деловом издании. Так почему без длинных денег не обойтись?

Ершов: Мы все прекрасно понимаем, что проблема длинных денег является основополагающей. И более того, мы также понимаем и помним, что эта проблема у нас в новой России находится на повестке дня с начала 2000-х годов. И более того, мы прекрасно, опять-таки, понимаем, что чем более предсказуемым и чем более системным для рынка будет финансовое состояние и в валютном плане, и в длинных ресурсах, тем более прогнозируемой будет их экономическая деятельность. Что надо иметь в виду? Вот мы — и бизнес, и регуляторы, и экономика в целом — немножко, мне кажется, скромничаем с точки зрения формирования длинных денег у себя. И, в общем, если бы мы пошли теми более активными, настойчивыми путями, которыми идут наши основные конкуренты, ведущие экономики мира, то я думаю, что проблема была бы у нас более эффективно решена. А возможностей, на самом деле, у наших регуляторов и у нашей экономики здесь достаточно много.

Вот давайте, например, посмотрим на валютную проблематику. В конце сентября 2020 года все у нас были обеспокоены новым витком обесценения рубля. Чем выше волатильность рубля, то есть движение вверх-вниз, вверх-вниз, чем сильнее тренд на обесценение национальной валюты, тем, конечно, будет меньше у длинных инвесторов желания с этим инструментом, с нашим рублем, работать. Потому что кто же будет вкладывать свои ресурсы в длинную в тот актив, который обесценивается? У наших регуляторов есть на то большие возможности в плане стабилизации ситуации на валютном рынке. Тем более что российский рубль является одной из самых обеспеченных валют по сравнению со многими вполне уважаемыми валютами других стран: и японской иеной, и швейцарским франком даже, и уж тем более — американским долларом, который совсем плохо себя с этой точки зрения чувствует.

Что это фактически означает? Что если бы наш регулятор хотел, он бы на валютном рынке установил тот диапазон колебаний и тот курс, который считает целесообразным. И, соответственно, волатильность тоже решается одномоментно очень легко. Если регулятор хотя бы говорит рынку, что он считает нецелесообразной повышенную волатильность, и в случае, если рынок будет себя вести иначе, то может на этот рынок так или иначе войти и хотя бы частично на рынке стабильность восстановить. Рынок все это мгновенно уловит.

Если мы посмотрим на другие компоненты (они не менее, а, может быть, в чем-то столь же или даже более значимы) денежно-кредитной и бюджетной политики, то международное агентство Fitch сделало исследование, где рассмотрело большую группу достаточно сильных стран (там были и страны БРИКС, часть — Бразилия, Южная Африка, Индонезия, Индия и Россия) с точки зрения двух компонентов. По двум параметрам они рассмотрели, как эти страны себя ощущают в плане денежно-кредитной сферы, с одной стороны, и в плане бюджетной сферы, с другой стороны. И там, и там (и в бюджетных компонентах, и в денежно-кредитных компонентах) Россия на первом месте. То есть они сочли, что и в сфере денежно-кредитной, и в сфере бюджетной у нас, у России, самое лучшее положение по сравнению с этими странами с точки зрения возможности маневра и с точки зрения осуществления наших подходов и политики в сфере денежно-кредитной и в сфере бюджетной.

Поэтому, еще раз резюмируя коротко ответ на вопрос, что и в сфере валютной, и в сфере денежно-кредитной, и в сфере бюджетной у нас, у России, есть хорошие и пока еще мало используемые возможности с точки зрения того, чтобы обеспечить те механизмы, которые нам необходимы для обеспечения длинных инвестиций и длинных денег.

Бодрунов: Скажите, какие наиболее перспективные вы видите у нас механизмы? Может быть, их перечислить как-то, охарактеризовать?

Ершов: Совершенно верно. Это очень системный, фундаментальный вопрос, Сергей Дмитриевич. Если посмотреть на балансы трех центральных банков — американского, ФРС США, Банка Японии и нашего уважаемого Банка России — с точки зрения того, каким образом эти национальные банки осуществляют эмиссию своей национальной валюты, то мы видим, что у двух самых мощных финансовых систем мира, у японской и американской, 90%, почти 95%, основы всей эмиссии составляют национальные государственные бумаги, длинные, как правило, бумаги своего Минфина.

Что это означает? Что, по сути, эти экономики, эти центральные банки осуществляют ту самую так называемую денежно-промышленную политику, которая все более и более устойчиво проводится в последние годы ведущими странами. Так называемая industrial policy, когда у вас не просто эмиссия, а там рынок разберется, а вот у вас эмиссии на ипотеку, а вот у вас эмиссия на малый бизнес, а вот у вас эмиссия на наукоемкие производства, а вот у вас эмиссия на региональные программы и так далее — то, что нужно национальной экономике.

И вот если у вас в балансе ФРС 90% с лишним занимают национальные целевые государственные бумаги, по преимуществу длинные (в США — до 30 лет, в Японии — до 40), это означает, что на эти цели, на цели эмиссии (на ипотеку, на регионы, на космос, на все остальное) центральный банк дает экономике системный длинный ресурс. Сейчас (после пандемии и во время пандемии это особенно стало отчетливо проявляться) некоторые страны (например, Австрия, Бельгия) стали выпускать столетние облигации, облигации со сроком на 100 лет. Естественно, если экономика получает столетний ресурс от своего центрального банка, да еще и, ко всему прочему, целевой, ну конечно, с этим столетним ресурсом много что можно сделать. Причем у вас будет полное системное понимание, что деньги останутся в экономике столько, сколько нужно, потому что эта бумага держится на балансе центрального банка, он обратно деньги свои не оттягивает из экономики, то есть экономика получила столетний ресурс или тридцатилетний, как в США, — и так 30 лет эти деньги находятся там. Более того, были прецеденты, когда, например, срок бумаги истекал, и, по идее, нужно было деньги оттянуть назад, а деньги были экономике нужны по-прежнему.

Операция повторялась еще раз. Новая эмиссия, новый тридцатилетний ресурс попадает вновь — и всё, 30 плюс 30. Деньги превращались, по сути, в бессрочные. Ну конечно, если вот такие подходы самые зрелые финансовые системы устойчиво практикуют многие десятки лет, наверное, есть над чем подумать.

И здесь возникает вопрос: не этими ли подходами эти экономики обеспечивают себе мощь и свои лидирующие позиции в мировой финансовой системе? И параллельный вопрос: не связаны ли наши российские трудности и с нехваткой длинных денег, и с их дороговизной, с волатильностью валютного рынка и со всеми теми вещами, о которых мы с вами неоднократно говорили, с тем, что у нас в России подходы диаметрально противоположные тем, которые практикуются в этих наиболее зрелых и устойчивых финансовых системах мира? Что мешает нам сделать переход от той системы, которая делает нас не очень устойчивыми и не очень, что называется, прочно стоящими в этом смысле на ногах, к той системе, которая успешно и многие десятки лет практикуется ведущими экономиками мира?

Бодрунов: В качестве таких государственных механизмов эмиссии длинных денег можно использовать какие-то государственные инструменты, которые могут иметь длинный характер. Это, конечно, очень правильно с точки зрения того, что мы вбрасываем в экономику длинные деньги. Но очень важно также и понимать, что для государства это государственный долг, и поэтому есть разные мнения по этому вопросу. Кто-то считает, что таких долгов бояться не надо. Кто-то считает, что они могут нанести определенный ущерб нашей экономике. Я думаю, что здесь, как всегда, истина находится где-то в процессе исследования и применительно к обстоятельствам.

Я хотел бы, чтобы мы послушали мнение одного из наших экспертов — Никиты Ивановича Масленникова.

Масленников: Будет возрастать госдолг. Бесспорно, будет возрастать. За ближайшие годы, ну, скажем, в 2019 году это 12,7% ВВП, а в 2023-м это будет уже порядка 21%. Но давайте сравним. Соединенные Штаты Америки этот финансовый год закончат с госдолгом 104% валового внутреннего продукта страны, у Китая — около 70%. У многих других стран тоже где-то, у развитых экономик, между 60 и 80%. Поэтому мы по этому показателю в одной из самых лучших, на самом деле, в одной из самых защищенных позиций в экономическом мире.

Есть и другая точка зрения: давайте занимать как можно больше. Но занимать мы у кого будем? У своей собственной экономики, у своих субъектов? Иногда это просто необходимо, как в 2020 году случилось: и сделали, сманиеврировали удачно, ослабили цену падения рубля. Стоило бы поэтапно, спокойно снижать дефицит бюджета до приемлемого уровня. То, что получается по этому году, — это еще где-то 4,4% ВВП, это не здорово. Но без такого дефицита мы бы не смогли профинансировать антикризисные меры. На них уже потрачено в настоящее время порядка 4 триллионов рублей, а это 3,9% валового внутреннего продукта России. Вот если бы мы не потратили эти деньги и, стало быть, не получили бы такой дефицит, то спад нашей экономики в этом году был бы глубже как минимум на 2 процентных пункта. Вот если у нас сейчас прогнозируются 3,9%, то было бы больше 6%. Поэтому в данном случае дефицит оправдан, потому что это необходимо.

Другое дело, что нам нужно сокращать дефицит. На 2021 год есть предложения о снижении дефицита до 2,4% ВВП, а в 2022 году — уже до 1%. Но крайне важен бюджетный стимул для этого, который как раз в 2021 году и особенно в 2022-м будет затухать. Но это не слишком страшно, потому что если дефицит будет, скажем, те же самые 2%, но если мы получаем гарантированно 3 и более процентов экономического роста за счет этого, то это, в общем, вполне удачная тогда композиция, можно считать ее успехом.

Бодрунов: Возвращаемся к вопросу о длинных деньгах с точки зрения их использования. Вот мы говорим, что экономика без длинных денег будет страдать. Это уже установленный, понятный, достаточно объективный фактор развития экономики. Но все-таки, знаете, деньги используются по-разному. Могут использоваться в целях, которые неважны с точки зрения развития. Могут использоваться не очень эффективно с точки зрения того, в какие сроки, когда и куда инвестировать, и много чего еще бывает в ситуации, когда мы получаем какие-то деньги, ресурсы, а проектов под это дело особых нет и так далее и тому подобное. То есть все зависит от многих-многих факторов. Как сегодня вы понимаете перспективу? Допустим, сейчас принят план развития экономики, есть цели национального развития. С точки зрения выполнения этих задач как эффективно использовать длинные деньги?

Ершов: В статье, о которой вы упомянули, с Абелом Гезевичем мы пишем и о наукоемких производствах, и об инвестициях в человеческий капитал, потому что мы прекрасно понимаем, что люди — это самое главное, особенно сейчас, когда мы в условиях пандемии почувствовали, что если люди будут себя чувствовать плохо, то и вся экономика будет тем более себя чувствовать плохо. Поэтому инвестиции и в экономику знаний, и в здравоохранение, и экономика образования — всё требует длинных устойчивых ресурсов.

Более того, тут возникает двойной фактор. Во-первых, у нас у всех, как у населения, возникает большая и большая уверенность в завтрашнем дне, и мы начинаем уже более активно участвовать в экономической жизни своей страны, своей экономики. Повышается наш спрос, которого сейчас, к сожалению, мало. Проблема отсутствия спроса — проблема тоже довольно долгая, последние пять-шесть лет у нас в России. А так мы будем чувствовать, что мы все-таки уже становимся более активными участниками, первое. И второе — повышается наша удовлетворенность тем, что происходит, то есть повышается фактор социальной стабильности. Мы ощущаем себя более комфортно в этой системе координат.

А что касается самих технологий движения средств, чтобы они не были растрочены бесцельно или не были украдены, наверное, здесь, конечно, уже есть отшлифованные, так или иначе отработанные механизмы, технологии движения ресурсов через казначейство, через спецсчета, через спецбанки, которые на этом уже как бы не первый год функционируют.

Бодрунов: Для того чтобы деньги не ушли, условно говоря, куда-то в теневой сектор.

Ершов: Или использованы не по назначению, например, на валютный рынок, где будет опять все это дело расшатываться, и все будет дестабилизироваться; то, о чем мы говорили в начале разговора. Совершенно верно. То есть все-таки должен быть обеспечен целевой характер движения и использования средств.

Бодрунов: Мы с вами наблюдаем очень важный эффект, важный момент. Дело в том, что сама по себе эмиссия длинных денег, их использование и так далее панацеей не являются, если это сделано в отрыве от тех структурных преобразований, от тех вещей, которые необходимы для развития экономики в других ее элементах и частях.

В частности, только что вы сказали о спросе. Ну хорошо, замечательно, что спрос действительно поддерживает развитие экономики и экономический рост. И понятно, вы четко пояснили, в чем здесь роль длинных денег, как это может быть связано с этим фактором. А есть ли еще какие-то дополнительные механизмы экономического роста, которые так или иначе упираются в длинные деньги? Потому что длинные деньги — это как бы длинная жизнь.

Ершов: Нужно иметь в виду комплекс мер. Это и процентные ставки, и всякие спецмеханизмы, и спецпрограммы, и все то, что, в общем, мы неоднократно говорили и говорим.

Но здесь я еще раз хочу подчеркнуть вот какое обстоятельство. Важна общая финансовая стабильность. И в качестве иллюстрации, конечно, здесь рынку важно понимать с точки зрения работы с длинными деньгами, насколько стабильны перспективы этой среды, этого рынка.

Я напомним (опять, скорее, в контексте валютной проблематики) один интересный эпизод. Он печальный, к сожалению, но все-таки с точки зрения финансового регулирования интересен тем, как восстанавливается финансовая стабильность. Когда были события, связанные с башнями-близнецами в Соединенных Штатах, — чудовищная катастрофа, американский рынок, естественно, закрылся. Но потом, когда он открылся, то объем рефинансирования, которое ФРС предоставила своей банковской системе, в первый же день работы рынка превысил обычные объемы более чем в 200 раз. То есть за один день сразу ФРС увеличила рефинансирование для своих американских банков в двести с лишним раз, за один день по сравнению с обычным объемом, который был до этой катастрофы, до этого кризиса. Плюс ставки были опущены вниз резко, плюс спецликвидность была тоже введена. И рынок через неделю, две, три уже потихонечку стал от этого шока оправляться и стал восстанавливаться.

Это я к чему говорю? Что вот такие специальные меры по восстановлению стабильности на рынке могут, даже в таких шоковых ситуациях, добавить рынку стабильности и устойчивости. И в условиях вашего вопроса о длинных деньгах это тем более важно. И когда эта длинная перспектива не будет нарушаться короткими эпизодами провалов, вверх-вниз, вверх-вниз, которые мы наблюдали в последнее, в том числе сентябрьские, в 2020 году, дни на рынке, которые, конечно, подрывают доверие и к валюте, и к финансовой системе, и вообще ко всем процессам инвестирования.

Именно поэтому регулятору очень важно показывать свое внимательное присутствие на рынке. И когда регулятор с рынка уходит, пускает все как бы на самотек, естественно, рынок теряет систему ориентации. Это все равно что если бы врач сказал больному: «Знаешь, ты там на собственные силы опирайся. Я как бы буду находиться рядом, но помогать тебе пока не буду. Тебе важно самому дисциплину самовыздоровления иметь». Но вообще, по идее, на то врач и есть, чтобы помогать больному, и на то и регулятор есть, чтобы помогать рынку в случае, когда рынок чувствует себя плохо, то есть рынок заболел — и регулятор должен рынку помочь. Рынок тоже такой же, по сути, почти живой элемент и живой механизм, поэтому с ним нужно тоже обращаться, давая ему устойчивость в понимании того, как все это есть.

Тем более в случае с длинными деньгами, которые действительно такие. Еще раз: длинные деньги — в чем их специфика, длинные, такие вот системные проблемы? Ведь тут репутация, устойчивость. Вы репутацию долго зарабатываете и очень быстро можете ее разрушить. Поэтому вам нужно, как регулятору, как всем участникам, вести себя очень последовательно, не меняя радикально свои подходы по сравнению с теми, которые были раньше, чтобы все понимали, что как вот было — так оно и будет. Чем больше будет такая перспектива устойчивости и движения в обозначенном направлении с учетом всех инструментов (бюджетных, процентных, денежно-кредитных, валютных), которые у регулятора есть, а у него их в изобилии, тем лучше рынок будет себя чувствовать.

Поэтому здесь просто нужно немножко поменять, я бы считал, идеологию этого настроения рынка. Тем более, повторяю еще раз, что у нас, у России, есть все необходимые ресурсы и все необходимые возможности, чтобы на рынке установить благоприятную, комфортную среду для всех участников. И когда мы эти возможности имеем, но почему-то ими очень робко пользуемся или не пользуемся вообще, это вызывает скорее недоумение. И поэтому я считаю, что все те задачи, которые перед нами сейчас стоят, а они становятся все более и более актуальными, более и более острыми, и после пандемии, я думаю, будут только возрастать их объем и актуальность, и все те, которые перед нами стоят и которые перед нами ставятся руководством страны, президентом во всех наших системных документах, — мы вполне можем их решить, но только это потребует неких более активных, более сфокусированных подходов и у участников рынка, и у регуляторов, и у всех нас.

Бодрунов: Я считаю, что из всего того перечня мер, которые вы назвали, мне важно подчеркнуть две очень важных вещи.

Первое — это инвестиционный процесс, менее экономический, чем психологический. Почему? Потому что инвестор всегда принимает решение на длинную, как правило, перспективу. Инвестиции, особенно в крупные инфраструктурные проекты, о чем сегодня мы, в общем-то, говорим, — для нашей экономики самое важное. Это крупные проекты в сфере промышленности, индустрии, особенно сложных областей и сфер индустрии. Это длинные проекты. И рассчитывать на то, что инвестиции вернуться, что будет соответствующая рентабельность, можно только в условиях более-менее приличной стабильности, меньшей волатильности рынков, в том числе финансовых рынков, и так далее и тому подобное. Потому что с финансовых рынков получают финансовые ресурсы, ну и прочее, прочее. Поэтому, конечно, длинные деньги придают устойчивость экономике и надежность инвестиционного процесса, что, собственно говоря, и есть один из важнейших толчков развития экономики. Об этом говорит постоянный участник наших дискуссий академик Аганбегян, о котором мы сегодня говорили. И это было подчеркнуто на Московском академическом экономическом форуме в 2020 году в мае месяце, и это было подчеркнуто неоднократно на наших сессиях ВЭО. И я считаю, что это абсолютно правильное наблюдение и правильная закономерность, которую необходимо обязательно учитывать в разработке мер по развитию нашей экономики. Очень важна сама по себе устойчивость не только для инвестиционного процесса, но и для того, чтобы субъектам экономической деятельности принимать правильные решения, ориентируясь на те устоявшиеся, или установленные, или какие-то более-менее стабильные правила и нормы, которые есть в экономике. А она, опять же, может быть стабильной и устойчивой, только если в ней есть длинные какие-то, условно говоря, столпы, на которых она стоит.

И вот в этом плане, конечно, Центральный банк выполняет определенную функцию такого надзирателя поведения на этом рынке и поддержки этого рынка. И, конечно, мы считаем, что движение в эту сторону у нас идет, и зависит это не только, конечно, от Центрального банка, зависит и от решений правительства, от того плана мер, который сегодня реализуется в стране. Ну и зависит от того, как мы будем себя чувствовать в мировой экономике.

БЕДНОСТЬ — ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПОНЯТИЯ

С 2021 года Россия перешла на новую методику расчета прожиточного минимума — по медианному доходу, отвязав его от ранее использовавшейся потребительской корзины. Зачем это было сделано и как может новая методика отразиться на жизни россиян? Какие существуют подводные камни при определении того, кто является бедным, и как их обойти?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 06.03.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Игорь Алексеевич Николаев,
директор Института стратегического анализа
компаний «Финансовые и бухгалтерские консультанты»,
доктор экономических наук*

*Сергей Николаевич Смирнов,
доктор экономических наук,
Высшая школа экономики*

*Дмитрий Заворотный,
руководитель Центра экономических стратегий
Института нового общества*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Всем хочется быть здоровым и богатым или хотя бы не бедным. В Давосе в этом году на Всемирном экономическом форуме тоже педалировали эту тему. В мире есть две основные концепции определения уровня бедности: абсолютная и относительная. В России до 2021 года использовалась абсолютная концепция бедности, согласно которой ее граница — это стоимость абсолютной величины минимального потребления (у нас так называемая потребительская корзина, всем нам известная). Но с 1 января 2021 года Россия перешла на новую методику расчета прожиточного минимума. Этот самый минимум будет устанавливаться, исходя из так называемого медианного дохода, то есть дохода, выше которого он у 50% граждан, а ниже — у другой половины населения. Зачем это было сделано? И как это отразится на россиянах?

Игорь Алексеевич, как вы полагаете, почему было принято такое решение: отвязать прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда от стоимости потребительской корзины? И вообще, как соотносятся эти понятия?

Николаев: Действительно, до самого последнего времени у нас использовался первый подход, абсолютный, связанный с потребительской корзиной. Причем надо сказать, что мы от него уже несколько лет назад стали переходить к относительному. Дело в том, что раньше мы считали минимальную потребительскую корзину и не только продовольственную, но и непродовольственные товары, услуги добавляли. Потом мы отказались несколько лет назад от подсчета хотя бы непродовольственных товаров. Но продовольственная минимальная потребительская корзина осталась.

Какие недостатки у этого подхода... Зачастую вызывало вопросы, почему, допустим, яиц 210 в год должно быть включено в потребительскую корзину на трудоспособное население, а на пенсионеров — меньше? И сколько? Вот эти вечные споры, сколько включать того или иного продукта, каков должен быть вообще состав этой корзины, они, на мой взгляд, продолжались бы всегда. И одновременно мы знали, что есть другой подход, относительный. Если у нас есть, допустим, показатель среднедушевого дохода, медианного душевого дохода, то медианного — это значит, что выше и ниже этой черты располагается по уровню дохода 50% населения. Мы же можем установить какой-то процент от этого медианного дохода...

Бодрунов: И определить уровень бедности, например.

Николаев: Да. И это представлялось, естественно, правильным. Тем более что опыт европейских стран и других стран говорит, что так и надо делать.

Почему мы так долго к этому шли... Потому что, в том числе, если взять те соотношения по относительному подходу, какие были, допустим, в Европейском союзе, то показатели бы бедности у нас были значительно выше. То есть это правильный путь, и я вполне удовлетворен, что наконец-то мы уходим от абсолютного подхода к определению границы бедности.

Бодрунов: Тем более вы абсолютно правильно сказали, что сама по себе потребительская корзина вызывала всегда огромные нарекания. Мы это в Вольном экономическом обществе обсуждали, однажды у нас была экспертная сессия по этому поводу. И что только не предлагалось! Но мне кажется, всегда мы утыкались в одну и ту же проблему: сколько мерить в граммах, сколько вешать в рублях и так далее и тому подобное, и почему так... Вот это экономически обоснованная норма, это медицински обоснованная

норма, это какие-то иные нормы и так далее. Но почему не включать туда экологическую компоненту, которая нарастает? Почему не включать другие какие-то проблемы и так далее... Так что переход к медианному доходу, мне кажется, это более комплексный вариант оценки ситуации, который, можно сказать, совершенно по-другому на эту проблему позволяет посмотреть.

Я хотел бы нашему уважаемому коллеге Сергею Николаевичу Смирнову задать вопрос. Скажите, пожалуйста, у нас сейчас медианный доход в качестве точки отсчета установлен, но установлен и уровень от медианного дохода, что такое бедность и что такое небедность... В некоторых странах есть некая градация — условная бедность, базовая бедность и так далее. У нас просто бедность и небедность. Скажите, уровень бедности у нас как установлен, на основании чего?

Смирнов: Один из конструктивных законов Государственной Думы был принят 29 декабря 2020 года, там четко установлены критерии. Если у вас 44,2% от медианного дохода, тогда вы считаетесь бедным и, соответственно, претендуете на все меры социальной помощи и социальной поддержки.

Откуда взялись эти 0,2%... Я думаю, отчасти от того, чтобы слишком сильно не повысить уровень бедности. Мне кажется, что мы перешли как раз к медианному доходу не вполне от хорошей жизни. Потому что вы знаете, что состав потребительской корзины должен был регулярно обновляться и устанавливаться. И последний раз он был установлен в 2012 году. После этого Дмитрий Анатольевич Медведев регулярно продлевал состав той корзины прожиточного минимума. Дальше шли разработки в Минтруде, и корзина должна была наполниться, улучшиться. Но понятно, что уровень бедности резко бы возрос, да... А у нас доходы, уважаемые коллеги не дадут соврать, с 2010 года несколько ниже сейчас, и не несколько, а на 10,5%. И вот, собственно говоря, так и получилось.

Бодрунов: Я хотел бы предложить вам, уважаемые коллеги, послушать мнение одного из наших экспертов как раз про эти самые вещи, про эти цифры. Как повлияет изменившаяся методика расчета на учетное количество бедных в России: уменьшится оно, это считаемое количество, или увеличится...

Заворотный: Новая методика весьма любопытна, надо отметить. Стоит начать с арифметики. Согласно новой методике, у нас теперь минимальный размер оплаты труда рассчитывается как 42% от медианной зарплаты. Значит, если мы возьмем медианную зарплату согласно данным Росстата, то она у нас составляет 35 тысяч рублей. Соответственно, по новой методике минимальный размер оплаты труда должен быть 14 700 рублей. Но мы знаем, что с 1 января 2021 года МРОТ установлен на уровне 12 700 рублей.

В чем здесь фокус? А фокус заключается в том, что Министерство труда использовало свою версию расчета медианной зарплаты. И по их оценкам, эта цифра составила 30 с чем-то тысяч рублей, отсюда и вот эта величина утвержденного МРОТ в 12 700 рублей, что на 600 рублей больше, чем прошлогодний МРОТ. Еще можно отметить, что странной является цифра 42%. Если мы говорим о том, что это попытка использовать западный подход к оценке минимального размера оплаты труда, то вот, например, в Евросоюзе используется цифра в 60% от медианного дохода. То есть происхождение вот этих 42% — это большой вопрос, не взята ли эта цифра с потолка или, скажем так, не использована ли именно эта цифра, чтобы мы получили не слишком существенное увеличение минимального размера оплаты труда, что, в общем-то, и имеет место.

Что же касается количества бедных, конечно, эта методика на самом деле радикально не изменит оценки по числу бедных граждан, потому что это, вообще говоря, никак не влияет на то обстоятельство, что где-то 13,5% населения России, порядка 20 миллионов граждан, получают доход ниже того уровня бедности, который был у нас по итогам прошлого года. Ну хорошо, эта оценка немного снизится с учетом последней индексации МРОТ, которая примерно соответствует или даже чуть больше уровня прошлогодней инфляции. При этом сама проблема низкого минимального уровня оплаты труда сохраняется в полной мере, методикой ее не изменишь, а, по сути, изменилась, в общем-то, только методика, то есть подход к оценке уровня бедности. При этом вопрос о самой бедности в целом остается таким же актуальным, как и был.

Бодрунов: Коллеги, а ваше мнение по этому поводу? Бедных станет меньше или больше?

Николаев: Я бы сказал, что мы с определенным лукавством подошли к получению этих 44 процентов. По сути, мы просто зафиксировали 11 тысяч 600 с чем-то рублей — это прожиточный минимум, посчитали мы, соответственно, по медианному среднему душевому доходу — это 44,2%. Отсюда эти десятые-то и вылезли. А вот потом надо, на самом деле, стремиться к тем критериям, к тем показателям, которые есть и в других странах. Это же относительный подход!

Здесь будет вполне логично и правильно, что если в Европе 60% медианного среднего душевого дохода, то нам надо тоже к этому стремиться — 60% от нашего российского медианного среднего душевого дохода. И это будет черта, а если доходы ниже этой черты, то человек будет считаться бедным. Но понятное дело, что, если бы мы сейчас 60% установили бы, у нас было бы не 19,4 миллиона бедных, как по итогам первого полугодия 2020 года, а я так думаю, что все 30 миллионов, наверное. Все надежды на то, что мы надолго не задержимся на этой черте. Потому что уж если мы переходим к этому подходу, то давайте делать и следующий шаг.

Смирнов: Абсолютно согласен! Но тут возникает один, на мой взгляд, достаточно большой риск. Если говорить о тех же 60%, то я не исключаю, что новый импульс получит дискуссия о прогрессивном подоходном налоге. Кто оказывает меры социальной поддержки? В основном регионы, а где взять ресурсы? Будем повышать НДФЛ. За счет кого? За счет высокодоходных. А так я абсолютно согласен, что действительно 44,2 — это низко, но это отвечает текущей ситуации при условии, если мы не трогаем Фонд национального благосостояния.

Бодрунов: Коллеги, мы часто говорим о том, что необходимо снижать количество бедных. Это одна из важных социальных задач, которая поставлена и президентом, и вообще, собственно, всей нашей жизнью. И в идеале мы должны довести бедность до нуля, то есть бедных нет, все зажиточные, всё хорошо, есть богатые, есть живущие в достатке — вот идеальная модель нормального, условно говоря, нашего социального функционирования.

Но возникает вопрос: если мы всегда будем отталкиваться от середины и держать эту планку, условно, 44 процента, 48 процентов и так далее, то, в конечном счете, у нас все равно будут бедные по этому расчету, даже если они будут очень-очень богатые. И если будем отталкиваться от потребительской корзины, то в этом случае мы могли бы сказать, что корзина полностью удовлетворена, бедных нет, всем хватает. А вот по медианному доходу этого достичь невозможно. Что вы по этому поводу можете сказать? Насколько универсален сегодняшний подход?

Николаев: Я считаю, что в этом ничего страшного нет. Потому что это будут уже другие бедные. Да там эти 44,2% от того медианного дохода — это будет вполне себе приличный уровень. Как у нас сейчас говорят: да там бедные в развитых странах, у нас средний класс сопоставим. Так что в этом ничего страшного нет. Все равно количество бедных, может, и будет уменьшаться при таком подходе. Но я должен сказать: надо просто и смотреть-то более открыто на эту проблему! Ведь у нас раньше задача формулировалась — преодоление бедности. И в 2003 году в президентском послании, там именно такие слова были — преодолеть бедность. Сейчас, как мы знаем, снизить бедность в два раза к 2030 году по отношению к 2017-му. И это более трезвый взгляд на вещи. Поэтому снизить — это как с преступностью: да, можно ее значительно снизить, но в обозримой перспективе вряд ли будет такое состояние, что вообще не будет преступников. Так и здесь. Надо стремиться к тому, чтобы бедных было как можно меньше. Но по медианному доходу они все равно будут, и в этом ничего страшного нет. Это будет другой уровень бедности уже.

Бодрунов: Может быть, тогда надо идти по такому пути, по какому идут, например, в Западной Германии? Там, насколько мне известно, устанавливают абсолютную бедность — порог, потом следующая базовая бедность, потом еще какая-то бедность. Я, например, считаю, что потребительская корзина при всех ее недостатках отражала более точную ситуацию с определением понятия «кто же такой бедный».

Нам придется идти, видимо, по пути изменения каких-то градаций бедности в перспективе. Я не думаю, что сейчас это важно. Но тем не менее мы понимаем, показатель есть показатель, на него надо ориентироваться. Сказал президент в два раза снизить бедность, но как же мы можем снизить ее, если мы каждый раз будем порог повышать? В таком аспекте это задача, можно сказать, нерешаемая абсолютно!

Мне кажется, надо использовать не напрямую этот критерий, а какой-то комплексный подход для оценки реального состояния дел. Потому что бедный, например, 2010 года и бедный 2020 года — это разные бедные, вы совершенно справедливо сказали. А в 2030 году это могут быть еще более разные бедные, но уровень бедности может подняться, а не опуститься, если будет общество России богатеть. Поэтому в этом плане, я думаю, должен быть некий другой комплексный подход для оценки.

Смирнов: Есть одна очень большая проблема. Можно наполнять физически корзину, можно медианный доход считать и так далее, но могут быть трудоспособные одни и трудоспособные другие.

Представьте себе, у вас небольшая заработная плата, но у вас есть крыша над головой, у вас есть дача, у вас есть автомобиль, гараж и так далее — все это вы заработали. И, в принципе, вы не являетесь бедным. А другой получает 150 тысяч, условно, но маленький ребенок, неработающая жена... И вот это проблема, прямого решения которой нет. Есть еще один очень важный момент — субъективная бедность. Вот я живу на одной лестничной клетке, а сосед живет лучше меня, а другой — еще лучше. Приходят социологи, я говорю: я — бедный, притом что мои доходы вполне адекватные. Вот эта структура расходов, мне кажется, очень важна, и ее приходится учитывать при решении проблем со стороны социальной защиты, социальной поддержки для каждой конкретной семьи. Собственно говоря, в этом суть адресного подхода.

Бодрунов: Я согласен с вами насчет того, что адресный подход важен вкуче с комплексными показателями. Я уже не говорю об образовании и качественном медицинском обслуживании и многих других вещах. Если эти вещи научиться считать, мне кажется, мы можем более четко ориентироваться на то, что мы все-таки имеем: рост бедности или снижение бедности. Потому что просто так ориентироваться на цифры, мне кажется, мало. И не зря мы перешли с одного метода учета на другой метод, потому что идет поиск этих показателей. Но я вижу, что и тот, и другой метод не являются идеальными.

Николаев: У меня, Сергей Дмитриевич, такой обеспокоенности нет. Я уверен, что перейдем мы на этот подход, и будет известна, например, планка в 11 600 или 12 тысяч рублей. И будьте уверены, найдется много желающих, которые посчитают: а что можно купить...

Бодрунов: ...на эти деньги.

Николаев: Да. Не приходится сомневаться, что и буханка хлеба, и сколько яиц можно купить — все это будет посчитано. И мы будем иметь представление, действительно мы ушли вперед или, наоборот, с этим относительным подходом двинулись назад.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать, что в нашей дискуссии сегодняшней высветилась очень важная проблема. Отход от монетарного прямого измерения в пользу комплексной терапии болезни бедности. В Евросоюзе, насколько известно, с 2010 года уровень бедности рассчитывается с помощью многомерного индекса риска бедности и социальной исключенности, куда входит не только уровень доходов домохозяйств, но и уровень занятости трудоспособного населения, учитывается, чего человек лишен, выясняется, может ли семья позволить себе справиться с какими-то неожиданными тратами.

Споры о лучших методах учета бедности будут, наверное, идти долго. На сегодняшний день у нас пересчитанный по новым критериям прожиточный минимум вырастет на 3,7%, не совсем точно так, один в один, как это было. Но я думаю, что он как раз вырастет на уровень той инфляции, на которую считалась старая потребительская корзина, — на 185 рублей. Минимальная оплата труда у нас будет 5,5%, то есть вырастет на 5,5%, а значит, вырастет на 662 рубля. Пока это вряд ли сильно отразится как на доходах россиян, так и на количестве реальных бедных. Но, однако, надеемся, что эта новая методика все-таки поможет лучше ориентировать наши экономические власти на более комплексный подход к оценке, я бы сказал так, порога бедности и при формировании более эффективных программ снижения бедности.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. КАК БУДЕМ УЧИТЬСЯ?

Введение дистанционного образования в прошлом году, когда Россия боролась с первой и второй волнами пандемии коронавируса, вызвало в обществе достаточно серьезную негативную реакцию. И тем не менее есть ли плюсы в дистанционке? Каким образом взять из этого формата хорошее и не «выплеснуть с водой ребенка»?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 27.02.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Олег Николаевич Смолин,
член Президиума Вольного экономического общества
России, первый заместитель председателя Комитета
по образованию и науке Государственной Думы,
доктор философских наук, профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Сегодня мы поговорим о дистанционке. Как будем учиться? Для всех не является секретом, что в прошлом году родители бурно реагировали на дистанционный формат обучения школьников. Понятно, что в основном реагировали отрицательно, бурно, активнее всего протестовали в Москве. Появилось даже некое общественное движение против дистанта, объединившее более 20 тысяч родителей. Это, в общем-то, объяснимо.

В Минобрнауки признали, что качество дистанционного обучения, особенно на первом этапе, было ниже очного. Рассмотрение законопроекта о донстройке дистанционного образования в первом чтении решили отложить из-за того, что многие родители опасаются вытеснения живого образования цифровым. По этому поводу высказывались многие наши лидеры государства, высказывались специалисты системы образования, даже президент России по этому поводу говорил. Сегодня и мы поговорим о том, почему возникли вот такие опасения и насколько они оправданы.

Олег Николаевич, очень многие родители опасаются, что законопроект, касающийся регулирования дистанционного обучения, открывает возможности для того, чтобы без особой на то нужды переводить учащихся на дистанционку. Давайте развеем их опасения. Для чего нужен законопроект о донстройке дистанционного образования?

Смолин: Прежде всего отделим, как сейчас модно говорить, мух от котлет. Первое, родители абсолютно правы, когда они протестуют против так называемого обучения на дому с использованием дистанционных технологий в том виде, в котором оно применялось. Они правы, потому что действительно есть специальные опросы, которые проводились специальным центром Минздрава, которые показали, что дистанционное обучение в том виде, как оно подавалось, крайне вредно, в частности, для здоровья детей. Опросили 30 тысяч ребят, и у 84% проявились неблагоприятные психические реакции, испытали нарушения сна — 56%, пережили частую смену настроения — 44%, испытали депрессивное состояние — 42%, нормально всё это пережили только 32% детей. Это только одна составляющая.

Есть и другая. Действительно, дистанционные технологии в том виде, как они применялись, понизили качество образования. Нам, правда, говорят, да нет, не понизили. Смотрите на результаты Единого государственного экзамена, вот ЕГЭ же показал, что результаты практически те же, что и в предыдущем году. Но ЕГЭ показывает результаты обученности по узкому кругу предметов! Ведь в чем заключается технология подготовки к ЕГЭ? Дети перестают учить остальные предметы и учат только то, что собираются сдавать. В условиях так называемой дистанционки они еще меньше занимались другими предметами, еще больше дрессировались на тех, которые собирались сдавать. Поэтому результат оказался в целом не хуже. Кстати, примерно 100 тысяч ребят наиболее слабых не сдавали ЕГЭ в 2020 году. Это тоже сказалось на результатах.

Повторю, родители правы, с одной оговоркой, а выбор... Я повторяю, мы — противники принудительного перевода детей на дистанционные технологии. Но мы понимаем, что, когда приходилось выбирать: или распространение пандемии или, соответственно, перевод на такое некачественное обучение, у властей, например, города Москвы особого выбора-то и не было! Слава Богу, сейчас вернулись на нормальное обучение. Но это одна сторона вопроса.

Вторая сторона — это уже про законопроект, по поводу которого были массовые протесты. Хочу сказать, что, если честно, законопроект тут ни при чем. Он только об одном — о перераспределении полномочий между двумя министерствами, и все. Он и не в плюс, и не в минус, больше там ничего нет.

Другое дело, что еще до коллег из Совета Федерации мы внесли другой законопроект, касающийся электронного обучения и дистанционных технологий. А в нем две ключевые идеи. Первая — перевод на электронное обучение и дистанционные технологии в школе возможен только с согласия родителей. Напоминаю, 93% родителей против. Вторая — если государство в особых условиях, а это может быть режим чрезвычайной ситуации, чрезвычайного положения или повышенной готовности, как сейчас обзывается то, что у нас происходило, переводит учащихся на дистанционный режим обучения, тогда государство обязано обеспечить по крайней мере детей из семей с невысокими доходами компьютерами, а всех детей — всем необходимым. У нас же, не секрет, половина сельских школ не имеет доступа к широкополосному интернету. Такой законопроект мы предложили. И я думаю, что, если бы правительство его поддержало, то это бы успокоило родительское сообщество. Пока мы принимаем к сведению заявления и президента, и министра просвещения, и, если будет угодно, мое заявление как официального куратора Совета по информационным технологиям образования и науки при профильном комитете о том, что не будет принудительного перевода школьников на дистанционные образовательные технологии в нормальных условиях.

Бодрунов: Очень важное заявление на самом деле, Олег Николаевич. Я понимаю, что многие опасения родителей по поводу качества дистанционного образования были оправданы. Но в то же время нет никаких оснований полагать, что с принятием законопроекта от Совета Федерации будет принудительный перевод на дистанционное обучение.

Смолин: Этот законопроект не в плюс и не в минус. Это законопроект не для граждан, а, скорее, для министерств, для чиновников.

Бодрунов: Да, для ведомств. Есть, кстати и еще одна сторона вопроса — сама по себе школа. Какие уроки она вынесла из пандемии? Ведь не секрет, что это большая дополнительная нагрузка на учителей, это какие-то особые условия труда для школ и для системы образования. Что вот с этой стороны?

Смолин: В прошедшем году мы все дружно благодарили врачей, и совершенно справедливо. Многие из них проявили подлинное мужество и героизм в невоенных условиях. Но я думаю, что можно было бы поклониться и учите-

лям. Дело в том, что от них потребовалась колоссальная дополнительная работа, связанная с использованием дистанционных образовательных технологий. Я знаю, что резко увеличилась продолжительность рабочего времени учителей. Я вспоминаю историю, которую слышал от моего друга, известного академика и педагога Евгения Ямбурга, когда ему звонил муж молодой учительницы и требовал не разрушать семью. Потому что молодая учительница занималась не только проведением уроков, но и подготовкой к урокам не только днем, но и ночью.

К сожалению, я не знаю, как в отдельных регионах, но в целом по Российской Федерации никто учителям за это ничего не доплатил, хотя мы на этом настаивали, между прочим, и считаем, что это было абсолютно справедливо. Врачам хотя бы некоторым доплатили, педагогам не доплатил никто. Поэтому давайте скажем спасибо нашим педагогам! Кстати, если верить социологам, некоторые родители отметили, что они теперь лучше относятся к педагогам, потому что они на себе поняли, насколько это сложная работа — организовывать обучение детей, в том числе в таком режиме. Часть работы легла на плечи и родителей, надо об этом сказать совершенно прямо.

Мы не знаем, когда закончится пандемия, но мы очень хотим надеяться, что нам больше не придется переводить детей на дистанционные технологии. Но готовность к этому должна быть. С сожалением хочу констатировать, несмотря на прямое поручение президента от 15 января прошлого года, несмотря на прямое заявление президента, соответственно, по-моему, 23 июня прошлого года и на прямой линии в декабре о том, что в этом году в школы должны прийти самые современные технологии, мы видим, что расходы федерального бюджета на 2021 год по сравнению с плановыми, связанные с присоединением к широкополосному интернету, оборудованием школ на этих цели, сокращены на 4 миллиарда рублей. Это мне, честно говоря, непонятно. Тем более, Сергей Дмитриевич, как мы с вами прекрасно знаем, стабилизационный фонд в 2020 году практически не был затронут, он сохранился на прежнем уровне. А ведь мы создавали его именно на такие случаи и на случаи кризисов. Мне кажется, что экономить на детях — это совершенно неправильно!

Бодрунов: Всемирный банк готовит доклад «Covid-19. Человеческий капитал», в котором информирует, что российские школьники из-за пандемии пропустили около трети учебного года и, по мнению банка, это приведет к проблемам в будущем, в том числе к падению их доходов в будущем. Там даже оценили на сколько — на 2–2,5%.

Смолин: Экономическая социология однозначно говорит, что если брать не отдельного человека, а общественные группы, то чем выше образование, тем выше вклад людей в создание валового внутреннего продукта и тем выше в среднем доходы. Образованные люди получают в среднем больше, чем необразованные, и, кстати, создают больше национального богатства, или валового внутреннего продукта, чем люди без соответствующего образования. Поэтому, что касается потерь, да, потери очень большие, потому что фактически не везде можно было вести нормальные занятия и потому что фактически мы прекрасно понимаем, что эффективность занятий в дистанционном формате очень разная в зависимости и от того, насколько дети мотивированы на обучение.

Бодрунов: Олег Николаевич, я с вами полностью согласен. Более того, я со своей стороны, как экономист, разрабатывающий теорию ноономики, могу сказать, что по представлению нашей научной школы основной фактор производства сейчас, в нынешних условиях, в условиях перехода к новому технологическому укладу, — это знание. Знаниеёмкость продукта растёт, и, соответственно, растёт вклад знания и в квалификацию, и в результат работы, то есть в продукт сам по себе. И действительно, доля тех продуктов, которые имеют большую знаниеёмкость, она, конечно, все более и более превалирует на рынке. И, соответственно, мы говорим о том, что если мы знания недодадим, если мы людей не подготовим квалифицированных, то в этом случае и успехов на рынке, роста ВВП, в общем-то, ожидать не следует. Я не готов спорить с экспертами по поводу цифр, потому что таких расчетов мы не делали, но в целом тренд совершенно очевиден.

В связи с этим есть важная проблема: пандемия привела к росту неравенства между учениками. Кто-то в городе имеет широкополосный интернет, кто-то в деревне его не имеет. И здесь я согласен: важно обеспечить семьи средствами для дистанционного обучения, если оно возникает. Дети, которые не могли учиться эффективно из-за того, что нет интернета, рабочего места и так далее, таких детей по данным Минпросвещения около 700 тысяч по всей России. Это огромная цифра! Скажите, есть ли в будущем какие-то перспективы решения этой проблемы? Должно быть все-таки равенство в доступе к образованию, это гарантировано нашей Конституцией.

Смолин: Что касается Единого госэкзамена как великого уравнивателя, он действительно отчасти уравнивает возможности ребят, и их доля из нестоличных регионов в вузах Москвы, Питера, Новосибирска выросла с появлением Единого государственного экзамена.

Что касается социального неравенства, то ситуация выглядит несколько иначе. Есть официальные данные, согласно которым, если мы поделим все население России на десять общественных групп по уровню доходов, первые две группы (богатые, условно) тратят на образование минимум в пять раз больше, чем две последние группы. Причем за редким исключением успешные дети готовятся к Единому госэкзамену с помощью репетиторов. Деньги на репетиторов есть далеко не у всех. Не у каждого родителя есть возможность нанять репетиторов, поэтому, будучи уравнителем в территориальном плане, ЕГЭ отнюдь не уравнитель в социальном плане. Социальное неравенство, связанное с ЕГЭ, никак не уменьшается. Это позиция номер один.

Позиция номер два. Перевод на дистанционное обучение увеличил неравенство в технологическом смысле, поскольку многие сельские дети для того, чтобы даже получить задание или позаниматься в рамках дистанционных технологий, вынуждены были, там, кто на березу взбираться, кто на пожарную каланчу, чтобы более-менее стабильно подключиться к интернету. Во многих сельских школах широкополосного скоростного интернета нет вообще. Это одна сторона дела.

Но есть другая, о которой я уже начинал говорить. Результаты дистанционного обучения очень сильно зависят от мотивации ученика, так как ослабевают контроль. Если ребенок мотивирован на обучение или над ним стоят мотиваторы в виде родителей, тогда он более или менее поддерживает качество образования. Если ребенок не особенно мотивирован на обучение, соответственно, он подключился к уроку, играет, отвлекается, занимается чем-то еще, а то и нарушается связь — в итоге, конечно, качество образования в таком формате значительно падает. И это будет сказываться в том числе и на образовательном неравенстве. А образовательное неравенство потом будет сказываться, соответственно, и на социальном неравенстве. Повторю, мы внесли законопроект, который обязывает правительство Российской Федерации совместно с региональными властями, если мы вынуждены переводить детей на такой формат обучения, обеспечить их всем необходимым. Это совершенно справедливо.

Но сверх всего прочего, конечно, нужно и ограничивать уровень социального неравенства в стране. Потому что, увы, Российская Федерация — рекордсмен в Большой двадцатке по уровню социального неравенства. Это официальные данные различных международных агентств, которые нам известны. Мы считаем, что хорошо, например, что ввели наконец закон о бесплатном школьном питании в начальной школе. У нас минимум 10% семей, которые говорят, что им не хватает денег на еду. Еще примерно 30% говорят, что не хватает денег на одежду. И по официальным данным, это даже не пенсионеры, это прежде всего семьи с детьми, поэтому нужно увеличивать поддержку семей с детьми, чтобы уменьшать неравенство образовательных возможностей.

Бодрунов: Олег Николаевич, я думаю, что это очень важная на самом деле мысль. И мне представляется важным, что эти мысли исходят от вас как депутата Государственной Думы, которая стоит во главе законодательного процесса, призванного поддержать разрешение этих важных для нашего общества проблем. Эти проблемы вызваны на данный момент, казалось бы, только пандемией. На самом деле — нет. Они вызваны технологическим прогрессом, они вызваны тем, что мы рано или поздно перейдем всё равно в новый технологический уклад, где дистанционные формы обучения и недистанционные будут сочетаться. И я надеюсь, страсти по дистанционному образованию, страхи какие-то, они, в общем-то, улягутся. Не хотелось бы демонизировать дистанционное образование, если мы разрешим те проблемы, о которых мы с вами сегодня говорим.

Смолин: Сергей Дмитриевич, я бы хотел продолжить и сказать больше. Действительно, не надо ничего демонизировать, не надо кричать «да здравствует» и не надо кричать «долой». Электронное обучение, вообще, интернет — это великое достижение и великая проблема. И наша задача не всё приветствовать или всё отвергать, а пройти, как когда-то предлагал наш выдающийся писатель-фантаст Иван Ефремов, по лезвию бритвы. В этой связи я выскажу мысль, которая, может быть, не всем понравится. Что касается высшего образования, к сожалению, Россия — единственная из стран Большой двадцатки, где до сих пор нет ни одного электронного университета. Почему? Потому что под видом борьбы с некачественным образованием у нас государственную аккредитацию не прошли университеты, которые позиционировали себя как электронные.

Почему плохо, что у нас нет электронных университетов? Мы проигрываем международную конкуренцию. Мы проигрываем, потому что наша молодежь активно тянется в зарубежные электронные университеты, а через них происходит массовая утечка умов из Российской Федерации. По оценкам Германа Грефа, наши потери от утечки человеческого капитала из страны превышают потери от утечки финансового капитала. А потери от утечки финансового капитала, если верить международным данным, порядка 2 триллионов долларов за послесоветское время.

Мы не можем закрыть интернет, как предлагают некоторые наши радикально настроенные родители. Хотя интернет, повторяю, содержит и великие возможности, и великие опасности. Значит, что мы должны делать? Мы должны создавать собственные конкурентоспособные электронные университеты. Надеюсь, что пандемия в этом отношении нас чему-нибудь научит.

Поэтому ни в коем случае не предлагая вытеснить живое высшее образование электронным обучением, мы должны открыть возможности для тех, кто хочет, получить его и в такой форме. Такова наша позиция.

Бодрунов: Олег Николаевич, сегодня мы говорим о том, что строим цифровую экономику, и цифровизация сегодня — один из главных трендов экономического и социального развития. Скажите, а как электронные университеты связаны с решением этой проблемы?

Смолин: Связаны самым прямым образом. Лидеры электронного обучения, создания электронных университетов — они же сплошь и рядом и лидеры по цифровой экономике. Южная Корея считается лидером электронного обучения. Там интернет для обучения используют 20% граждан. У нас до недавнего времени, до пандемии, — 3%. Вот вам другой пример. Экспорт товаров, связанных с информационно-коммуникационными технологиями, доля в мировом экспорте: Китай — 30%, Россия — 0,1%.

Поэтому, повторяю, мы не должны вытеснить живое образование электронными технологиями. Но мы должны, по крайней мере в высшем образовании, открыть возможность для получения образования и в такой форме, если мы хотим технологического прогресса.

КАК ЖИВЕТ СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИИ?

ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К СРЕДНЕМУ КЛАССУ И КАК СКАЗЫВАЕТСЯ КРИЗИС НА ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ?

Надежды на социально-экономическое развитие принято связывать со средним классом. Доходы же этой социальной группы у нас, в общем-то, падают с 2014 года. И правильно отмечают эксперты Высшей школы экономики: для того, чтобы покинуть этот средний класс, вывалиться из него, вывалиться вниз, сегодня достаточно порой выйти на пенсию или завести ребенка. Что определяет принадлежность к среднему классу в современной России? Как сказывается этот наш кризис на его представителях?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 19.12.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Михаил Константинович Горшков,
член Президиума Вольного экономического общества
России, директор Федерального научно-
исследовательского социологического центра Российской
академии наук, академик Российской академии наук*

*Светлана Владимировна Мареева,
заведующая Центром стратификационных исследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ,
кандидат социологических наук*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Попытки точно определить средний класс весьма условны. Отсюда и все проблемы. В общем, ни в российской, ни в западной практике не могу найти такой универсальной методики, похоже, что и нет ее. По каким критериям вы бы выделяли средний класс, по неким экономическим или, может быть, социологическим?

Горшков: Можно найти, так сказать, некие общие критерии, которые так или иначе присутствуют при замерах и желании выделить средние слои или средний класс современного общества. Мы проблематикой этой занимаемся довольно давно — с конца 90-х годов. Более чем за 20 лет накопили очень большой опыт изучения отечественного среднего класса в разных условиях — и политических, и экономических. И я бы назвал четыре критерия выделения среднего класса. Первый — это критерий уровня образования. Для российского общества это не ниже среднего специального образования, который в составе отечественного среднего класса в настоящее время имеет примерно каждый третий, а две трети имеют высшее образование.

Второй — критерий профессионального статуса, который означает характер труда не физический, а прежде всего умственный. Третий критерий — это уровень благосостояния, вполне понятный критерий, носит отчетливо в данном случае экономический, социально-экономический характер. Он связан с показателями среднемесячных душевых доходов не ниже медианного значения для региона проживания человека. Это очень важно, учитывая нашу страну, особенно там, где средний показатель по экономике душевых доходов месячных колеблется от 25 до 80–90 тысяч, в зависимости от характера, масштабов региона, оснащенности его промышленными структурами.

И четвертый критерий, достаточно известный, наверное, самый популярный в социальной среде, — это критерий самоидентификации, в рамках которого человек дает самооценку своего социального статуса и определяет, как он считает, какое место в социальной иерархии по 10-балльной шкале он занимает. Здесь точка отсчета для нижней границы среднего класса — это четвертая ступень, четыре балла из десяти возможных.

Если собрать и суммировать эти критерии, то получается, что до пандемии доля среднего класса в Российской Федерации колебалась где-то в пределах 40–42%. Многих эта цифра удивляет. Скажем, возьмем маркетологов. Они определяют долю среднего класса по покупательской способности и по совокупности движимого и недвижимого имущества, которое имеется в домохозяйстве. Это, например, наличие не одного, а двух местожительств, это городское жилье и загородное, это не одна, а две машины. Очень дорогой набор бытовой техники, мебели, выезды исключительно за рубеж на отдых. Но при таком подходе, конечно, та доля, которую они насчитывают в составе российского общества среднего класса, определяется количеством 5–6%. С другой стороны, разве правилен такой подход?

Бодрунов: Михаил Константинович, я с вами абсолютно соглашусь. Мне кажется, даже говорить об этом в таком счетно-экономическом подходе не корректно. Почему? В силу развития современных трендов в экономике, института собственности, например, использования ее в рамках каршеринга. Я знаю очень немало людей среднего класса, которые, да, имеют свою машину, но очень часто предпочитают пользоваться услугами других структур, в том числе каршеринга. Это люди далеко не такие бедные и по критериям вашего социологического центра наверняка попадают в эти 40%. Потому что у них и образование соответствующее, и считать они хорошо умеют, и оценку себе дают по своей шкале совершенно точно как средний класс. Так что здесь, я думаю, ваши методики будут точнее.

Но если руководствоваться методикой Всемирного банка, например, то он оценивал до пандемии, по крайней мере, долю среднего класса в России по своим критериям до 70%. А с другой стороны, как вы сказали, маркетологи оценивают в пределах, например, 7%, то есть в десять раз меньше. Поэтому очень сложно определить все-таки, что же является средним классом и каковы его какие-то принципиальные особенности? Я бы хотел заострить внимание на какой-то такой ключевой особенности среднего класса и попросил ответить на этот вопрос нашего эксперта Светлану Владимировну Марееву.

Мареева: Если мы говорим про российский средний класс, причем опираясь не только на уровень дохода, но и на принадлежность его представителей к социальной группе, в которой сосредоточены более квалифицированные и более образованные россияне, то здесь нужно отметить, что средний класс достаточно похож на средний класс европейский, но не сейчас, а лет 20–30 назад. И представители среднего класса достаточно самостоятельны, инициативны, они готовы полагаться на себя в решении своих проблем. Они предпринимают в большей степени, чем остальные представители других групп, какие-то действия для того, чтобы самостоятельно улучшить свое положение, в меньшей степени ожидают помощи от государства, от окружающих и готовы принимать ответственность за свою жизнь на себя. Вот эта самостоятельность, инициативность — это достаточно яркая черта именно среднего класса в настоящий момент.

Но с точки зрения норм, ценностей и представлений о том, как должно быть устроено общество, представители среднего класса оказываются, наоборот, достаточно схожи с остальными россиянами. В частности, они оценивают неравенства, которые существуют в нашей стране в настоящий момент, как излишне глубокие, как несправедливые и предъявляют запрос государству на их сокращение.

Сегодняшняя ситуация на средний класс безусловно повлияет. А последствия проявятся в их положении на рынке труда. Средний класс — это как раз обладатель квалифицированного человеческого капитала, навыков и знаний. Вот для них изменение положения на рынке труда может оказаться более серьезным последствием, чем просто снижение дохода.

Бодрунов: Михаил Константинович, еще раз возвращаемся к вашей методике оценки. Пандемическая ситуация довольно резко отражается на экономическом состоянии нашего населения, на доходах населения. Мы можем сказать, что доходы населения практически падают несколько лет, и на уровне 1% росли в 2019 году, то есть совершенно на незначительную величину. И вдруг падение доходов населения по девяти месяцам 2020 года составило более 3%, несмотря на мощную поддержку малого бизнеса, отдельных страт населения со стороны государства. Да, без этого ситуация была бы еще более плачевная. Так вот, скажите, эта ситуация как-то уже вами оценена с той точки зрения, как она людей позиционирует по поводу того, в среднем классе они находятся или все-таки выходят, вываливаются из этого среднего класса, и доля среднего класса снижается?

Горшков: Я хотел бы обратить внимание на состав среднего класса, ответ на ваш вопрос это в значительной мере затрагивает. У нас в каком-то смысле, по сравнению с Европой, он немножко скошенный характер носит с точки зрения структуры. У нас преобладают профессионалы, служащие, так называемые бюджетники. Там в значительной степени, более 60–65%, это те, кто работает в частных компаниях, в частной сфере. Для нас в данном случае пандемия обернулась тем, что все по-разному себя ощущают в нынешней ситуации. Там, где человек на твердой бюджетной ставке, которая не менялась и не меняется, никаких потрясений не ожидается.

Но перейдем к другой, частной сфере, коммерческой, бизнесу, предпринимательству, самозанятым, которые составляют тоже определенную часть среднего класса, не такую большую, как на Западе. Соотношение одних и других 20 на 80% в пользу бюджетников, естественно. Так вот там, конечно же, налицо серьезные потери. И как показало наше последнее исследование, значительные потери средний класс понес с точки зрения размера заработной платы. Работодатели предпочли не увольнять работников, поскольку они не могли бы тогда рассчитывать на государственную поддержку, обещанную руководством страны, а сокращать заработную плату. Сокращение заработной платы, конечно же, резко снизило возможный ресурс самообеспечения себя и своих близких. Притом что расходы на продукты питания и лекарственные препараты возросли — вот еще одна серьезная проблема и для представителей среднего класса, и еще, конечно, серьезнее для более необеспеченных слоев населения.

Обращу ваше внимание на такую тенденцию, которую мы зафиксировали еще до кризиса 14–16 годов, в кризис особенно, и тем более в условиях пандемии, — это резкое сокращение объема затрат представителей среднего класса на платные услуги, прежде всего образовательные и медицинские, которые связаны с желанием получить более качественную услугу, чем та, которая обеспечивается, может быть, повсеместно. Вот если это все сложить, то получается, что средний класс, не хочу сказать, оказался, может быть, таким самым пострадавшим, но то, что представители среднего класса, не обеспеченные постоянно действующими гарантиями финансового, социального обеспечения, оказались в наиболее тяжелом положении — это действительно так.

Бодрунов: Михаил Константинович, я слушаю ваши оценки и понимаю, что средний класс у нас будет, наверное, менее обеспеченным в целом, если мы говорим о той ситуации, которая есть у нас сегодня в связи с пандемией. И не только в связи с пандемией. Любой кризис бьет, как вы справедливо заметили, больше всего по этой страте, по среднему классу, потому что качество среднего класса, качество его обеспеченности, границы среднего класса, они как-то всё изменяются в сторону снижения, редуцирования. Я не говорю о категории людей, которые ниже среднего класса. Здесь другая ситуация, проблема бедности. Но, как говорится, в этой ситуации бедных все равно поддерживают. Среднему классу есть что терять. Он теряет во время таких кризисов существенно больше. Как вы представляете себе, все-таки скажется ли эта ситуация на тех экономических категориях бизнеса, на тех экономических сферах бизнеса, в частности, малый бизнес, сфера услуг и так далее, снижение и покупательной способности среднего класса, и его возможности инвестировать в такой малый бизнес?

Горшков: На мой взгляд, безусловно, скажется, причем не только на бизнес-секторе. Скажется это на квалифицированном составе среднего класса в России. Поскольку в условиях более тяжелых экономических, социальных, санитарно-эпидемиологических страдают принципы и условия рекрутирования в состав среднего класса. К сожалению, сегодня картина такова, и условия пандемии эту картину усиливают, что состав среднего класса как бы мельчает профессионально с точки зрения притока в него не высококвалифицированной, а средней и низкоквалифицированной рабочей силы.

В этом большая разница. Ведь средний класс почему возносится в жизни общества? Потому что он выполняет очень важные функции — функции экономического, политического стабилизатора, функции гаранта сплоченности общества, его консолидации. Возникает вопрос: а кто же будет реализовывать эти функции? Представители каких социальных слоев способны нести это в массы, свое мировоззрение, выражать это в своих установках, практических моделях поведения, в том числе и в экономических? Пандемию мы переживем, но дальше нужно будет решать конкретные вопросы социального развития общества. И вопросы качественного развития отечественного среднего класса, на мой взгляд, будут стоять на одном из первых мест.

Бодрунов: Когда обсуждаем проблемы в экономическом обществе у нас, проблемы восстановления устойчивости нашей экономики, мы, как правило, рассматриваем только экономическую компоненту — повышение спроса населения и тому подобное. Но при этом надо учитывать и социологическую составляющую этой проблемы. Изменяется состав людей, появляются те, кто менее подготовлен вести бизнес, менее подготовлен инвестировать. Это большая проблема.

Кроме того, есть еще и такое понятие, как склонность к риску, к предпринимательскому риску в первую очередь. Люди более подготовленные имеют больше оснований рисковать, они могут просчитать больше последствий для своего бизнеса. А менее подготовленный состав среднего класса, во-первых, будет более осторожен в этих вещах и будет сдерживать развитие бизнеса.

Во-вторых, их инвестиционные решения могут очень часто оказаться малоэффективными, что тоже не может способствовать повышению устойчивости нашей экономики. Наконец, чисто психологически человек, который в вашей градации имеет среднее или высшее образование, человек, который себя чувствовал достаточно уверенно в жизни, если выпадает из этой среды, то может терять многие ориентиры в жизни. Если у нас сегодня какие-то государственные решения, учитывающие эти моменты? Или следует все-таки на это обратить внимание властей?

Горшков: Я помню, что мы на одном из этапов изучения становления среднего класса в постсоветской России, по-моему, это было после второго крупного общероссийского исследования, датированного где-то 2005–2007 годами, пришли к такому выводу: те характеристики, которыми обладает сегодня наш российский средний класс, это характеристики, присущие западному среднему классу примерно 40–50-летней давности. Тогда он так же с трудом выходил на какие-то новые рубежи, он так же повышал свою внутреннюю квалификацию, он так же стремился занять свое место в жизни, доказать свою нужность государству и обществу, испытывал все те же противоречия.

И, обобщив все эти данные, мы пришли к выводу, что государству, видимо, не обойтись без принятия крупной, серьезной государственной задачи — задачи становления, укрепления и развития отечественного среднего класса. Я понимаю, какая реакция может быть сейчас на мои слова. Сегодня программа подъема здравоохранения важна, конечно же, безусловно, программа преодоления бедности. Много других программ... Все это действительно верно. Вопрос в том, кто эти задачи будет в государстве реализовывать? Конечно же, люди. А что это за люди? Поставим

следующий вопрос. Это люди знающие, квалифицированные, обладающие мотивацией, ресурсом решения таких задач. Возникает вопрос, для этого и нужен квалифицированный состав отечественного среднего класса, чтобы он стал двигателем этих процессов и решения этих проблем в обществе. Нужны большие квалифицированные социальные слои и силы.

Бодрунов: Ваш ответ таит в себе, собственно, большую программу действий. Президент поставил во главу угла на обозримую перспективу цели национального развития. Среди этих целей социальные аспекты наиболее важные на сегодняшний день, и это действительно, наверное, правильно. Но они решаются через экономику, эти вопросы решаются через инициативу людей, через экономические решения, которые так или иначе кто-то должен инициировать, кто-то должен исполнять, кто-то должен организовывать всю эту работу. И одними какими-то административными мерами, или какими-то вливаниями, или поддержкой какой-то категории населения эти проблемы не решить. Да, надо поддерживать бедных, никто не спорит. Необходимо совершенствовать различные направления экономической политики, никто не спорит.

Но мне кажется, что трендом такой политики в том числе, и мы не зря сегодня эту тему вынесли в заголовок нашей беседы, должно быть сохранение, и приумножение, и усиление позиций среднего класса в России. Мы не зря сегодня обсуждаем проблему, что это такое — средний класс, кого к нему можно отнести. Мы совершенно справедливо говорим о тех методиках, которые сегодня в том числе и ваш социологический центр предлагает для оценки среднего класса. Потому что это позволяет нам в каких-то конкретных параметрах оценивать ситуацию, то, что будет происходить. А в этом, на самом деле, заложено очень важное направление нашего развития — это повышение устойчивости нашей экономики. Будет устойчивая экономика, менее подверженная всем этим флуктуациям, кризисам, проблемам внешних шоков и каких-то внутренних негативных ситуаций, больше будет возможностей и для поддержки бедных, для развития страны и для защиты её интересов, интересов нашего, собственно говоря, населения.

ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ? И В ЧЕМ ОНО ИЗМЕРЯЕТСЯ?

Оценивать экономическое развитие, особенно во время пандемии коронавируса, достаточно сложно. Что оно собой представляет и какие критерии необходимо учитывать для его оценки? В чем измерять? Как необходимо усовершенствовать критерии измерения этого показателя? И должен ли быть показатель ВВП единственным барометром экономического развития?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 06.02.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Яков Моисеевич Миркин,

член Правления Вольного экономического общества России, заведующий отделом международных рынков капитала Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, д. э. н., профессор

Александр Дмитриевич Некипелов,

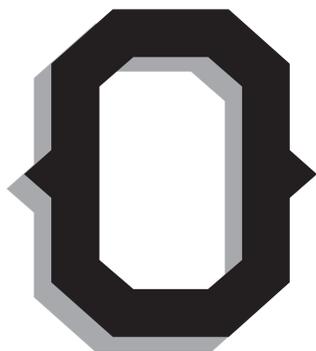
вице-президент Вольного экономического общества России, директор Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,

президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Оценивать развитие экономики в цифрах очень сложно. А в условиях пандемии, пандемической неопределенности, пожалуй, еще сложнее. Делать это в основном через динамику ВВП, как считают многие специалисты, многие ученые, в общем-то, сегодня уже не совсем разумно, так как ВВП отражает лишь объем, скорость создаваемых товаров, услуг. В общем-то, ВВП фиксирует рост падения экономики, но не учитывает многие важные показатели, такие как здоровье людей, уровень образования, состояние окружающей среды и многое, многое другое. В последнее время все чаще приходится слышать, что ВВП плохо справляется с оценкой экономического благополучия. В чем суть таких, я бы сказал, основных претензий к ВВП как к некому стандарту для оценки экономического благополучия страны?

Некипелов: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич, это действительно проблема, которая давно находится в поле зрения экономистов. В отношении ВВП обычно высказываются возражения, связанные с тем, что не все виды деятельности находят отражение в этом показателе, а только те, продукция которых проходит через рынок. Давно уже всем понятно, что если с утра вы сами приготовили себе завтрак, то это никакого отношения к ВВП не имеет. А если вы точно такой же завтрак приобретете по соседству в ресторане или в кафе, то это уже будет ваш вклад в валовой внутренний продукт.

Другого рода соображения высказываются в связи с тем, что побочные эффекты, в частности влияние на окружающую среду, не находят должного отражения в этом показателе. И вообще говоря, в экономической науке уже давно предпринимаются усилия, как усовершенствовать этот показатель. Еще Джеймс Тобин предлагал показатель, который был назван NEW, Net Economic Welfare — такое чисто экономическое благосостояние. Делалась попытка учесть и труд в домашнем хозяйстве, и побочные эффекты экономической деятельности, которые не проходят через рынок.

Хорошо известно, что во время кризиса 2008–2009 годов тоже высказывались большие сомнения в отношении адекватности ВВП как показателя, который отражает масштабы экономической деятельности.

Но есть здесь и более глубокий смысл. Он заключается в том, что любой агрегированный показатель при всех усилиях, которые мы можем прилагать, чтобы учесть в нем то, что сейчас не учитывается в валовом внутреннем продукте, он никогда, видимо, не может дать полностью идеальной оценки экономической активности. И это связано как раз с его свойством как агрегированного показателя.

То есть если, например, мы говорим, что доход трех человек равняется 1000 денежных единиц, а если он увеличился на 10%, то стал равен 1100 единицам, этот доход совокупный, то мы же хорошо понимаем, что этот доход может между этими тремя людьми быть распределен самыми различными способами. И все мы понимаем, что показатель 1000 и 1100 — это важные показатели, но, вообще-то, нас еще интересует масса других вопросов, в том числе связанных с распределением доходов, со структурой производства и так далее, и так далее. Поэтому мне кажется, что надо понимать ограничения ВВП, тем более что они сегодня уже хорошо известны. Но тем не менее ВВП более или менее адекватно характеризует масштабы экономической активности.

Но нельзя ориентироваться только на такого рода агрегированный показатель. Его нужно дополнять другими, которые в те или иные периоды времени выходят на передний план. Сегодня, в частности, в связи с пандемией коронавируса, проблематика приобретает специфический оттенок, так как возникает вопрос и о цене человеческой жизни. Обычно в последнее время, когда говорят о цене человеческой жизни, имеют в виду стоимость человеческого капитала, который может теряться, это как бы те инвестиции в человеческий капитал, которые могут теряться и теряться в результате пандемии.

Но есть и другая сторона цены человеческой жизни. А именно, какие жертвы общество готово принести для того, чтобы спасти одну дополнительную жизнь. И вот здесь оказывается, что существуют очень серьезные замены. Ну как, например, прекращать экономическую активность для того, чтобы свести на нет общение между людьми? Но это сопряжено с огромными другими издержками. И поиск оптимального решения — это вещь очень непростая. Здесь должна участвовать и политическая система. Экономическая наука, по моему убеждению, однозначного ответа на все случаи жизни дать не может. Она может только обрисовать, какие факторы следует принимать во внимание.

Бодрунов: Действительно, я с вами соглашусь, неоднократно сам приводил примеры подобного рода, что мы не можем через ВВП оценивать, ну, скажем, так безальтернативно, динамику экономического роста. Потому что это и структура роста, это и учет достижений научно-технического прогресса.

Самый простейший пример, что в сегодняшнем гаджете множество функций, которые можно приобрести сегодня, в выпуске стоят 100–200, 500 долларов, допустим. Если эти функции собрать воедино 20–30 лет назад, то у нас колоссальное падение ВВП с точки зрения стоимости произведенных благ, услуг. Но на самом деле это далеко не так, мы благ стали получать больше. Поэтому в этом плане такие примеры показывают, что ВВП не может быть универсальным, единственным критерием оценки роста экономики, ее состояния, я бы так сказал, экономического благополучия.

Яков Моисеевич, скажите, пожалуйста, вот при всем уважении тем не менее к ВВП, пусть это не единственный барометр экономической жизни, но есть ли альтернатива? Например, я слышал о таком показателе, как GPI, индикаторе подлинного прогресса?

Миркин: Я, во-первых, не стал бы хоронить так уж показатель валового внутреннего продукта. Потому что для нас важно же не только измерять экономический рост, нужно иметь надежные международные сопоставления, это раз. Во-вторых, для нас самое важное — это уровень благосостояния на душу населения. И понятно, что если мы будем сравнивать страны, где ВВП на душу населения по номиналу 10 тысяч долларов и 50 тысяч долларов, то понятно, что между ними очень большая разница в уровне благосостояния. Вся шкала расположения стран, она хорошо видна, когда я знаю, что в этом 2020 году по прогнозу МВФ Малайзия перегнала Россию по показателю ВВП по номиналу на душу населения, а в следующем году перегонит по

ВВП по паритету покупательной способности на душу населения, это тоже показатель, где цены сопоставимы... Вот это заставляет меня глубоко задуматься.

И точно так же меня заставляет глубоко задуматься, что мы по этому показателю ВВП по номиналу на душу населения находимся на 50-м месте в мире, по прогнозам МВФ, нас догонит Китай, хотя еще десять лет назад разрыв между Россией и Китаем был очень велик. То есть для таких вот грубых, жестких, ясных, понимаемых дискуссий, в центре которых стоит рост нашего благосостояния, этот показатель является отработанным, прекрасным для международных сравнений, и, в общем-то, хорошо используется. Это первое.

Второе, да, действительно, ВВП имеет массу проблем с точки зрения того, что не все виды деятельности в нем отражены, в нем плохо отражено распределение доходов. Например, у нас уровень валового регионального продукта на душу населения чрезвычайно высок на Сахалине, но при этом очень низка продолжительность жизни, и качество жизни на Сахалине тоже достаточно низкое. Вот все те показатели, которые вы называли, — это, конечно же, конструкции ученых мужей, попытка очистить ВВП, добавить туда компоненты. По поводу каждого из этих показателей будут идти безумные споры, потому что, совершенно согласен с Александром Дмитриевичем, ни один универсальный валовый показатель не может учесть всё. И они вполне достойны того, чтобы их использовать, понимая их недостатки или их достоинства.

Но я еще раз повторяю, для нас очень важно оценивать уровень благосостояния. И мы должны очень точно понимать, когда показатель ВВП, например, начинает использоваться для того, чтобы обосновать, что реально бедная страна является более благополучной. Это страна, которая находится в стагнации, пусть так и будет, пусть темпы экономического роста, пусть они и будут как таковыми небольшими. Для меня самым важным показателем, ключевым, который находится рядом с ВВП на душу населения, является продолжительность жизни. Мы, как известно, находимся где-то на 100–106-й позиции по продолжительности жизни, отстаем от того же Китая или Малайзии. Еще один показатель, который рядом с продолжительностью жизни и который во многом его определяет, — это показатель детской смертности — смертности до года, смертности до 4 лет. Вот это важнейшие индикаторы, по которым страны выстраиваются с точки зрения благополучия, потому что мы хорошо видим, что на вершине этой лестницы находятся страны той группы, которую мы называем развитыми, то есть той группы, где интенсивность благосостояния на душу населения более высокая.

Еще один важнейший ключевой показатель, который тоже стоит рядом с ВВП в этой системе, — это, наверное, индекс человеческого развития — показатель, который рассчитывается ООН, который включает компоненты, учитывает и продолжительность жизни, и образование, и доступность разного рода услуг, интернета и так далее, и тот же самый ВВП на душу населения. По индексу человеческого развития мы находимся на 49-м месте по последним измерениям в мире. Для меня продвижение к 20-му месту, к 15-му месту гораздо важнее, чем объемы тонн или количество мегаватт, которые произведены в российской экономике.

Бодрунов: Я с вами согласен, Яков Моисеевич. Тем не менее очень хорошо вы охарактеризовали те недостатки, которые есть, те позиции, которые пытаются ученые как-то учесть, но, думаю, самое правильное было бы сказать о том, что, вообще говоря, ВВП все-таки как-то глобально коррелируется с некоторыми из этих показателей. Потому что продолжительность жизни зависит часто от того, насколько человек благополучен и насколько экономика государства благополучна. Поэтому, если бы мы брали все эти индексы в совокупности и собрали некий пакет индексов, показателей, возможно, что можно было бы пусть не универсально, но как-то оценивать более-менее адекватно, что ли, благополучие страны. Как вы думаете?

Миркин: Да, конечно. Мы берем даже пять, шесть, семь ключевых показателей, и очень хорошо демонстрируется, как страны собираются в кластеры и как они более-менее равны. Мы как раз страна, которая, наверное, в кластере по уровню развития, благосостояния находится где-то на 40-х, 50-х, 60-х местах. И для нас очень важно движение к соответствующим вершинам. Еще, что интересно, этот показатель, валовой продукт, очень здраво может быть применим к оценке уровня развития и благосостояния регионов. Региональный валовой продукт в России, например, в Москве где-то на уровне Чехии, то есть больше 20 тысяч долларов, где-то 23–24 тысячи долларов. У нас есть регионы, где ВРП находится на уровне беднейших стран. И это замечательная вещь для того, что мы называем управление экономикой, управление обществом, где ты все время концентрируешься, должен концентрироваться на помощи, на развитии тех, кто является беднейшим, и на стимулировании того, чтобы самые состоятельные показывали наиболее высокие темпы скорости.

Бодрунов: Вообще говоря, мы не видим через ВВП напрямую уровень образования страны, уровень медицинских услуг. И это, наверное, самый крупный недостаток сегодняшнего ВВП, потому что для чего существует экономика? Она для счастья существует, чтобы удовлетворить потребности человека. Эти индексы, о которых я говорил, они в некоторых случаях учитывают ВВП, они более адекватные? Александр Дмитриевич, как вы полагаете?

Некпелов: Сергей Дмитриевич, замечательно было бы, если бы мы могли построить функцию общественного благосостояния и считать вот уровень счастья, его динамику и так далее. Чисто теоретически функцию полезности мы представляем. Но проблема социального выбора, есть такая колоссальная теоретическая проблема в экономической теории, говорит о том, что, к сожалению, непонятно, как перейти от индивидуальных предпочтений, от индивидуальной функции полезности к групповым функциям полезности и функции общественного благосостояния. Хотя на практике проводится достаточно много исследований, где условно конструируются соответствующие показатели. Поэтому, я так понял, что общий пафос наших выступлений с Яковом Моисеевичем заключается в том, что ВВП по природе своей не приспособлен и не может быть приспособленным для того, чтобы отражать те структурные вещи, о которых мы говорили, именно потому, что всё это пропадает в агрегированном показателе.

Более того, когда мы используем систему показателей, скажем, ВВП и дополняем ее какими-то другими показателями, возникает очень много проблем. Потому что дальше возникает ситуация, как прийти к какому-то общему, хотя бы скалярному виду? И опять мы наталкиваемся на известную всем экономистам проблему индексных чисел, которая относится и к сравнениям этих показателей во времени и в пространстве. Все зависит от того, что мы берем за базу. Сравниваем мы две страны по ВВП, значит, что мы берем, чьи цены мы берем за базу или чью структуру производства мы берем за базу?

ВВП, как и любой другой агрегированный показатель, решает определенные проблемы, его нужно использовать. Но нужно понимать, что он учитывает, что он не учитывает, где некоторые условности в его основе заложены, и пытаться корректировать. И вот с точки зрения проблемы социального выбора громадное значение имеет функционирование политической системы. Потому что в рамках политического процесса вырабатывается более или менее соответствующее представление, по крайней мере, большинства общества в отношении тех вопросов, которые являются наиболее болезненными, на которые нужно обращать особое внимание, в пользу которых нужно перераспределять ресурсы и так далее.

Бодрунов: Если кратко подвести итоги нашего разговора, наверное, можно сделать такой вывод, что альтернативные индикаторы позволяют лучше раскрыть отдельные аспекты текущей экономической ситуации. Но пока, в общем-то, не могут выступать полноценной заменой ВВП, в том числе при принятии решений по ключевым экономическим вопросам, вопросам экономической политики. Ну и в любом случае не стоит, наверное, забывать, что ВВП — это лишь один из все-таки множества макроэкономических индикаторов. А серьезный анализ экономики никогда не ограничивается использованием одного-единственного показателя. Хотя он, в общем-то, часто фигурирует в средствах массовой информации, в выступлениях наших лидеров как некий универсальный показатель. На самом деле экономисты анализируют множество параметров для того, чтобы определить благополучие нашей экономики.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ

Во всем мире сегодня идет разработка цифровых платежных систем. Люди хотят более дешевых платежей, более быстрых, более мобильных, с сохранением определенной приватности. Насколько этот вопрос актуален для России? Заменит ли цифровая валюта привычные фиатные деньги?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 05.12.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Василий Михайлович Солодков,
директор Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Разработка цифровых платежных систем ведется сейчас во многих странах мира. Китай работает над созданием цифрового юаня, они начали двигаться в этом направлении еще с 2015 года. Евросоюз планирует запустить единую цифровую платформу где-то к концу 2021 года. Ну а Банк Японии рассматривает создание цифровой иены в качестве задачи, которая обладает, как у них в документах, наивысшим приоритетом. И сегодня, собственно, мы попробуем поговорить о том, насколько актуален этот вопрос для нас, для России. Я знаю, что споры идут. Итак, что такое цифровая национальная валюта, для чего она нужна?

Солодков: Давайте начнем, наверное, с того, что такое вообще цифровая валюта и какие валюты бывают. Люди по-прежнему считают, что валюта должна быть чем-то обеспечена. Но при этом современные фиатные деньги на самом деле ничем не обеспечены. То есть это некие бумажки, которыми мы пользуемся ровно постольку, поскольку их количество ограничено. Это описывается количественной теорией денег и ничем более.

Когда говорят о цифровых деньгах, то здесь есть две крайности. Первая крайность в том, что цифровые деньги — это все, грубо говоря, чушь собачья, что вполне достаточно иметь обычные фиатные деньги, и более нам ничего не надо. Другая крайность заключается в том, что, собственно говоря, цифровые деньги должны в ближайшем будущем заменить фиатные деньги, и фиатные как таковые исчезнут.

На самом деле, где находится истина, никто не знает, и я в том числе. Но, скорее всего, она где-то посередине.

Что сейчас понятно? Что, допустим, весь инструментарий, хеджирование валютных рисков, он появился после распада Бреттон-Вудской валютной системы, в частности, вот механизм валютных свопов, процентных свопов и так далее, которые сейчас активно используются. Тогда они использовались для того, чтобы нарушать валютное законодательство, переводить платежи из одной страны в другую в том случае, если это запрещалось напрямую национальными правительствами либо центральными банками. Сейчас мы с вами видим, что механизм валютного свопа активно использовался Центральным банком в Российской Федерации для поддержания курса рубля после 2014 года. То есть задача, собственно говоря, оказалась ровно обратной.

То же самое с цифровой валютой. Ее преимущество в том, что она наднациональная, она позволяет покупать, продавать не на территории какой-то отдельной страны, а на территории всего мира, минимизируя при этом риски. В то же время мы видим, что центральным банкам это не совсем нравится. Они хотят поставить платежный оборот под свой контроль. И поэтому они начинают придумывать какие-то свои национальные цифровые валюты. Но реально национальная цифровая валюта, несмотря на все громкие заявления, пока еще нигде не работает. Были попытки в Венесуэле, но они были не от хорошей жизни, мы сами это понимаем. Поэтому сложно сказать, зачем она сейчас конкретно нужна, но тем не менее некий элемент хайпа здесь существует, как говорит молодежь. И многие страны, в том числе Китай, который вы упомянули, Европейский центральный банк, они работают в этом направлении, но пока никаких конкретных мер нет.

Бодрунов: Истина лежит посередине. Мы не очень представляем себе, на самом деле, какое будущее у цифровой валюты, какие будут ее функции, в конце концов, в экономике. Заместит ли она фиатные деньги или не заместит, может быть, она вообще дискредитирует себя на сегодняшний день, это как крайние точки зрения. Но тем не менее дыма без огня не бывает, поэтому, конечно, ведутся исследования этой ситуации, и даже какие-то законодательные решения предлагаются. Но если это так, тогда возникает вопрос: раз люди об этом думают, значит, какие-то преимущества она могла бы давать?

Солодков: Во-первых, она снижает издержки — не нужно громоздкого клирингового аппарата. Одноранговая сеть, платеж идет от одного человека к другому человеку, если мы с вами говорим о розничной системе. Понятно, кто заплатил, кто получил, понятно, на самом деле, только им, остальным это может быть либо понятно, либо нет, зависит от конкретной валюты. И при этом минимизируются риски. Это вот то, что понятно.

Что не понятно... Не понятна фундаментальная вещь, которая относится к тому, что деньги у нас с вами являются средством платежа. Это одна из функций денег, которую никто не отменял. И в существующей фиатной системе деньги как средство платежа — это некая, скажем так, функция государства, которая реализует то, что на своей территории мы обязаны принимать рубли. Если кто-то в какой-то там торговой точке скажет, что он рубли не принимает, а принимает биткоины или доллары, к нему тут же придет злой дядя с дубинкой и будет его воспитывать, объяснять, что это территория Российской Федерации, где ходят рубли...

Бодрунов: По закону страны каждый субъект хозяйственной деятельности обязан принимать эти деньги.

Солодков: Конечно! Когда ко мне кто-то приходит с цифровой валютой и говорит, давайте я вам заплачу, я говорю, что не хочу. И механизма принуждения меня к этому нет. Поэтому возникает вопрос из политэкономии: что это такое, это деньги или не деньги? И у меня, честно говоря, ответа нет. Потому что мы с вами воспитывались тогда, когда говорили, что деньги — это золото, а вот принимая бумажную форму в национальных мундирах, они, на самом деле, являются знаками золота. Это ушло в 73 году, а деньги-то при этом ведь остались, правильно?

Сейчас похожая ситуация. И куда вывезет кривая, тоже не совсем понятно. Скорее всего, какое-то время новая система будет существовать параллельно. С другой стороны, когда я готовился к нашей с вами встрече, я специально посмотрел, что происходит. Я обнаружил замечательный интернет-сайт, где торгуется одновременно две тысячи криптовалют. И возникает совершенно естественный вопрос: коллеги, а чем это, собственно говоря, отличается от котировок луковиц тюльпанов в Голландии, которые привели к первому биржевому кризису? И ведь никаких экономических предпосылок для изменений этих курсов по большому счету нет.

Бодрунов: Потенциал спекуляций здесь колоссальный, да. Понятно, что он как бы подталкивает и власти разных стран, и экономическое сообщество присмотреться к этим вещам. Потому что зародилось это все в недрах вне банковской, вне финансовой системы, зародилось использование этих валют на базе технологий блокчейн и других технологических решений. И все страны пытаются пощупать, что называется, эту цифровую валюту на зуб.

Поколение, которое сегодня вступает в активную экономическую жизнь, — это поколение миллениалов, это поколение тех людей, которые выросли в эпоху глобализации. Но сейчас в мире, в том числе Дойчебанк, например, об этом написал, наблюдается возврат к приоритету национальных интересов. Как глобализация и цифровые валюты сочетаются с трендом ограничений, которые могут вводиться, с повышением контроля за национальными интересами, в том числе и через валютный и финансовый рынок?

Солодков: Можно взять исторические аналогии. Когда была Бреттон-Вудская система, всем было все понятно с обменными курсами. Доллар выражался в золоте, по-моему, дай Бог памяти, 33 доллара одна тройская унция. И все валюты, соответственно, выражались в долларе. И торговля шла, никаких валютных рисков не было, все было ясно, все понятно. Потом — ба-бах! — Бреттон-Вудской системы нет, система плавающих валютных курсов, появляются валютные ограничения. А торговать-то ведь надо! Каждое государство пытается защитить своих производителей, соответственно, через попытки регулирования либо обменного курса, либо количества меняемой валюты и всего остального. И тогда появилось то, о чем я говорил, — механизм валютных свопов.

Сейчас может возникнуть аналогичная ситуация. Потому что мы видим, что усиливается протекционизм. И одной из проблем защиты от протекционизма, защиты бизнеса как раз и может быть использование самых различных цифровых валют, которое позволяет во многом обойти существующие ограничения. С этой точки зрения, я думаю, у цифровых валют, если этот тренд продолжится, очень большое будущее. Потому что они как раз позволяют быть цифровой валюте именно мировыми деньгами, с помощью которых можно вести торговлю, занимать в долг, давать в кредит на международной арене при наличии существующих достаточно жестких валютных ограничений.

Бодрунов: Я не могу не спросить о том законе, который у нас тоже в России уже появляется, — закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. Долго об этом говорили, говорили о позиции Центрального банка, о регулирующих органах, правоохранительных органах, все по-разному относились к этому явлению, но тем не менее закон должен вступить в силу. Как вы полагаете, он отразится на развитии цифровой экономики в России?

Солодков: Сложно сказать, как он отразится, поскольку очень важна правоприменительная практика, которой у нас с вами сейчас нет. Но то, что, безусловно, положительно, что у нас, по крайней мере, введены юридические понятия, что такое цифровая валюта и цифровой актив.

Бодрунов: По крайней мере, это становится понятным всем, чем это юридически ограничено от других разных понятий.

Солодков: Совершенно верно, да. И понятно, что здесь могут быть доходы, здесь могут быть убытки, здесь могут быть расчеты. Потому что до этого у нас актив существовал, но этот актив не был описан. И по большому счету позиция Центрального банка заключалась в том, что раз это не описано, то его и нет. А он же был. И я уже сказал, что существует большое количество бирж, где этим торгуют, где люди пытаются заработать и одновременно и теряют эти деньги. И здесь один момент хочу отметить. Одно из преимуществ цифровых активов было в том числе в том, что это не регулируется. Как только мы это регулируем, то, на самом деле, уже сложно будет отличить, чем это дело отличается от обычных безналичных платежей, особенно если мы с вами говорим о национальной цифровой валюте. И вот то, что делает Китай, насколько я понимаю, по сути дела, это перевод безналичных платежей на систему блокчейна.

Бодрунов: Да, это, кстати говоря, позволяет, с одной стороны, верифицировать все платежи, риски снизить. С другой стороны, проследить полностью всю цепочку транзетёров этих денег. И с третьей стороны, конечно, снизить издержки, что для такой страны, как Китай, очень немаловажно. А вот у нас в России, у меня такое есть ощущение, что создание национальной цифровой валюты все-таки не является приоритетом для наших властей. Собственно, перед нами сегодня стоит, понятно, много нерешенных задач, в частности, сокращение бедности,

повышение доходов населения, надо сначала ликвидировать эти прорехи в экономическом одеяле. И вроде бы это отодвигает проблему национальной цифровой валюты на второй план. Как вы считаете, нам придется включаться все-таки в этот процесс создания национальной цифровой валюты или еще время не пришло? И если оно не пришло, то когда оно придет?

Солодков: Я с вами абсолютно согласен, что сейчас у Центрального банка есть более важные задачи, чем введение единой цифровой валюты. Потому что мы видим, что у нас с вами происходит на валютном рынке. Мы видим, что у нас происходит с экономическим ростом, к сожалению, позитивных сигналов нет. И в этом контексте введение цифровой валюты, скорее, в данный момент это некая дань следования моде, как мне кажется.

Бодрунов: Я могу вспомнить свой собственный опыт 15 лет назад, когда я был участником создания одной из систем платежей в интернете. Одна из проблем была в том, что это было очень похоже на наличные деньги, это маленькие издержки, это прямые платежи, это многое из того, что можно было бы сегодня приписать тем же цифровым деньгам. Вспомним другие российские системы, система быстрых платежей тоже позволяет эту функцию — функцию практически наличных денег, но в обезличенном виде осуществлять.

Безусловно, можно с помощью технических средств решать эту проблему — ускорения платежей, мобильности, удешевления, многие другие проблемы. При этом это не противоречит представлениям государства о том, как нужно контролировать финансовый рынок.

Не так давно в одном из выступлений глава Центробанка Эльвира Набиуллина сказала такую сакраментальную фразу, на мой взгляд, что система быстрых платежей — некая альтернатива в каком-то смысле цифровым деньгам, цифровой валюте. И поэтому в этом плане спешки с внедрением цифровой валюты в России она не видит. Как вы полагаете, не заменит ли у нас в России система, которая существует уже сегодня, вот эту самую потребность в цифровой валюте, может быть, она вообще у нас не будет нужна?

Солодков: Где-то лет десять назад я оказался на Филиппинах, а Филиппины — это огромное количество островов, и попасть с одного острова на другой можно только с помощью парома. Так вот там работала система платежей, когда вы подносите друг к другу два телефона, NFC-карточки есть и там, и там, — и платеж происходит. Десять лет назад! Этого нет до сих пор ни в Российской Федерации, этого нет ни в США, ни в Германии, нигде.

С другой стороны — Германия. Немцы любят считать деньги. Если вы придете в «Карлштадт» — большой немецкий магазин, — у вас там карточку «Виза» и «Маэстро» просто не примут, потому что слишком большая комиссия. То же самое происходит в Голландии, в Дании. То есть там, где люди считают деньги, они предпочитают пользоваться национальными платежными системами...

Бодрунов: Конечно, заплатил за что-нибудь 15 евро, а списали с тебя 1 евро.

Солодков: Конечно, это недопустимо с точки зрения нормального бургера. Это, в принципе, на самом деле, правильно. Мы сейчас пока эти вещи просто не считаем. Мы не считаем, сколько это нам стоит. Но скоро, видимо, начнем считать. И вот тогда, возможно, альтернативой могут стать как раз цифровые деньги, которые эти издержки снизят.

Бодрунов: Время, как говорится, покажет, что из этих инструментов выживет, что у нас будет использоваться. Но тренд понятен: люди хотят более дешевых платежей, более быстрых, более мобильных, с сохранением определенной приватности. Но при этом центральные банки и контролирующие финансовые системы своих стран хотят все-таки видеть определенный контроль, а государство хочет получать налоги за эти транзакции, с этих операций. Народный банк Китая назвал конкуренцию между странами за такое главенство в пространстве национальных цифровых валют, в частности, новым полем брани. Видимо, на это поле брани все-таки предстоит выходить и нам в том или ином виде, придется это делать рано или поздно.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО

Новые технологии предоставляют нам возможности для производства и распространения новых услуг и товаров, но одновременно приводят к концентрации доходов в руках очень небольшого круга лиц. Как бороться с возникающим неравенством? Какой путь наиболее предпочтителен для России и на опыт каких стран необходимо опираться?

По материалам программы «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург» от 16.06.2020 года

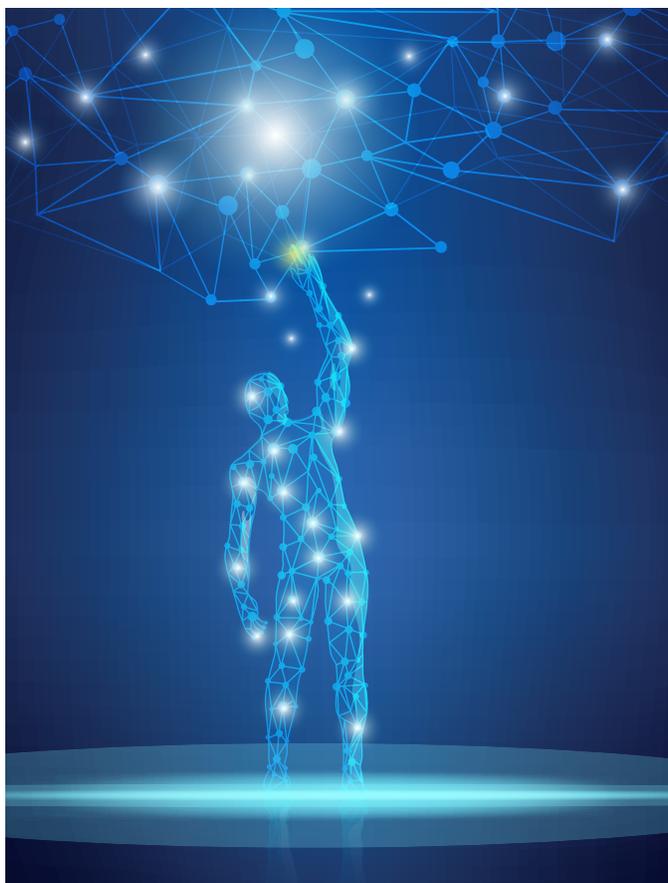

СОБЕСЕДНИКИ

*Джеймс К. Гэлбрейт,
член Международного комитета ВЭО России,
профессор Школы по связям с общественностью
им. Линдона Джонсона Университета Техаса, США*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Мы находимся в новом технологическом укладе, начинают развиваться новые технологии. В это время возникает возможность снизить неравенство за счет технологического развития, за счет улучшения производства продукта. В то же время неравенство в мире растет. Почему это происходит и можно ли с этой проблемой идти в светлое цифровое будущее?

Гэлбрейт: Новые технологии предоставляют нам возможности для производства и распространения новых услуг и товаров. Однако несмотря на то, что эти технологии имеют универсальный эффект, они приводят к концентрации доходов в руках очень небольшого круга лиц — как физических, так и корпораций. С точки зрения корпораций, в первую очередь приходят на ум компании, которые занимаются IT-технологиями или оказывают услуги в интернете, такие, например, как Facebook. В результате мы видим концентрацию богатства в руках 6–12 человек, не более, если говорить о США. Эти люди становятся также господствующими игроками на политической арене и получают возможность контролировать колебания капитала и распределение богатства. С моей точки зрения, именно это приводит к увеличению неравенства.

В общем, ситуация сложная, и еще более она осложняется пандемией коронавируса, которая может привести к настоящей экономической катастрофе. В чем выражается эта экономическая катастрофа? В том, что обрушился мир, обрушилась реальность большого количества производителей и компаний, которые работают в сфере услуг. В результате снизились или обнулились доходы огромного количества людей. И, соответственно, если мы говорим о неравенстве до пандемии, ситуация была далеко не радужной. Однако после того, как мы столкнулись с коронавирусом нового типа, с моей точки зрения, неравенство усугубилось.

Бодрунов: Наверное, это абсолютно точная формулировка того, что происходит сегодня в мире. По моему представлению, ситуация, которая сегодня высвечивается пандемией, началась давно, и, собственно говоря, любой технологический уклад, который появлялся, он укреплял финансовые возможности тех людей, которые владели основными активами этого технологического уклада. В настоящее время такие активы — это активы цифровые, это активы информационных технологий, это активы технологий следующего технологического уклада. Мы видим, какая борьба ведется сейчас между странами, между крупными конгломератами тех лиц, которые владеют такими активами. И мне кажется, что мы можем ожидать любых неприятностей и любых неожиданностей.

Гэлбрейт: Вы совершенно правы. У Китая совершенно определенный вид преимущества. И это преимущество, технологическое и промышленное, которое у Китая имеется, стало особенно четко заметно вследствие эпидемии коронавируса. Что мы имеем в Китае: создана сеть промышленных предприятий, которая покрывает, по сути, весь спектр технологий и весь сектор промышленного производства. США, к сожалению, на данный момент такой сетью промышленных предприятий не обладает.

Приведу пример. Рассмотрим поставки основных медицинских препаратов или таких вещей, как маски для лица. К сожалению, США были не способны за короткие сроки обеспечить производство медицинских масок. В Китае, где количество населения значительно превышает население США, маски были в должном количестве предоставлены за несколько недель. Например, на начало 2020 года в Китае производилось порядка 15 миллионов масок в день. За несколько недель Китай смог нарастить объем производства до 115 миллионов в день. И достигнуто это было — обращаю ваше внимание — в том числе и за счет тысяч маленьких компаний. Понятно, что в производстве масок принимали участие и большие корпорации с государственным участием или полностью принадлежащие государству, однако и маленькие компании получили соответствующие указания от правительства, им были обеспечены условия коммерческого производства, — они знали, что они смогут реализовать эти маски. Что же случилось в США?

Разумеется, в США есть компании, которые смогли бы переориентироваться на производство масок, однако они занялись расчетами: каковы будут затраты, а смогут ли они потом свои расходы окупить... Компании ожидали каких-то сигналов от правительства, возможно, субсидий, гарантий. Ничего этого они не получили, в результате время

было потеряно, и ситуации в Китае и в США сложились совершенно разные. С другой стороны, стоит отметить, что США по-прежнему остаются технологическим лидером, и китайская промышленность во многом зависит от американских технологий, например, в области полупроводников и основных производственных процессов. Однако Китай очень быстро движется вперед, и можно ожидать, что преимущество США в скором времени, может быть, в течение нескольких лет, полностью исчезнет.

Большой плюс китайской экономики в том, что там создана система больших корпораций, которые частично или полностью принадлежат государству. Эти корпорации постоянно модернизируются, правительство тщательно отслеживает их состояние и инвестирует в их развитие. Кроме того, при развитии промышленности в Китае учитываются интересы не отдельного предприятия и даже не конкретной отрасли, а интересы всей страны в целом.

Если мы рассмотрим исторические примеры такого подхода к организации промышленности, то мы увидим, что в 50–60-е годы прошлого века американские корпорации строились именно по такому принципу. Именно об этом писал мой отец Джон Кеннет Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество». Модель, которую он описывал в этой книге, и взял на вооружение Китай. Также я вижу, как она успешно внедряется в Японии и Германии. Мы, я имею в виду США и Великобританию, окончательно отошли от этой модели в 80-е годы: успешная модель, о которой писал мой отец и о которой говорите вы в своих работах, — эта модель пережила финансиализацию, приоритетом стала капитализация компаний. Но мы сейчас видим, что высокая капитализация для компании совсем не означает высокой стабильности. И хочется задать вопрос: где эти компании окажутся через 15–20 лет? Узнаем, посмотрим...

Бодрунов: Я думаю, что это очень важное наблюдение. Та ситуация, которая сложилась и в промышленности, в структуре промышленности, уход от тех моделей, которые вели к снижению неравенства, ведет сейчас как раз к усугублению неравенства. Но вот что мне кажется важным: мне кажется, что России сейчас надо искать путь снижения неравенства, искать тот путь, который позволит нам выйти на лучшие показатели в этом отношении. И мы смотрим на разные страны — мы смотрим, что делают в США, как там борются с неравенством, мы смотрим, как этим занимается Китай.

Китай 20–30 лет назад был одной из бедных стран мира, а уже в 2020 году по международным критериям не остается бедных в этой стране. Несмотря на то, что в Китае тоже есть миллионеры и люди, имеющие капитал, но та модель, которая применяется китайским правительством, направлена на решение социальных проблем и снижение неравенства. В США мы наблюдаем, к сожалению, другую модель. И мне хотелось бы спросить: насколько разнятся подходы к решению проблемы неравенства в США и в России? И мне кажется, что вы могли бы посоветовать нам, по какой модели нам решать проблемы неравенства?

Гэлбрейт: Как представитель США я считаю, что необходимо быть крайне осторожным с советами для России: в 90-е годы определенные рекомендации были даны, и мы все знаем, чем это закончилось.

Что касается неравенства в Китае и США, то 40–50 лет назад Китай был крайне бедной страной, но это по большей части была страна равенства. Неравенство появилось в результате экономических реформ, но китайское правительство в первую очередь пыталось добиться стабильности в распределении накапливаемых средств и богатств. И эта стратегия сработала.

Ситуация в США складывалась и продолжает складываться совершенно другим образом. Я бы не сказал, что США — это страна, которой чужда солидарность. Однако эта солидарность скорее наблюдается на уровне муниципалитетов или на уровне штатов. На национальном уровне страна разделена практически на два лагеря: вне зависимости от того, кто является президентом, республиканец или демократ, примерно половина страны не пойдет за этим человеком и не будет выполнять его указания. Просто в силу своих политических убеждений.

Что касается России, мне кажется, что многие проблемы, которые сейчас существуют, являются последствием раздела страны, который произошел в 90-е годы. И сейчас основной задачей правительства является восстановление его авторитета среди населения. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы население могло отвечать возникающим вызовам. С точки зрения того, куда можно идти, мне кажется, что бы вы ни сделали, это все равно будет лучше, чем то, что произошло в 90-е.

Что необходимо сделать правительству, с моей точки зрения? Нужно в первую очередь заботиться о населении. Необходимо обеспечить занятость, а также доступ к образованию и культуре — это крайне важно. У России с этой точки зрения огромное количество возможностей, богатые традиции, которые можно использовать для роста благосостояния, а не только расходовать природные ресурсы.

И еще одна небольшая ремарка. В 1993–1997 годах я был советником китайского правительства. И когда китайцы спросили меня: что, собственно говоря, им делать в текущей ситуации, главный совет, который я смог им дать, — следовать своим инстинктам. Вам необходимо в первую очередь действовать в интересах своей страны и выбрать тот путь, который является оптимальным именно для вас.

Бодрунов: Мне кажется, нам очень важно действительно следовать своим интересам, собственным национальным интересам России. Мы четко должны понимать, что главным у нас должно быть построение социального государства, и то, что у нас написано в конституции, должно быть реализовано на деле. Вот тогда мы действительно можем думать о снижении неравенства. И я бы даже сказал: не так важно неравенство, как снижение уровня бедности в рамках этого неравенства. И что нам надо делать? Нам надо консолидировать общество.

Я согласен полностью, что необходима правильная региональная политика. У нас в России сильное экономическое разделение между регионами. И поэтому, естественно, нам нужно думать о том, чтобы обеспечить равный, более равномерный уровень доходов этих регионов и уровень доступа населения к образованию, достижениям культуры, науки, технологического прогресса.

Я бы добавил, что очень важно повышать уровень доверия к власти, уровень доверия в обществе друг к другу, доверия между различными категориями в обществе. Это может консолидировать общество на решение этой важной задачи.

Но я не зря коснулся технологического аспекта. Если мы говорим о технологическом прогрессе, мы должны понимать: если этот инструмент в правильных руках и эти руки преследуют правильные цели, то мы можем добиться прогресса в решении проблемы неравенства. Если же цели ставятся другие — извлечение прибыли, рентабельности, повышения доходов тех, кто владеет этим инструментом — технологическим прогрессом, — тогда неравенство будет только расти. Наша задача, мне кажется, как раз в другом — в повышении доступа разных категорий населения к благам нашей цивилизации, нашего общества.

Гэлбрейт: В истории США есть много примеров, когда региональная политика являлась фундаментальным звеном, которое обеспечивало благосостояние нации. Например, в свое время правительство предоставило земли для организации общественных учебных заведений, и сейчас большое количество научных и технологических центров организованы на базе таких университетов. Причем они находятся не в таких богатых регионах, как Калифорния или Нью-Йорк, а, например, в сельскохозяйственных штатах, и являются центрами притяжения и для технологий, и для рабочей силы, и для развития знаний. Университет Техаса, в котором я сейчас преподаю, служит прекрасным примером того, что было сделано на государственном уровне. Еще раньше, в 30-е годы, в рамках программы Рузвельта «Новый курс» произошла электрификация южных штатов США. На тот момент, когда программа начала работать, население там было бедным, в большинстве своем афроамериканским, земля перестала быть плодородной в результате интенсивного землепользования. И при помощи электрификации, проведения новых транспортных веток и шоссе правительство США смогло вдохнуть новую жизнь в южные штаты. В истории Китая и Советского Союза также можно найти примеры электрификации, газификации, которые серьезно повлияли на развитие этих стран.

Что касается доверия, то, как мы знаем, доверие необходимо заслужить. Доверие должно стать частью системы, когда у людей есть определенная оправданная уверенность в том, что с ними будут поступать справедливо. Причем не только на уровне межличностных отношений, но и на уровне государства. Если мы снова обратимся к истории — и России, и США, и Великобритании, — мы найдем там примеры хищнического поведения государства и неоправданного мошеннического обогащения за счет населения. Понятно, что такие примеры уменьшают доверие населения к правительству. В США за последнее время эта проблема усугубилась. Например, в 80–90-х годах прошлого века в результате кризисов займа стоимость домов большинства представителей среднего класса была обрушена, это было сделано сознательно и намеренно. Далее возникла проблема с ипотечными кредитами, сегодня это раздувание своей капитализации большими корпорациями. Все это ведет к глубокому системному кризису в США. И, с моей точки зрения, те, кто считают, что с окончанием эпидемии эти проблемы уйдут, необоснованно оптимистичны в своих прогнозах. Я считаю, что эти проблемы носят крайне глубокий характер, и в ближайшее время мы от них избавиться не сможем. Однако увеличение доверия — это один из способов решения этих проблем, и в России тоже.

Я верю в потенциал технологий, и то, что мы сейчас с вами в условиях коронавирусной инфекции можем провести такое интервью, как раз во многом заслуга технологий. Однако одновременно с тем, что возможности технологий увеличиваются, не всегда наблюдается увеличение доступа широких слоев населения к этим технологиям. Для меня это крайне важно, и на данный момент я внес предложение в Конгресс США, которое позволило бы обеспечить доступ в интернет для всех лиц, находящихся на территории страны. С моей точки зрения, это будет способствовать процессу демократизации и повышения равенства, если, конечно, это должным образом будет внедрено.

И еще один вопрос, который я хотел бы затронуть, — это роль наций и отдельных стран в процессе решения глобальных проблем, в том числе решения проблемы неравенства. Понятно, что у всех супердержав есть свои интересы и своя повестка дня. И современные политические тенденции очень часто приводят к мысли о том, что это обязательно ведет к конфликту интересов. Но это в корне неверно, потому что есть масса примеров того, как Россия, Китай, Великобритания, США вместе работали над разными проектами, не представляя угрозы для национальных интересов друг друга. В первую очередь давайте вспомним «Союз-Аполлон» и космическую программу, прямо сейчас над нашими головами находится на орбите МКС. Это доказывает, что разные страны могут работать вместе для достижения общей цели, и никакого противоречия в интересах здесь нет. Поэтому, с моей точки зрения, очень важно, чтобы страны не расходились в разные стороны, а искали как можно больше того, что нас объединяет. Если бы мы выступали единым фронтом, в том числе перед лицом пандемии, нам было бы гораздо проще решать глобальные проблемы и вызовы, стоящие перед нами. Я считаю, что мы должны научиться работать сообща.

TECHNOLOGICAL REVOLUTION AND INEQUALITY

New technologies empower us with wider opportunities for production and distribution of new goods and services while, at the same time, resulting in profits being concentrated in the hands of a very small group of people. How can we fight the growing inequality? What path is best for Russia and the experience of which countries should Russia consider?

Based on the Industrial Club program on the Saint Petersburg TV channel, January 12, 2021

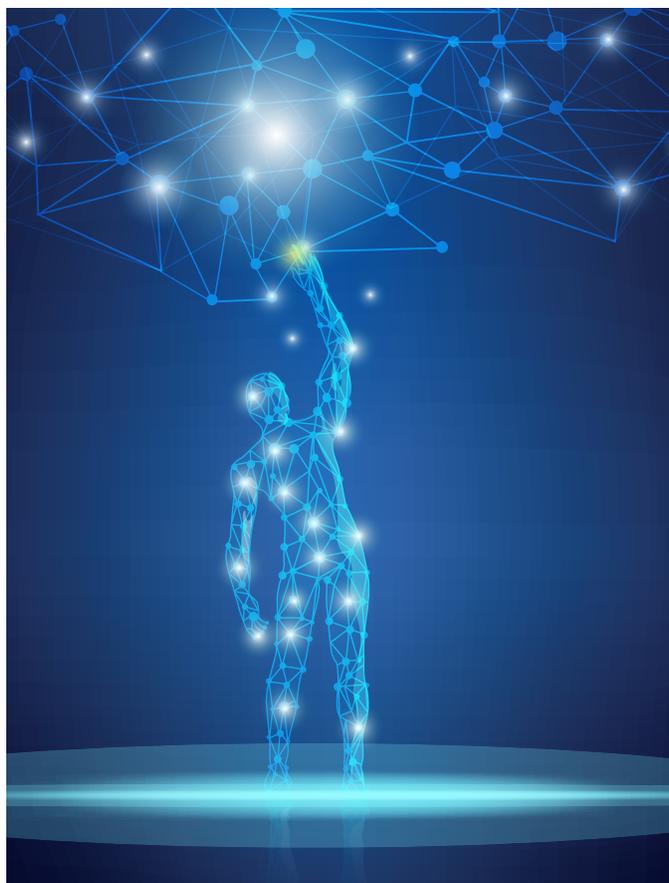
James K. Galbraith,

Member of the Free Economic Society of Russia's International Committee, Professor of the Lyndon B. Johnson School of Public Affairs, University of Texas at Austin (USA)

Sergei Bodrunov,

*Director of the Witte Institute for New Industrial Development, President of Free Economic Society (VEO of Russia), President of the International Union of Economists
Doctor of Economics, Professor*

W

Sergei Bodrunov: We have shifted to a new technological paradigm, with new technologies starting to emerge. This comes with an opportunity to reduce inequality by means of technological development and by improving production. However, the gap in the world is widening. Why is this happening and can we keep reaching for this bright digital future while this problem persists?

James Galbraith: New technologies offer us the opportunity to produce and distribute new goods and services. However, while having a universal effect, these technologies concentrate profits in the hands of a small group of parties, both individuals and corporations. The corporations that come to mind first are IT and internet companies such as Facebook. As a result, the wealth is concentrated in the hands of no more than 6 to 12 people – if we speak about the United States. These people are starting to dominate the political arena and are given a free hand to control capital fluctuations and the distribution of wealth. In my opinion, it is exactly what aggravates inequality.

The overall situation is difficult and it is further complicated by the Covid-19 pandemic that may trigger an actual economic disaster. What do I mean by an economic disaster? The thing is the world has collapsed; the reality has collapsed for a great number of producers and companies in the customer service sector. Incomes of a huge number of people dropped or were even reduced to nothing. Inequality was already a problem before the pandemic. Now, as we are fighting this novel coronavirus, the situation has become much worse.

Sergei Bodrunov: This is a perfectly accurate description of what is currently happening in the world. It is my belief that the state of things exposed by the pandemic has actually been there much longer. In fact, any new technological paradigm that we get reinforces the financial capabilities of the people who already own the main assets of this technological paradigm. Currently, these assets are digital; they are IT assets and assets of the technologies that will come with the next technological shift. We all see how countries and major conglomerates of the people owning these assets clamp down on each other. And it appears to me that any bad news and any unexpected surprises are possible right now.

James Galbraith: Absolutely. China has a very specific kind of advantage. The Covid-19 pandemic has brought China's technological and industrial advantage to the fore. China created a network of industrial companies that essentially serve the entire spectrum of technologies and the entire industrial sector. Unfortunately, the United States does not have an industrial network like that.

I'll give you an example. Take supplies of essential medical drugs and items such as face masks. The United States was unable to streamline the production of face masks in due time. In China, where the population is significantly higher than in the United States, the sufficient amount of masks was supplied within weeks. As of early 2020, China was producing 15 million masks per day. In just a few weeks, China managed to build up production to 115 million per day. I want to stress that, among other things, that was accomplished by involving thousands of small companies. Obviously, major corporations, with state participation or fully owned by the state, were producing masks as well. However, small companies received instructions from the government and were provided with necessary conditions to fulfill those instructions. They knew they would be able to deliver. Now, what happened in the United States?

Surely, there are American companies that managed to repurpose their businesses to release masks. They also tried to figure out their expenses and whether they would be able to recover their costs. The companies waited for a signal from the government, in the form of subsidies or guarantees. They received nothing. Precious time was lost thus widening a gap between China and the United States. On the other hand, it should be noted that the United States remains a technological leader while Chinese industries largely depend on U.S. technology – for example, semi-conductors and main production processes. This being said, China is rapidly moving forward and we can expect that it will catch up with the United States very soon, perhaps in a matter of years.

The Chinese economy has one major advantage: it has a system of large corporations that are partially or fully owned by the state. These corporations are continuously modernized; the government is thoroughly monitoring their status and investing in their progress. More than that, China's industrial development is not centered around the interests of a specific company or industry but around the interests of the entire country.

If we look at the past examples of such approach to industrial production, we'll see that the same principle was adopted by American corporations in the 1950s and 1960s. My father John Kenneth Galbraith wrote about this in his book *The New Industrial State*. The model he described in the book is the model China embraced. Japan and Germany are also reaping its benefits. We, I mean the United States and Great Britain, completely shifted away from this model in the 1980s: the successful model that my father wrote about and which you talk about in your works, went through financialization. Capitalization of companies became a priority. But now we can see that high capitalization does not mean high stability for a company. So reasonably, my question is: where will these companies end up in 15 or 20 years? Time will tell.

Sergei Bodrunov: I think it is a very important observation. The changes in industrial production and its structure, and the departure from the models that were closing the inequality gap are now actually aggravating disparity. I believe Russia needs to look for a way to alleviate it – a way that will help us achieve better results in this respect. We are looking at other countries' experience. We are taking note of what the United States is doing to fight inequality. We are looking at China.

Twenty or thirty years ago, China was among the poor countries. By 2020, there were no poor people left in the country, according to international criteria. Although there are millionaires and people with capital in China, the Chinese government's model is targeting social problems and inequality. Unfortunately, we see a different model in the United States. I would like to understand how different the approaches are in the United States and in Russia to the inequality problem? I think you could give us advice. Which model should we follow to eliminate inequality?

James Galbraith: As a representative of the United States, I believe that we should be extremely careful when giving advice to Russia. Certain recommendations were given in the 1990s and we all know how it turned out.

As for inequality in China and the United States, 40 or 50 years ago China was an extremely poor country but it was a country of equality. Inequality developed as a result of economic

reforms but the main goal of the Chinese government was to achieve stability in the distribution of accumulated funds and resources. The strategy worked.

In case of the United States, the situation has been and continues to be completely different. I can't say that America does not know solidarity. This solidarity is, however, mostly manifested at the level of municipalities or states. On a national level, the country is essentially divided. This means that, whoever is the president, a Republican or a Democrat, about half of the country will not follow him and will not do as he says, simply because of their political views.

As for Russia, it seems to me that many of its problems today are ramifications of the country's division in the 90s. The government's priority today is to restore its authority among the public, which is necessary for the public to be able to respond to new challenges, before anything else. In terms of what path you could take, I think whatever you do it will still be better than what happened in the 90s.

What should the government do? In my opinion, first and foremost, it should take care of its people by increasing the employment rate and access to education and culture. This is extremely important. Russia is blessed with so many opportunities and rich traditions that can be used to build wealth in addition to spending natural resources.

One more thing. Between 1993 and 1997, I served as an advisor to the Chinese government. When the Chinese asked me what they should do in the current circumstances, the main advice I could give them was to follow their instincts. You need to pursue the interests of your country first and choose a path that is best for you.

Sergei Bodrunov: I think it is crucial for us to truly pursue our own interests, Russia's own national interests. We must clearly understand that building a social state must be our priority and what our Constitution promises must be made reality. Only then can we truly start thinking about eliminating disparity. Perhaps it would be appropriate to say that inequality is not so much of a problem as alleviating poverty within this inequality. What we need to do is consolidate our society.

I completely agree that an adequate regional policy is necessary. Here in Russia, the economic discrepancy between regions is significant. Naturally, we have to think about ensuring an equal and more even level of income in these regions and accessibility to education, culture, science and technology.

I should add that it is essential to raise the level of trust for the government, the level of trust between people in society and between different categories of society. This may help consolidate society towards tackling this challenge.

I mentioned the technological aspect for a reason. When we speak about technological progress, we must understand that, with this tool in the right hands pursuing the right goals, we can achieve a breakthrough in combating inequality. But if goals are different, such as making profit or achieving profitability or increasing the income of those who possesses this tool (the technological progress), inequality will only keep growing. I believe our task is different: it is to make the comforts of our civilization and our society more accessible to different categories of the population.

James Galbraith: There are many examples in US history when a regional policy served as a cornerstone that secured the nation's wealth. For example, at some point, the government allocated land for building public educational institutions. Today, a great number of research and development centers are based at these universities. And they are located not in wealthy regions like California and New York but in agricultural states, where they are attraction centers for technology, workforce and knowledge development. The University of Texas where I teach is an excellent example of effort at the federal level. Even before that, in the 1930s, one of Roosevelt's New Deal programs brought electricity to the states in the South. When the program was first launched, the local population was poor, mostly African American and the land was no longer fertile due to intensive land use in the past. Thanks to electrification and new transport connections and roads, the US government managed to breathe new life into the southern states. In Chinese or Soviet history, there are also examples of electrification or gasification that significantly affected these countries' progress.

When it comes to trust, we all know that trust is something you earn. Trust must become part of the system. People need to be confident, based on substantiated evidence, that they will be treated fairly, not only by other people but by the state as well. If we look at history again, Russian, American or British, we will find examples of predatory behavior on behalf of the state and unjustified fraudulent accumulation of wealth at the expense of ordinary people. Clearly, these examples undermine the public's trust for the government. This problem has become particularly worse lately. For example, due to the savings and loan crisis in the 1980s and 1990s, the value of houses owned by the majority of the middle class collapsed. It was a conscious and intentional tactic. Then, a mortgage crisis happened. Now, we have large corporations inflating their capitalization. All this may result in a deep system-wide crisis in the U.S. It is my opinion that those who believe that these problems will disappear once the pandemic is over, are making an unreasonably optimistic prognosis. I think these problems go much deeper and we will

not be able to get rid of them in the foreseeable future. Nonetheless, increasing trust is one way to solve these problems – in Russia, too.

I believe in the potential of technologies. It is technology we need to thank for being able to have this interview while the coronavirus is raging. That being said, the technological progress does not always mean that the public at large will have access to these technologies. It is extremely important to me and I have submitted an initiative to the U.S. Congress on providing internet access to every single person on US territory. The way I see it, this measure will promote democracy and equality – provided that it is properly implemented, of course.

One more issue I would like to mention is the role of nations and individual countries in dealing with global problems, including inequality. Clearly, every superpower has its own interests and agenda. With modern political tendencies, it may appear that a conflict of interests is inevitable, which is inherently not true because there are plenty of examples of Russia, China, the UK and the U.S. working together on various projects without threatening each other's national interests. Apollo-Soyuz is the first example that comes to mind, as well as the space program. Right now, the International Space Station is operating in orbit above our heads. This proves that countries can join forces to achieve a common goal and their interests will not clash. In my opinion it is very important that countries refrain from going off in contrary directions but look for as much commonality as possible. If we showed a united front, including when faced by the pandemic, it would be so much easier to deal with global problems and challenges. I think we should learn how to work together.

ЧАСТЬ II

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ
ПРЕОДОЛЕНИЯ.
НА ЧЕМ СТОИМ

КРИЗИС — ВРЕМЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ОСОБЕННОСТИ НЫНЕШНЕГО КРИЗИСА

ПЕРВЫЕ ИТОГИ МИРОВОГО КРИЗИСА

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

КВАЛИФИКАЦИОННАЯ ЯМА. ЧТО ЭТО ТАКОЕ
ДЛЯ ЭКОНОМИКИ?

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА ООН
«МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ, 2021»

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

КРИЗИС — ВРЕМЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Пандемия коронавируса серьезно повлияла на мировую экономику. При этом ряд отраслей демонстрирует провальные темпы роста, некоторые застыли в стагнации, а некоторые, наоборот, развиваются очень активно. Какими компетенциями необходимо обладать, чтобы в полной мере соответствовать известному изречению «Кризис — время возможностей»?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 10.10.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

**Георгий Владимирович
Остапкович,**

*директор Центра конъюнктурных исследований
Высшей школы экономики*

Владимир Викторович Климанов,

*директор Центра региональной политики
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор экономических наук*

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,

*президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Сегодня все базовые отрасли российской экономики — промышленность, торговля, строительство, сфера услуг, само собой, — переживают кризис. Вызван он пандемией, вызван всеми другими известными экономическими обстоятельствами 2020 года, наложившимися друг на друга. В общем, ситуация сложная и у нас, и в мировой экономике. У нас даже чуть-чуть менее сложная, как заявляют наши экономические власти. Но тем не менее проблемы есть.

И вот что интересно наблюдать: что одни отрасли идут — как это сказать? — хуже, другие — лучше, какие-то вообще выигрывают. Кризис, как говорится, время возможностей, и для бизнеса в том числе, и для отраслей, для развития. Георгий Владимирович, Центр конъюнктурных исследований, который вы возглавляете, проводит исследования состояния делового климата в российской промышленности. Какие тенденции были выявлены за последние месяцы по спросу, выпуску, загрузке мощностей, численности занятых и так далее? Может быть, есть какие-то позитивные процессы, не только негатив, который со всех сторон мы слышим?

Остапкович: Весной, где-то в районе апреля 2020 года, была просто паника. И обработка, и добыча, и водоснабжение с электроэнергетикой — все давали панические прогнозы. Как показал август и даже июль, фактическая ситуация оказалась не такой критической, как было в прогнозах. И промышленность сейчас (опять же по настроениям предпринимателей, не по индексу физического объема), на мой взгляд, готова к определенному рывку. Налаживается спрос, налаживается производство. Промышленность среди других базовых отраслей по занятости выглядит лучше всех. Но должен сказать, что, к сожалению, это специфика российского рынка труда: люди числятся на работе, но состоят в скрытой занятости, то есть в отпусках по инициативе администраций, по сокращенному рабочему дню. Но численность занятых пока промышленности удается сохранять.

В общем, перспективу я бы оценил как благополучную, если не прилетят «черные лебеди», которые вокруг нашей границы барражируют. У промышленности главный фактор, который мы спрашиваем, касается лимитирующих факторов производства, и на первое место вышла неопределенность экономической ситуации.

Бодрунов: Владимир Викторович, скажите, а какие отрасли нашей экономики основные пострадавшие? И кто главный бенефициар кризиса?

Климанов: Те, кто оказался более готов к работе в новых цифровых условиях, те выиграли, и здесь очень сложно найти отрасли. Иногда в той же торговле те, кто смог перестроиться на работу с системой доставки, чувствуют себя вполне удачно. То же самое и с теневым сектором. Получать государственную поддержку смогли те, у которых все было легально, а если все шло «в черную», то ты даже претендовать на нее не смог. И это новая сегментация, которой мы еще не испытывали ранее.

Многие говорят: в нынешний кризис пострадала экономика впечатлений. Это концертная деятельность, рестораны, международный туризм, бесконечное занятие свободного времени. И все сектора, с этим связанные, еще долго будут испытывать влияние кризиса 2020 года.

Кто выиграл? Те, кто стабильно выпускал продукцию для потребительского сектора, все-таки пострадали в меньшей степени. Не случайно мы видим рост в пищевой промышленности, сельскохозяйственное производство не упало.

Бодрунов: Мне кажется, что скорость восстановления тех или иных отраслей зависит от того, кто, как и в каких условиях работает. Кто готов принять цифровизацию, готов больше работать в новой онлайн-среде.

Вот отсюда можно делать какие-то прогнозы, что будет развиваться быстрее. Ведь это важно и для инвесторов, и для тех людей, которые на рынке труда ищут свое место, и для, собственно говоря, нашего общего понимания государства, правительства, какие отрасли поддерживать. Может быть, не отрасли поддерживать, а, допустим, цифровизацию как общий тренд для всех отраслей.

Остапкович: Вопрос, конечно, диалектический, кого поддерживать и какие отрасли. Но мне кажется, что в лучшей ситуации будут находиться отрасли и предприятия, экономические агенты, которые напрямую или косвенно аффилированы с государством. Государство своих не бросает, понимаете? Кто больше всего пострадал в эту пандемию? Малый бизнес, микробизнес, домашние хозяйства в определенной степени пострадали. Это первое.

Второе — кто, наверное, будет в лидерах. Сегодня фармацевтика может стать второй нефтью, наверняка будут создаваться госкорпорации, это будет высокорентабельный бизнес.

И я не стал бы отдавать такое огромное предпочтение цифровизации. Цифровизация — это полезно, это нужная вещь. Но понимаете, те отрасли, которые создают основной ВВП... Цифровизацию вводить на металлургическом заводе или в сельском хозяйстве — дело нужное, но достаточно тяжелое.

Кто пострадает? Конечно, пострадает сфера услуг, пострадает торговля. На ближайшие два года, я думаю, резко сократятся встречи, будет меньше международных форумов, съездов, слетов, конференций, даже международных соревнований. Пока не произведут утвержденную, одобренную во всем мире вакцину (а это, я думаю, не раньше чем через два года), эти коммуникации людей будут резко сокращены. Сокращается коммуникация людей — падают услуги, падает торговля, падает строительство. Падает транспорт, потому что нужно перевозить людей.

И мне кажется, что реальный сектор имеет преимущество, в частности промышленность. Она же потенциально никуда не упала, она остановилась. Она не стала хуже работать. Поэтому, если пойдет нормальный процесс восстановления, то промышленность пойдет вперед, и у нее потенциал, из всех отраслей — у промышленности и сельского хозяйства — самый высокий. А промышленность в совокупности по четырем укрупненным отраслям дает 30% в структуре ВВП.

Торговля, сфера услуг — они зависят от платежеспособного спроса. Как поведут себя реальные доходы — мы никто не знаем, неопределенность великая. Как в этой ситуации делать прогнозы? Ни одна прогнозная модель не работает. Поэтому сегодня хочешь — говори 3,8%, как Минэкономики говорит, хочешь — держи планку 5,5%, как Центробанк это в минусе держит, хочешь — выходи на 6% минуса.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Владимир Викторович, а вы как смотрите на эту ситуацию? На что можно рассчитывать, что можно видеть впереди?

Климанов: Я абсолютно соглашусь с той мыслью, что восстановление в разных секторах будет идти по-разному и появятся какие-то новые если не отрасли, то сегменты, которые будут более востребованными. В целом идет ориентация на возврат к личному потреблению в ущерб каким-то общественным интересам, будет возврат к каким-то индивидуальным потребностям людей.

Кроме того, по-новому будут востребованы вопросы безопасности. Страхование, кстати говоря. Я не очень пока понимаю, как поведет себя страховая рынок, потому что учет рисков будет закладываться практически везде, от выпуска продукции в реальном секторе до жизненной деятельности, которая опять же вся в рисках. Придет новая волна пандемии — все будет по-новому.

Мы сейчас говорим о том, что фармацевтика рванет, как и в целом система здравоохранения будет работать на каких-то новых принципах. Но я бы не сбрасывал со счетов и сельское хозяйство.

Есть, опять-таки, отрасли, которые, мы думали, пойдут по другому пути. У меня, например, вопрос к экологическим требованиям к продуктам. Последние пару лет много говорили о том, что будет новая волна этих требований. Но мы все вернулись к пластиковым пакетам, к каким-то одно-разовым предметам, что явно идет вопреки прежним требованиям.

Бодрунов: Вы сказали об упаковке. Да, можно было наблюдать, особенно в некоторых странах Европы, переход от пластиковых пакетов к бумажной упаковке. Сейчас ситуация другая — возврат, наоборот, к полной упаковке любого продукта вплоть до отдельного огурца. Но здесь, мне кажется, есть перспектива для разработки быстроразлагаемых пластиков и запуска таких производств. Это целое новое направление!

Вы говорите об индивидуализации. Это мировой тренд в связи с развитием технологического прогресса и возможностью предоставить человеку индивидуально разнообразные услуги. Наверное, на это тоже стоит обращать внимание. Та же доставка ориентирована на индивидуальные потребности.

Что касается страховой деятельности, тоже большие проблемы. Страховая деятельность основана на чем? На уверенности, незыблемости неких трендов, а вот отклонения от них как раз страхуются. А если у нас, так сказать, неизвестно, будет следующая волна, не будет волны, какая она будет, какие последствия будут у этих болезней, не будет этих последствий... Такая неопределенность в тот же страховой бизнес вносит очень большие коррективы. Надо думать, он вообще может радикально измениться, если мы будем дальше продолжать жить в такой жизни.

Та же выставочная деятельность. Мое мнение было всегда: с развитием коммуникационных технологий это сойдет на нет. С развитием технологий человек может это увидеть, ощутить, пощупать, понять, оценить со всех сторон, посмотреть. Зачем ему ехать? Это тоже тренд, тренд долгосрочный, и на это тоже надо обратить внимание. А пандемии усилила эти тренды, показала, что они действительно есть в обществе, что они, наверное, будут влиять на экономику в будущем. Кризис, как говорится, это время возможностей. Поэтому хотелось бы, чтобы мы эти возможности не упустили.

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

ОСОБЕННОСТИ НЫНЕШНЕГО КРИЗИСА

Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, имеет свою специфику. В чем она состоит? Какое влияние кризис оказывает на бизнес и становление среднего класса? Каким образом можно увеличить устойчивость экономики к таким потрясениям? Как не допустить существенного падения доходов россиян?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 21.11.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

**Абел Гезевич
Аганбебян,**

*заведующий кафедрой экономической теории
и политики Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, академик РАН*

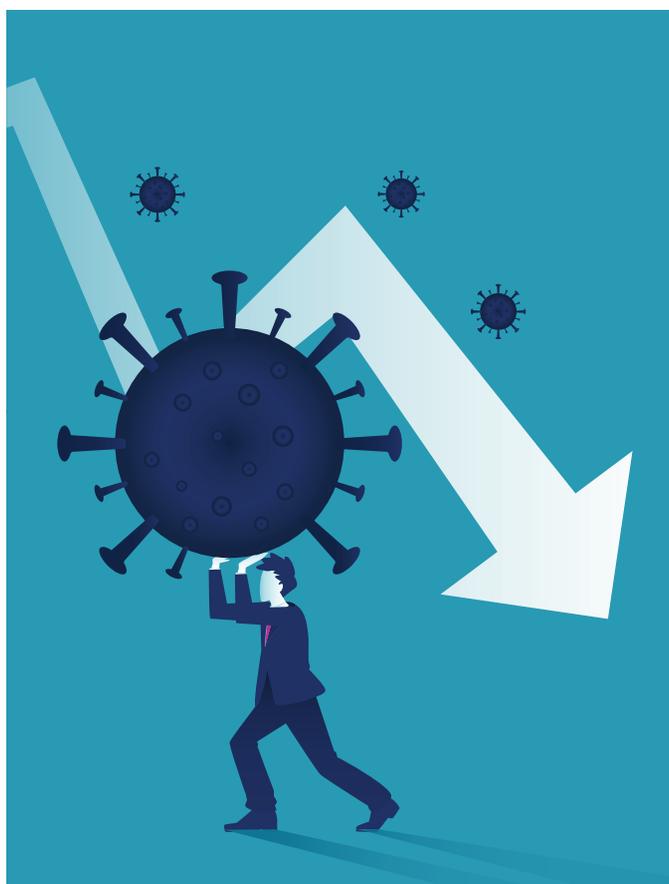
**Александр Александрович
Щиров,**

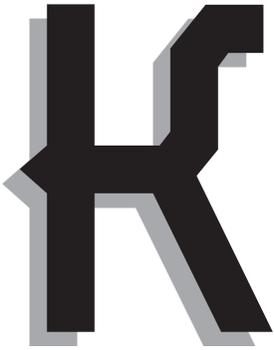
*директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук*

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,

*президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Каждый кризис имеет свое лицо, свои черты, свои особенности. В чем специфика нынешнего кризиса?

Аганбегян: Это кризис необычный, и его можно сравнить только с кризисом, который был сто лет назад от испанки, потому что этот кризис вызван пандемией, чего многие десятилетия у нас не было. Но в России этот кризис особенный, он связан не только с пандемией. Он связан также с нефтегазовым кризисом из-за сильного падения цен и объемов экспорта нефти и газа. Дело в том, что нефть и газ — это в прошлом 70% нашего экспорта, а экспорт наш был 530 миллиардов в хороший год, в 2012 год. Так что это баснословная сумма. Тогда нефть стоила 115 долларов за баррель. А вот, скажем, октябрьская цена — 40 долларов. Поэтому это полноценный кризис. И затем мы, в отличие от других стран, перешли в кризис после семилетней стагнации, которая в нашей стране началась с 2013 года. И за эти семь лет наши суммарные инвестиции или, как их называют, накопления в основной капитал, снизились на 6,5%. Розничный товарооборот на душу населения снизился на 8,5%. А реально располагаемые доходы даже на 10,5% снизились.

На этом фоне дальше пошел кризис, и они еще снизились. Поэтому, если мы хотим по-настоящему восстановиться, скажем, по уровню жизни, то недостаточно достичь уровня 2019 года. Надо достичь 2012–13-го. С сентября 2020 года началась вторая волна коронавируса, и в сентябре уже все наши экономические показатели снизились по сравнению с августом.

То есть положение достаточно тяжелое. И это положение отягчено новыми негативными трендами, которых не было до этого. Например, в 2020 году у нас вдвое вырос отток капитала. В 2019 году он был 26 миллиардов долларов, а в этом году — 53. Это прогноз Центрального банка, немножко заниженный, по моей оценке, но все равно это вдвое. Затем у нас в последние годы смертность снижалась в год на 30 тысяч, а сейчас у нас есть данные по сентябрь включительно: за девять месяцев смертность выросла, в сентябре — на 31 тысячу. Если верить Росстату, то все равно больше половины смертности не от коронавируса.

Бодрунов: Вы совершенно справедливо заметили, что это более комплексный, уникальный случай. Коронавирус является только одним из факторов, которые влияют на эту экономическую ситуацию.

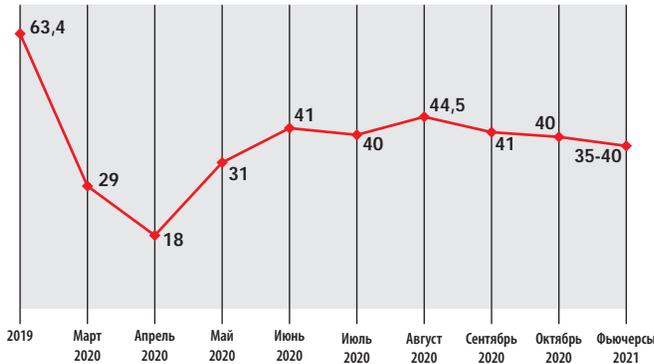
Аганбегян: По моей оценке, на 50%. На 30% в глубину определяет нефтегазовый кризис и вот переходящие негативные тренды от стагнации: я отвожу на них 20%, вот так грубо.

Бодрунов: Вы не упомянули одну очень важную страту бизнеса и населения — это малый бизнес. В этой ситуации очень часто и в правительственных решениях это звучит, и в выступлениях лидеров общественного мнения, что малый бизнес надо поддерживать. Скажите, пожалуйста, какая ситуация там сегодня?

Аганбегян: В целом в малом бизнесе занят 21 миллион человек. Главная его составляющая часть — это индивидуальный предприниматель и собственно маленькие предприятия до 15 человек. И в самый плохой месяц — апрель — 33% всего малого бизнеса прекратили работать. Но это не значит обанкротились! В мае было тоже примерно столько же. А в июне уже 18% не работало, после того как промышленность начала работать.

Потом, вы знаете, у нас специфический очень малый бизнес. У нас подавляющая часть предприятий малого бизнеса — это торговые предприятия, в том числе половина — продовольственные. И в торговле малый бизнес не сокра-

Сколько будет стоить нефть?

тился, а малый бизнес онлайн даже вырос. Он снизился в непродовольственных товарах, но потом такие магазины открылись, и малый бизнес довольно быстро стал восстанавливаться, хотя потерял очень много доходов.

При этом правительство очень много сделало. Прямые вложения были не так велики для 20 миллионов — 81 миллиард рублей. Но правительство отсрочило налоги и сняло часть налогов, отсрочило обязательную страховку, вы знаете, она довольно большая, отсрочило их задолженность, возможность, отсрочило аренду, но не все арендаторы, естественно, на это пошли.

И вот возникла вторая волна. Нет такого закрытия, как при первой волне, но она тоже сказывается очень негативно, и малый бизнес опять покатился вниз. Причем малый бизнес не восстановился, а сократился на 70% в туризме, на 80% в гостиницах. Очень сильно он сократился в платных услугах, где онлайн-обслуживание не получается. Общественное питание сейчас резко сокращается, а там очень много относительно небольших предприятий. Затем всякого рода перевозки. И в результате — очень неравномерная картина по отраслям.

Были опросы малого бизнеса, они очень пессимистически смотрят на ситуацию. 60% говорят, что мы не знаем, как нам вернуть долги, мы видим, что мы в этом и следующем году их не вернем, у нас денег нет. Но, видимо, правительство и дальше будет как-то помогать, посмотрим, как это будет. Я думаю, что катастрофы не случится. А вот с повышением смертности — это демографическая катастрофа, подлинная катастрофа, потому что у нас каждый год на 30 тысяч смертность снижалась, а в 2020 году она вырастет, это катастрофа.

Бодрунов: Мы все время говорим о необходимости наращивать устойчивость экономики. Но она базируется в том числе и на среднем классе, а это связанные вещи — малый бизнес и средний класс — в значительной степени. В этом плане мы много обсуждали антикризисные меры, сегодня опять надо, видимо, эти меры пересматривать. Александр Александрович, что вы думаете по этому поводу?

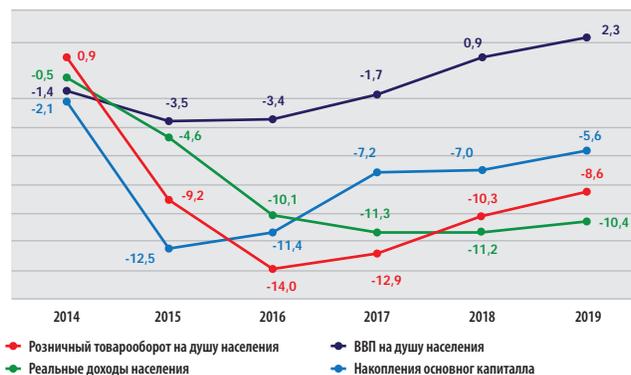
Широв: Текущий антикризисный план, я бы сказал, достаточно хорошо проработан. Там есть масса мероприятий, особенно касающихся социальной поддержки, которые уже дали позитивный вклад в борьбу с коронавирусом, с экономическими его последствиями. С другой стороны, там, конечно, не хватает ряда действий, которые позволили бы поддержать те слои бизнеса, прежде всего, которые наиболее пострадали, то есть сферу услуг. Отдельные меры поддержки существуют, но они не в полной мере бьют по тем болевым точкам, которые возникли в результате коронакризиса в экономике. Что касается каких-то более существенных трат на посткризисное восстановление, то я так понимаю, что версия правительства состоит в том, что эти траты будут осуществляться по мере того, как будет проявляться ситуация в 2021 году. Ну и, собственно, там, по-видимому, будут уже более существенные суммы и какой-то пересмотр тех направлений поддержки, которые сейчас есть.

Бодрунов: Абель Гезевич, а что делать в сложившейся ситуации? Как не допустить существенного падения доходов россиян? И причем особенно важно — доходов среднего класса? Потому что бедных надо всегда поддерживать, богатые могут сами выжить. И второе, что делать в этой ситуации с недопущением снижения инвестиционной активности бизнеса?

Аганбегян: Говоря об устойчивости, я хочу подчеркнуть, что Россия вообще находится в неплохой ситуации. И это отмечаем не только мы, но и наши зарубежные «недоброжелатели».

У нас рекордный объем золотовалютных резервов, больше, чем у Англии, Франции, Германии и Италии вместе взятых. Второе, у нас относительно низкая инфляция. Затем, вы знаете, в 2020 году на 14% выросли активы наших банков, они достигнут показателя в 110 триллионов, а всех государственных денег у нас 35 триллионов. Мы можем за счет огромных низкопроцентных кредитов поднять нашу экономику, потому что есть колоссальные активы. Но объем кредитов очень мал.

Динамика ВВП, реальных доходов, розничного товарооборота и инвестиций основного капитала (в %)

Например, все инвестиционные кредиты, инвестиции в основной капитал отечественных банков меньше 1 триллиона, из 20 триллионов всех накоплений основного капитала, то есть двадцатая часть. А банки, если вы возьмете опыт западных стран, они на 2/3 финансируют за счет выгодных низкопроцентных кредитов подъем экономики, предотвращение сокращения доходов.

У нас довольно квалифицированное работающее население. Мы занимаем 33-е место среди 189 стран по рейтингу индекса уровня образования Организации Объединенных Наций. Поэтому наши люди могут хорошо работать, сидя на карантине. Я думаю, что нам нужно решиться на крупные меры по повышению доходов. Нужны глобальные меры, учитывая, что уже на 10% мы в предшествующие семь лет снизились.

Первое — повысить минимальную зарплату с 12 до 20 тысяч за счет предприятий в основном. А предприятиям, кто не может, дать низкопроцентный кредит, можно даже при финансовой поддержке бюджета. Бюджетные деньги нужны только для бюджетников — поднять им минимум зарплат, это относительно небольшие деньги.

Второе — пособие по безработице у нас самое низкое в мире: от 4,5 тысячи до 12,1, кроме города Москвы, где, вы знаете, 19 тысяч. Нельзя прожить на эти деньги, тем более если вы — кормилец семьи, а все-таки безработных очень много. Поэтому я бы пособие по безработице увеличил хотя бы минимум от 12, хотя бы прожиточный минимум должен быть, и до 30, скажем, хотя бы.

Третье — растет пенсионный возраст. Мы — единственная страна, где ожидаемая продолжительность здоровой жизни мужчин ниже сегодняшнего выхода на пенсию. Это значит — половина больных. И попробуйте при наличии безработицы человеку за 60 лет найти работу. Поэтому нужно, мне кажется, средний размер пенсий повысить хотя бы до 20 тысяч, сегодня 15, или даже до 25. Если в этом году, конечно, это нельзя сделать, то начать в 22-м, в 23-м, то можно и до 25. И разрешить со сниженным доходом выходить на пенсию в 55–60 лет, если не можешь найти работу, если ты недостаточно здоров и так далее.

Затем мы — единственная страна, где нет необлагаемого налогового минимума. Если вы получаете 10 тысяч зарплату, с вас все равно берут 13%. И самая трудная у нас проблема, у нас ужасно живут на селе и в малых городах. Поэтому здесь один путь: надо, чтобы они сами себе заработали, но создайте условия, ведь у нас миллионы хороших хозяйств, приусадебных хозяйств. Выделите эти хорошие хозяйства, превратите их в фермерство, дайте им скот, дайте им земли, в России столько свободной земли.

Нужно решить вопрос задолженности. У нас 19 триллионов задолженность людей. И они не отдадут через три месяца. Как они могут отдать, когда на самоизоляции многие находятся, и мы не восстановили доходы?

Бодрунов: Абел Гезевич, спасибо большое за такой подробный рассказ и анализ. Думаю, что мы будем работать над новыми предложениями, которые все-таки найдут отражение в правительственных документах. Потому что альтернативы такого рода предложениям не существует, на мой взгляд. И я думаю, что меня поддержат многие наши специалисты, многие наши эксперты.

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

ПЕРВЫЕ ИТОГИ МИРОВОГО КРИЗИСА

У каждого государства есть свой запас прочности, который позволит с той или иной скоростью и количеством негативных последствий выйти из кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Какие страны справятся с этим лучше, а какие хуже? От чего зависит скорость выхода из кризиса и качество этого выхода? На какие отрасли экономики надо обратить внимание, чтобы минимизировать негативные последствия?

По материалам программы «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург» от 15 сентября 2020 года

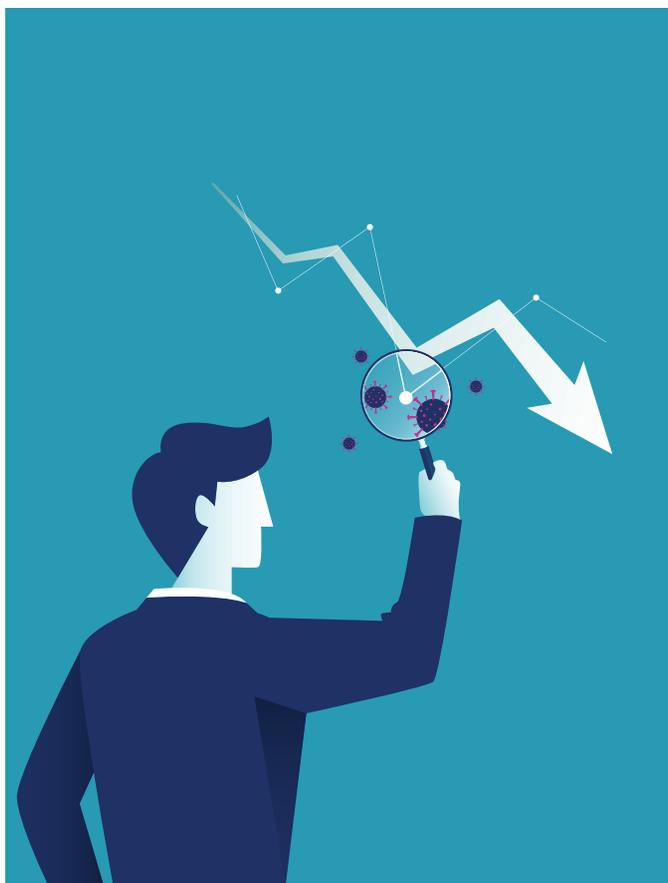
СОБЕСЕДНИКИ

*Петр Владимирович Артюхин,
доцент Департамента экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ
(Москва), к. э. н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: 2020 год наполнен разными событиями, связанными не только с коронавирусом, но и с проблемами в мировой энергетике, с ценами, которые упали, с волатильностью валют... Если касаться коронакризиса, то летом показалось, что ситуация стала лучше, тем не менее пошел разговор о новом витке и о том, что этот кризис становится мировым и возможна длительная рецессия. Какие факторы, по вашему мнению, указывают на мировой кризис?

Арефьев: Одним из первых факторов, оказавшим деструктивное воздействие, и стало постепенное охлаждение между полюсами силы, такими как США и союзники, с одной стороны, и Россия, Китай — с другой стороны. Как следствие — спад экономической активности, переход в отдельных случаях к жесткой санкционной политике. После развала СССР в мире снова начали появляться два противоборствующих полюса силы, что не может положительно сказываться на существующей экономической системе, и возвращение к равновесному положению потребует достаточно много времени. При самых благоприятных оценках это пять, ну это может быть более там 7–10 лет.

Бодрунов: Это большой срок!

Арефьев: При пессимистических оценках это может затянуться и на 10, и на 15 лет. Это обуславливается второй глобальной проблемой, обрушившейся на человечество, — пандемия коронавируса, эта угроза нанесла колоссальный ущерб мировой экономике, который еще только предстоит подсчитать. Так, Великобритания стала одним из лидеров Европы по уровню смертности от коронавируса, ВВП снизился примерно на 30%, а начавшаяся в этой стране эпидемия показала, что англичане все-таки не готовы к такой ситуации.

Если говорить о Германии, там также есть крупные финансовые центры, скажем, Гамбург. В то же время основное — это все-таки развитое промышленное производство. Когда финансовая сфера обслуживает интересы реального сектора экономики, то экономическая система более устойчива, соответственно, она не так страдает во время кризисов и восстанавливается гораздо быстрее. Если посмотреть ситуацию в США, там на данный момент немного лучше, конечно, выглядит ситуация, чем в Британии, но не намного. По той причине, что угроза коронавируса была недооценена.

Бодрунов: То есть пожертвовали и людьми, и экономикой?

Арефьев: Да, и видим, что иммунитет, в США вырабатывается слабо, а количество жертв растет из изо дня в день. Россия при этом смогла научиться на чужих ошибках, поскольку наша страна не первая, по которой ударила пандемия. Да, по предварительным данным потеря ВВП страны составляет, конечно, огромную сумму, но сопряжено это не только с пандемией и почти тремя месяцами вынужденного простоя большинства предприятий, еще наложилась санкционная политика в отношении нас, спекуляции со стороны стран Персидского залива, когда Саудовская Аравия начала ценовую войну.

Тем не менее Россия вышла из карантина по сравнению со многими странами относительно в лучшем состоянии, хотя, конечно, целый ряд наших предприятий оказался на грани банкротства, многие были признаны банкротами, многие домохозяйства лишились своих сбережений.

Бодрунов: Доходы населения снизились больше чем на 8%, это очень большая сумма.

Арефьев: Конечно, если мы смотрим в процентном отношении, то можно сказать, что катастрофы нет, но с учетом того, что США и Великобритания гораздо более богатые страны, чем РФ, конечно, в нашей стране это падение гораздо более ощутимо.

При этом самые мрачные прогнозы, которые рисовали эксперты еще в марте 2020 года, оказались далеки от реальности, и преодоление экономического кризиса еще впереди. Тем более что сколько еще продлятся карантинные меры, непонятно.

В условиях неопределенности самое страшное для бизнеса — инвестировать. Если говорить еще и об экономическом противоборстве между странами Запада, Китаем и Россией и колебании цен на энергоносители, то все это тоже не добавляет оптимизма инвесторов. Следует отдельно упомянуть ситуацию в США, где огромный государственный долг. А если что-то случается в США, то они тянут за собой и Китай, и все остальные национальные экономики.

И если этот кризис усугубится, то в целом может еще больше обрушить финансовые рынки и полностью изменить глобальную экономику.

Бодрунов: Поведение биржевых индексов, финансовые рынки — это яркий индикатор того, что происходит в экономике, а тем более в кризис. Но мне кажется, есть еще один. В отличие от прошлых кризисов, мы в период пандемии можем наблюдать, как некоторые компании показывают практически взрывной рост. И все эти компании так или иначе связаны с IT-технологиями.

Нельзя в этих условиях не поддерживать высокотехнологичный бизнес, высокотехнологичную индустрию, которая может дальше стать драйвером в развитии. В этом плане, я думаю, очень правильные меры были предприняты российским правительством — мощная поддержка IT-сектора. Потому что, с одной стороны, это стабилизация экономики, когда есть сектора, которые растут, станут драйверами, и в то же время это и будущие рабочие места, востребованность молодежи. И, конечно, для этого нужны деньги. В России прошлые кризисы были на фоне недостатка денежных средств, а сейчас у нас удивительная вещь: было и без того полтриллиона долларов в значках до кризиса, а за время кризиса уже перевалили через 600 миллиардов долларов, то есть резервы подросли. Мне кажется, что можно было бы эту кубышку слегка подраспечатать, больше средств направить на поддержку индустриального сектора, стабилизирующего экономику. Что вы думаете по этому поводу?

Арефьев: Министр финансов РФ считает, что, если мы начинаем тратить резервы, у нас прочность экономики падает, и приходится занимать под большой процент. Когда деньги разбрасываются в сторону потребления, увеличиваются пенсии, пособия, если эти деньги не обеспечены товарами и услугами, они могут вызвать инфляционные всплески. А когда средства отправляются в реальный сектор экономики и там создается добавленная стоимость, эти средства будут обеспечены ростом ВВП. Ничто не тормозит экономический рост так, как изымание денег из экономики и создание различных резервных фондов. И Фонд национального благосостояния неплох с точки зрения подушки безопасности, но очень плох с точки зрения развития.

Бодрунов: Я в этом плане вас поддержу. Вспомним нашего великого поэта: «Злой Кащей над золотом чахнет», а Иван-богатырь, который вовремя инвестирует, тратит деньги на свое развитие, он здоровый и имеет хорошие мускулы. Все-таки необходимо разумно относиться к этой подушке безопасности, на ней можно и уснуть на веки вечные, пока другие бегут вперед.

Кстати говоря, у нас в ВЭО России эта проблема неоднократно обсуждалась. Недавно мы с Академией наук направили соответствующее предложение в правительство, чтобы в план мероприятий по дальнейшему восстановлению экономики включили вопрос государственных инвестиций в определенные сектора, в том числе в инфраструктуру, в развитие высокотехнологичной промышленности.

Вы сегодня абсолютно справедливо заметили не только то, что надо правильно использовать финансовую подушку, но и еще одну очень важную вещь, которая не очень видна с ходу. Вот, например, Европа направила в среднем на поддержание своей экономики около 10% от ВВП. Мы дали 5%, но давайте посмотрим на структуру этой поддержки! Европа примерно в пять раз больше дала на самом деле не денег, а государственных гарантий, которые не требуют немедленных денег, но освобождают многие планы инвесторов от нагрузки на будущее. Мы могли бы идти этим путем гораздо более широко, более эффективно, потому что пока такой подход у нас используется мало. Лучше, мне кажется, пойти по пути государственной гарантии, через кредитование, чтобы все сферы экономики — и финансовая сфера, и реальный спектр экономики, — чувствовали единую линию поддержки государства. А потом эта линия могла бы выражаться в конкретных инвестициях.

Арефьев: Надо просто не мешать работать. Льготы давать, позволить расти валовому продукту. Давать рабочие места в стране, потому что крупные сырьевые компании не являются основным работодателем. А дальше уже, когда валовый продукт вырастет, реструктуризация произойдет, и основными нашими статьями в экспорте будут наукоемкие технологии, а не нефтегазовый доход. Кстати, и так в структуре ВВП нефтянка занимает 9,2%, примерно столько же, сколько обрабатывающее производство.

Бодрунов: Да, когда мы говорим о структурной перестройке экономики и о том, что надо слезать с нефтяной иглы, мы, как правило, на эти цифры обращаем мало внимания. Другие сектора, как вы совершенно справедливо сказали, должны развиваться дополнительно, давать свой весомый вклад, а иначе никогда этого мы не добьемся. На ваш взгляд, как будут развиваться события?

Арефьев: Во многом ответ на данный вопрос будет связан с тем, с какой интенсивностью, скоростью в регионах мира смогут преодолеть последствия кризиса. И как события в одних регионах будут влиять на другие регионы.

В первую очередь, говоря о последствиях кризиса в таких масштабах, следует помнить, что он протекает по-разному, каждая страна борется с ним по мере своих сил и возможностей. Если говорить о наихудших сценариях, то, скорее всего, Латинская Америка может оказаться на грани экономической катастрофы, за исключением, вероятно, таких стран, как Аргентина и, возможно, Мексика, а также Куба. Потребуется, безусловно, помощь извне, и наиболее вероятным помощником мог бы стать Китай.

Для России же, думаю, ближайшие 5–10 лет будут решающими. Если удастся восстановить агропромышленный и научный потенциал, то страна быстро выйдет из кризиса, сможет расширить зону своего влияния за счет Центральной Азии, но главное для России на выбранном пути — достичь финансовой независимости, укрепления позиции рубля в качестве мировой валюты. За счет, может быть, обеспечения золотым запасом.

Нам было бы неплохо стать спокойной гаванью, которой на сегодняшний день являются США.

Бодрунов: Проанализировав ситуацию с этим кризисом, его уникальность, мы можем сделать вывод, что нам необходимо принимать меры по поддержке собственного реального сектора экономики, более интенсивные, более внушительные меры, ну и, в общем, мы рассчитываем на то, что это понимаем не только мы как специалисты, но и понимают люди, которые принимают государственные решения.

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Трудовые отношения меняются в связи с тем, что меняется технологическая основа всей нашей жизни. Как проходят эти изменения? Как правильно законодательно разграничить отдельные виды дистанционного труда и обеспечить правовой защитой и работника, и работодателя?

По материалам программы «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург» от 12 января 2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Никита Леонидович Лютов,
заведующий кафедрой трудового права и права
социального обеспечения Московского государственного
юридического университета им. Кутафина, д. ю. н.,
профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Сегодняшние трудовые отношения меняются в связи с тем, что меняется технологическая основа всей нашей жизни, меняются производственные, промышленные и экономические процессы. Многие профессии меняются, некоторые уходят, некоторые переходят в состояние фриланса, возникают вопросы с местонахождением сотрудников, традиционными правовыми нормами его стимулирования или дестимулирования. Как меняются, на ваш взгляд, трудовые отношения с развитием НТР, какие риски для работников, с одной стороны, и работодателей, с другой, возникают в такой нетипичной ситуации?

Лютов: Сейчас во всем мире, и Россия здесь не исключение, обсуждается довольно тревожная тенденция: прекаризация трудовых отношений. Возникли те неустойчивые и нестабильные формы — фриланс, налицо рост числа срочных трудовых договоров, рост дистанционного труда — это все так или иначе проявления той самой неустойчивой занятости.

И тут много ключевых вещей. У нас уже семь лет действует глава Трудового кодекса, которая посвящена дистанционному труду, норма уже есть. Но практика ее применения показала, что есть довольно много пробелов. Например, есть такая позиция: труд может быть либо полностью дистанционным, либо полностью стационарным. И хорошо видно, как это не работает, например, в отношении преподавателей.

Бодрунов: Я добавлю, что эта проблема возникла и в отношении научных работников. Это была одна из претензий, когда начинали, извините за слово, «бомбить» Академию наук в связи с тем, что многие ученые не работают, понимаете, сидят дома, а не на рабочем месте, или у них присутствуют всего два дня. Чиновники от науки требовали, чтобы все сидели на рабочем месте от звонка до звонка.

Люттов: Классическое трудовое право индустриальной эпохи это хорошо разграничивало: рабочий на заводе, человек пишет книгу, получает за это гонорар, это совершенно разные вещи. Но сейчас эта грань — что тоже одна из современных тенденций — все больше и больше размывается.

Дистанционный труд — одно из ярких проявлений этого процесса.

Бодрунов: А эти новые нормы о дистанционном труде закрывают эти проблемы? И какие-то еще проблемы остаются?

Люттов: Остаются, конечно! Первое — это нормы о смешанном труде, чтобы можно было заключать трудовой договор, в котором смешивались бы элементы дистанционного и стационарного труда. Сейчас на фоне пандемической волны эта норма была реализована, и теперь появились даже не два, а три вида: постоянная дистанционная занятость, которая предполагает занятость в течение всего трудового договора именно дистанционно; временная дистанционная занятость — это когда работодатель вынужден временно, в связи с чрезвычайными обстоятельствами, переводить работников на дистанционный режим работы; и третья — как она теперь называется — периодическая, когда занятость может быть и такой, и такой в зависимости от ситуации.

Главная проблема, которая появляется, — это то, что на случай чрезвычайных ситуаций работодатель имеет право перевести работника в дистанционный режим в одностороннем порядке на срок до шести месяцев без его согласия. Также никак не урегулирован вопрос: а если у работника нет отдельного помещения для работы? Посмотрим, как практика будет решать это вопрос. Еще одна проблема: по до сих пор еще действующей редакции закона отношения между дистанционным работником и работодателем должны скрепляться так называемой электронной усиленной квалифицированной подписью. Получить ее бывает целая головная боль. Сейчас процедуру электронного взаимодействия упростили, теперь это все равно квалифицированная, но не усиленная цифровая подпись.

А другое — я бы сказал фундаментальное — право, о котором стоит поговорить и которое мы очень хотели своим коллективом, чтобы оно пришло в закон. Но, к сожалению, не пришло. Речь идет о том, что в экономически развитых странах последние несколько лет говорят о праве работника — не только дистанционного, но и любого работника, — быть офлайн, не быть на постоянной связи с работодателем. Это очень серьезная проблема, связанная с психологическим дискомфортом, который связан с тем, что начальник может вам позвонить и в полночь, и вы должны ему ответить, но у вас тоже есть личное время, и разговор по работе в это личное время никак не оплачивается. А ответить надо.

Бодрунов: Да, это действительно большая проблема.

Лютов: Наша идея была в том, чтобы внедрить для всех работников общую норму о праве работника не быть на постоянной связи с работодателем, за исключением чрезвычайных ситуаций. Что это за чрезвычайные ситуации? Для этого уже есть нормы Трудового кодекса, которые можно аналогично рассматривать — сверхурочная работа. Правда — и здесь есть очень важная оговорка — у нас откровенно жульническая 101-я статья Трудового кодекса, которая определяет, что такое ненормированный рабочий день. В ее рамках работодатель имеет право принять локальным актом перечень отдельных должностей, работники на которых эпизодически — как вам нравится термин «эпизодически»? — могут привлекаться к труду за пределами установленного рабочего времени. Есть рекомендации Международной организации труда, в которых написано, что всякое время, отработанное работником сверх нормы, должно считаться сверхурочной работой, но что нам рекомендации...

Бодрунов: На самом деле это позволяет работодателю ориентироваться на свои финансовые результаты, просчитывать свои экономические затраты. Надо привлекать, не надо привлекать, он подумает десять раз, звонить или нет, если нужно платить в двойном размере.

Лютов: Конечно! Если мы говорим о дистанционном работнике, то есть график взаимодействия: когда можно, а когда нельзя взаимодействовать. И если работодатель контактирует с работником вне обычного взаимодействия, считать это как сверхурочную работу, а 101-ю статью вообще отменить, потому что она для всех лишняя. В итоге из этого всего осталось, что работодатель с работником должны согласовать график взаимодействия друг с другом, и время взаимодействия между дистанционным работником и работодателем должно вообще включаться в рабочее время.

Бодрунов: Как вы считаете, после принятия этого нового закона насколько мы будем соответствовать состоянию рынка труда, рынка занятости?

Лютов: Я думаю, правильным будет ответить с точки зрения серого рынка труда. Потому что очень важно, насколько отношения находятся в правовом поле и с точки зрения защиты трудовых прав, и с точки зрения налоговых платежей.

До коронавируса у нас в РФ договоров о дистанционном труде было что-то около 30 тысяч, несмотря на то, что на уровне ощущений было понятно, что это более-менее распространенное явление.

Конечно, еще много вещей осталось за бортом. Сейчас еще есть норма о том, что стороны договора о дистанционном труде могут уволить работника по основаниям, включенным в трудовой договор. Но у нас какая общая модель? Что уволить можно исключительно по основаниям, закрепленным в Трудовом кодексе и других федеральных законах!

Бодрунов: Каким будет труд, трудовые отношения, ну, скажем, на горизонте 30–50 лет?

Лютов: Так спорят об этом, вы себе не представляете...

Футурологи в начале прошлого века говорили о том, что мы уже к 2050-м годам сможем себе позволить 3-дневную рабочую неделю с 20 часами работы. Как мы видим, ничего этого не произошло.

Недавно вышла интересная книга британского антрополога, футуролога в какой-то степени, Дэвида Грабера, называется «Бредовая работа». Его основной тезис заключается в том, что, с одной стороны, в рыночной экономике вроде бы работодатели должны избавляться от ненужных работников. Но на самом деле даже в капиталистических странах работодатели далеко не всегда руководствуются такой логикой, и какому-нибудь начальнику надо — чтобы показать коллегам, что он крутой начальник отдела, — побольше людей иметь в подчинении. При этом не надо экономить деньги компании, ему надо побольше бюджета освоить.

Опрашивают социологи людей, и оказывается, что чуть ли не большинство работников сейчас находятся в бессмыслии от того, что они делают. Причем очень интересно, что осмысленная работа — врача, учителя, строителя — хуже оплачивается.

Также обсуждается в этом контексте перспектива так называемого базового дохода, чтобы люди уже работали, исходя не из экономических потребностей, а чтобы себя реализовывать.

Бодрунов: Я думаю, за этой идеей неплохое будущее, потому что на самом деле технологический прогресс позволяет все больше и больше удовлетворять потребности людей, накапливается экономический потенциал, который позволяет это обеспечить. Человек не только экономический субъект, но и социальный, культурный. Мы же даем пособие по безработице, даем пособия больным, занимаемся волонтерством. И это вовсе не экономическая логика, за это мы получаем моральное удовлетворение.

Люттов: Проблема в том заключается, что никто пока не может ответить на вопрос: а как поведут себя люди с точки зрения социального большинства? Кто-то будет сидеть на диване, киснуть, деградировать и умирать, а кто-то будет использовать освободившееся время для саморазвития. Самый страшный и непонятный вопрос: сколько будет первых и сколько будет вторых? Но действительно есть такое ощущение, что, хотя сейчас общество еще сопротивляется такому «выниманию» рабочих мест, возможно, к этому придут.

Бодрунов: Мы к этому действительно реально подходим. Этот момент я называю в своих работах точкой кризиса, точкой бифуркации цивилизованного развития, потому что, с одной стороны, технологический прогресс дает нам огромные возможности реализовывать себя, создавать материальную основу нашего существования без большого труда, но при этом возникает гигантский вопрос: как будет развиваться общество? Я полагаю, что, конечно, креатив — это очень важно, и поэтому учить детей надо сегодня креативному мышлению, учить одновременно гуманизму, доброте и самопожертвованию, самоограничению и другим таким вещам, о которых сейчас просто забыли. Это сегодня, на мой взгляд, важнейшая проблема не только России, но и мировая проблема, — мы должны понимать, куда мы движемся, и мы должны понимать, что нашими нормами регулирования, в том числе в трудовом законодательстве, в других сферах законодательства, мы должны подвигать общество к этому социальному переустройству. Потому что экономика как пришла в свое время, появилась в развитии общества, так она и уйдет, а вот социальные отношения, отношения людей останутся и будут развиваться. Вот это очень важная новая конфликтогенность будущего общества. На это надо обратить серьезное внимание.

THE CRISIS AND WAYS OUT. THE CONSTANT

REMOTE WORK: LEGAL ASPECTS

The employment sphere is changing with the transformation of the entire technological framework of our life. What changes are occurring, exactly? How can we legally distinguish between various types of remote work and ensure legal protection for both the employee and the employer?

Based on the Industrial Club program on the Saint Petersburg TV channel, January 12, 2021

SPEAKERS

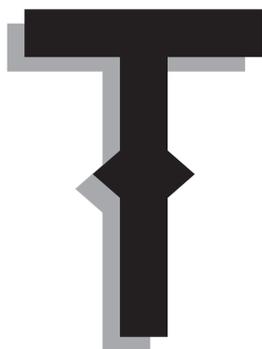

Nikita Lyutov,
*Head of the Department of Labor Law
and Social Security Law,
Kutafin Moscow State Law University,
Doctor of Law, Professor*

Sergei Bodrunov,
*Director of the Witte Institute
for New Industrial Development,
President of Free Economic Society (VEO of Russia),
Doctor of Economics, Professor*

Sergei Bodrunov: Today's employment relationships are changing with the entire technological framework of our entire life, as well as production, industrial and economic processes. Many professions and occupations are changing; some are disappearing; some jobs are becoming freelance. These changes lead to questions about the physical location of employees as well as about the traditional legal norms for encouraging or discouraging various options. How do you think are employment relationships changing with the progress of the science and technology revolution? What risks is such atypical situation posing for employees, on the one hand, and for employers, on the other?

Nikita Lyutov: There is one rather alarming trend now broadly discussed around the world, and Russia is no exception – I am referring to the precarization of work and employment. That includes the emerging unstable and insecure formats such as freelancing, the growing number of fixed-term employment contracts, and growth of remote work. These are all manifestations of the precarious employment trend I mentioned.

Let's consider the key points. A chapter regulating remote work was added to the Labor Code seven years ago. That is, we have a relevant regulatory document. But the practice of applying that regulation has exposed quite a few gaps in it. For example, there is a clause that says work can be either completely remote or fully office-based. And we can clearly see how this does not work, for example, in relation to teachers.

Sergei Bodrunov: I would add that the same applies to scientists. This was one of the problems regulators and administrators had with the Academy of Sciences at the start. They claimed most scientists weren't working, you know, just staying at home and only required to be present at their workplace two days a week. Everyone must be at the workplace nine-to-five!

Nikita Lyutov: A typical labor law of the industrial era delineated between these spheres perfectly. A worker at a factory and an author writing a book for a fee are two completely different situations. Now this line, too, is becoming more and more blurred. This is another modern trend.

Remote work is one of the most vivid manifestations of change.

Sergei Bodrunov: What about the new remote work regulations – do they solve these problems or not?

Nikita Lyutov: Of course not! The first problem is we also need regulations on a mixed format, so that an employment contract could include elements of both remote and office-based work. There have already been precedents on the pandemic wave. In fact, there are even more options. One is remote employment, which implies working remotely all the time during the entire employment contract; another is working remotely for a temporary period when the employer has to send people home due to extraordinary circumstances; and the third one is periodic remote employment as it is now called – a mixed format where an employee can work at the office or from home depending on the situation.

The main problem that leads to is that, in case of emergency, the employer can send employees to work from home unilaterally for up to six months without their consent. Another unresolved question is – what if the employee does not have a separate room for work? Let's see how practice will settle this problem.

Furthermore, according to the valid version of the law, the relationship between the remote worker and the employer must be sealed with a so-called enhanced qualified electronic signature. Getting it can be a headache. The procedure for electronic interaction has recently been simplified; a QES is required, but not an enhanced digital signature.

There is another important – even fundamental – right that needs to be considered and legally protected. Unfortunately, this is not the case yet. I am referring to something widely discussed in economically developed countries for the past few years – an employee's right to be offline. This concerns remote workers – and actually any worker, for that matter – who should not be

required to maintain constant communication with the employer 24/7. This is a serious problem and causes psychological discomfort from knowing that your boss can call you at midnight and you will have to take the call. Most workers are not paid or compensated in any way for discussing work issues during their personal time, but they still have to take the calls.

Sergei Bodrunov: This is a really big problem indeed.

Nikita Lyutov: We proposed an idea to introduce a general rule for all employees, to legalize their right not to be on call at all times, except in emergencies. What should qualify as an emergency though? The current labor code actually includes a concept that can be considered here – overtime work. On the other hand, there is a very important limitation – Article 101 of the Labor Code, which regulates employment without fixed working hours, is quite tricky. It entitles the employer to adopt, by a local act, a list of specific jobs or positions that can be occasionally required to work outside their established working hours. How do you like the term – occasionally? According to International Labor Organization recommendations, any time an employee has worked in excess of their normal hours should be compensated as overtime, but who cares?

Sergei Bodrunov: This recommendation should actually make the employer focus on their financial results and estimate their potential costs before asking someone to work for them overtime. They would think twice before calling if they knew they would have to pay them double.

Nikita Lyutov: Exactly. As for teleworkers, they should have a schedule of contacts, hours when they have to be on call and time when they don't. And if the employer contacts them outside the agreed hours, that should be considered as overtime work. Article 101 should actually be cancelled because it won't work for anyone. All the former requirements should be replaced with a single cause that the employer and the employee must agree on a schedule of interaction. Any time spent in interaction between the remote worker and the employer should be included in the employee's working hours.

Sergei Bodrunov: Once this new law is adopted, how much do you think it will correspond to the state of the labor market, the employment market?

Nikita Lyutov: I think this should be answered from the gray labor market perspective. It is very important to what extent a relationship is within the law – in terms of the protection of labor rights as well as in terms of taxes.

Before the coronavirus, some 30,000 teleworking contracts were signed in the Russian Federation, even though it was intuitively clear that the arrangement was more or less common.

Many issues still remain unresolved. There is a regulation that the parties to a teleworking contract can dismiss an employee on the grounds included in their employment contract. But the general provision says a worker can be dismissed solely on the grounds stipulated in the labor code and other federal laws.

Sergei Bodrunov: What will work relationships be like, let's say, on the horizon of 30-50 years?

Nikita Lyutov: This has sparked so much debate, you have no idea.

Futurologists said at the beginning of the last century that by the 1950s, we would work a three-day or 20-hour week. As we can see, that never happened.

A few years ago, British anthropologist and futurologist David Graeber released a curious book, *Bullshit Jobs*. According to him, in a market economy, employers would seem unlikely to want to keep unnecessary workers. In fact, however, even in capitalist economies, employers are not always guided by this logic. Sometimes bosses need to show their colleagues they are important department heads by having more people under their command. They do not even need to save the company's money – they need to spend as much of the budget as possible.

A data analytics firm polled British people only to find out that a high percentage of workers were not sure their jobs made a meaningful contribution to the world. Moreover, those people appeared to be better paid than those doing meaningful work – doctors, teachers, or builders.

One idea discussed in this context is the possibility of having a so-called basic income. This would enable people to work to realize their potential rather than to meet their economic needs.

Sergei Bodrunov: I think this idea does have a future, because in fact, technological progress allows people's needs to be met easily, and the economic potential for that is accumulating. Humans are more than just economic subjects; they are also social and cultural ones. We pay unemployment benefits and sick leaves; we volunteer. This is not an economic logic at all; it is about moral satisfaction.

Nikita Lyutov: The problem is that no one can say at this stage how the majority will react. Some will probably stay at home, stagnate, degrade and die. But others will use the additional free time for self-development. The most frightening and uncertain question is how big each group will be. In any case, there is a feeling that although society is still resisting this removal of jobs, there is a possibility we will come to this.

Sergei Bodrunov: I think we are approaching this. In my works, I call this moment a point of crisis, a point of bifurcation of civilized development, because on the one hand, technological progress gives us tremendous opportunities for self-realization, for providing the material basis of our existence without much difficulty. At the same time, a gigantic question arises: how will society develop? I do believe creativity is highly important. We absolutely need to teach our children creative thinking, teach them humanism, kindness and self-sacrifice, self-restraint and other such things that seem forgotten today. This I think is the most important problem, not only for Russia – it is a global problem. We must understand where we are moving, and we must understand that with our regulations, including the labor law, as well as other parts of legislation, we must encourage this social transformation. Because the economy is a temporary phenomenon – it emerged as a certain stage in the development of society and will end someday, while social relations, people-to-people ties will remain and grow. This is a very important new conflict potential of the future society. This should receive serious attention.

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

КВАЛИФИКАЦИОННАЯ ЯМА. ЧТО ЭТО ТАКОЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ?

Прежние форматы образования в современном мире с быстро меняющимися технологиями уже не работают или работают далеко не в полную силу. Как взрослым не попасть в квалификационную яму? Чему и как учить наших детей, чтобы они смогли реализовать свои наклонности и таланты в будущем мире?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 12.12.2020 года

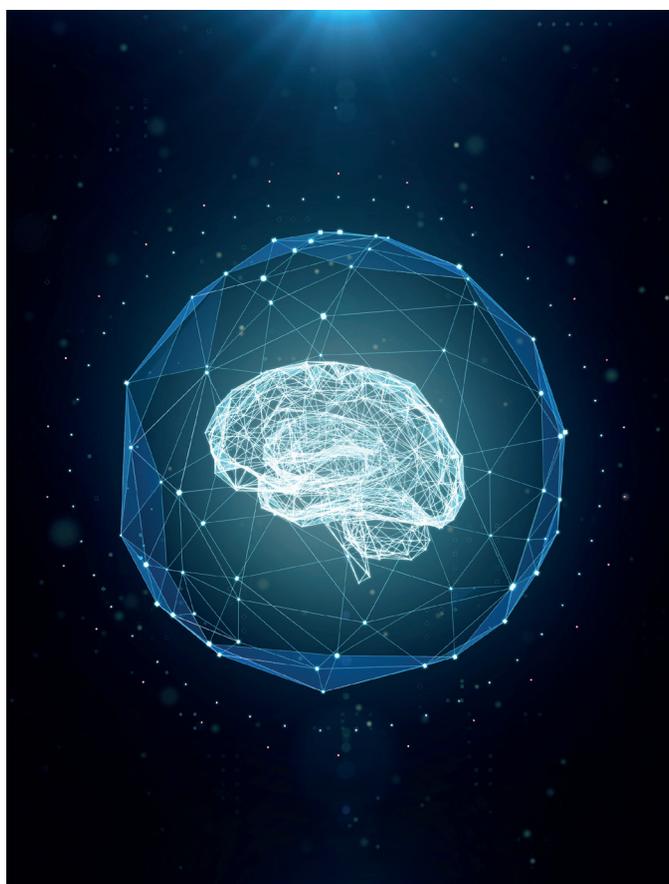

СОБЕСЕДНИКИ

*Андрей Александрович
Комиссаров,
руководитель направления «Развитие на основе данных»
Университета национальной технологической
инициативы «20.35»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: О так называемой квалификационной яме заговорили где-то в начале 90-х годов. Эксперты используют этот термин для обозначения явления, которое стало за последние 30 лет, наверное, нормой для мирового рынка труда. Идет быстрое изменение жизни нашей традиционной профессии, в рамках которой человек научился чему-то и 50 лет работает за станком, он умеет эту гайку точить и последние 35 лет ее точит.

В России более половины населения работает вследствие этого или не по профессии, или не в соответствии с уровнем своей квалификации — она может быть как избыточной, так и, собственно, недостаточной. Почему это происходит? Почему половина россиян оказалась в этой самой квалификационной яме? И что с этим делать?

Комиссаров: Это очень непростой вопрос. Есть аспект чисто нормативный. Дело в том, что у нас сама образовательная система завязана на рынок труда через призму тех профстандартов, которые генерирует наше Министерство труда. И очень часто по целому ряду направлений процесс создания профстандартов недостаточно быстр, недостаточно адаптивен, и получается определенная задержка, достаточно серьезная инерционность. В результате за профстандартами не поспевают ФГОСы, за ФГОСами не поспевают вузы. Но это задержка чисто нормативная.

Помимо нормативной задержки есть еще два аспекта. Первый — это технологический аспект. Если брать, например, советское время, большую часть 20-го века, вторую половину 20-го века, там все-таки такое понятие, как профессия, было достаточно четко оформлено. То есть мы могли сказать, что этот человек работает по профессии, профессия такая-то. Тогда и профстандарты были понятные, зачем они нужны, и довольно долго эта профессия не изменялась. Последние же лет 20 у нас с вами наблюдается такой феномен, когда вообще сам термин «профессия» в городах-миллионниках перестает существовать как таковой. Потому что речь идет о специализации, об определенном функционале, определенном инструментарии, сочетании навыков, о чем угодно, но не об одной стандартной профессии. Целый ряд специалистов вынуждены находить себя по-новому в профессиональном поле, пересамоопределяться.

И вот этот момент связан с очень быстрым развитием технологий. Вы совершенно верно сказали, что гайки разные. Мало того, что гайки разные, так еще и станки тоже разные. То есть очень часто инструментарий, которым пользуются специалисты, меняется. Меняется он в течение пяти, иногда даже двух лет.

Но и это не последний и не самый даже главный момент. Важным еще является то, что когда мы говорим про конкретную квалификацию, она несет в себе не только владение инструментами, или обладание определенными предметными навыками, или знание предметных областей, она еще и подразумевает определенный стиль с точки зрения поведения, определенный набор поведенческих стратегий, определенные роли. Она определяет софтовые, метапредметные компетенции, то есть как коммуницировать, как взаимодействовать, как мыслить в рамках этой деятельности. И все вот это у нас в образовании, к сожалению, довольно серьезно и долго находилось ниже радаров.

Бодрунов: Помните, была в свое время такая песня «Не чогаеры мы, не плотники, а мы монтажники-высотники»? Появилась новая профессия — монтажник-высотник, но образование успевало за этим.

А сейчас ситуация стремительно меняется. Сейчас технологии меняются в некоторых случаях каждые пять лет, а в некоторых случаях два года составляет период адаптации и появления новых технологий. Как же успеть переучить людей?

Комиссаров: Я сам, как работник образования, как педагог, как образовательный методолог, считаю, что в сфере образования вообще все специалисты обязаны учиться всю жизнь. Потому что в образовании мы готовим людей к будущему. Мы очень часто должны предвосхищать это будущее.

Мы сейчас ведем очень интересные программы по обучению госслужащих, которые могут отвечать на вызовы 21-го века, которые могут, с одной стороны, работать и с необходимыми технологиями, работать с данными, принимать решения на основе данных, а с другой стороны, которые обладают соответствующим мыслительным и понятийным аппаратом. И в первую очередь мы видим, что самое основное качество, по которому отбираются госслужащие для такой трансформации и по которому мы смотрим, насколько они вообще к этому способны, — это готовность к изменениям, готовность к работе с неопределенностью, готовность к работе, пардон, с хаосом. Вот эта очень характерная черта для нашего с вами времени. Поэтому обучение в течение всей жизни подразумевает, с одной стороны, постоянную готовность снова учиться, постоянный подход с чистого листа, отсутствие, так скажем, короны на голове, что я же специалист, как же так, у меня 30 лет опыта, и подход вот такого вечного студента, но в хорошем смысле слова, то есть студента, который понимает, как Сократ говорил: я знаю, что я очень много не знаю. И чем больше я узнаю, тем большие горизонты неведомого передо мной открываются.

Но если мы, например, подходим здесь не с точки зрения человека уже взрослого, состоявшегося специалиста, который вынужден полностью переобучаться, что сейчас является нормой, а с точки зрения человека совсем молодого — вот как поступать ему или ей? Когда они только вступают в этот мир, не всегда можно найти ментора, наставника, который объяснит, как с этим работать. Моему старшему сыну 16 лет, он сейчас для себя принимал очень сложное решение, что в 10-й и 11-й классы не пойдет, потому что нашел очень правильное для себя, подходящее обучение в колледже. И он начинает себя собирать, как такого, если угодно, робота-трансформера, как будто он такой человек-конструктор.

Есть такое понятие, его обычно используют программисты, называется «компетентностный стек» — из каких элементов складывается ваша компетентностная матрица, ваш компетентностный портрет, то, что вы умеете делать? Этот стек в наше время очень непростой. С одной стороны, он подразумевает много вещей, связанных с мышлением, с коммуникацией, софт-скиллз, а с другой стороны, он подразумевает очень специфические знания, иногда фундаментальные, сложные знания, которые необходимы.

Бодрунов: Возникают такие вопросы, как, например, отставание общества, общественных институтов от этих трендов, которые наблюдаются в образовании. Эти тренды абсолютно справедливые, они абсолютно правильно выстраиваются. Вы пытаетесь уловить самое важное направление и не только не отстать, а где-то немножко на опережение сработать.

В то же время система государственных институтов это еще не поддерживает. Насколько сегодня система государственной поддержки ваших усилий как специалиста помогает в этом? Выдвигаете ли вы такого рода инициативы?

Комиссаров: Да, это очень правильное замечание. Конечно, если молодой человек или девушка сознательно решают не идти в 10-й и 11-й класс школы, то они должны хорошо понимать: а что вместо этого? У моего сына уже есть собственный стартап, он собрал команду. И подобные ему ребята, когда они осознанно начинают сами себя «собирать», во-первых, понимают, что дальше, они понимают, закончив колледж, куда они пойдут дальше.

Этот подход и у нас тоже начинается, хотя не так часто встречается, — стартап как диплом. Что это значит?

Он предлагает не с помощью квалификационных экзаменов, давайте оставим их в стороне, а по делам их узнаете их. Вот что вы реально можете сделать? Можете ли вы предложить идею, которая будет интересная, новая, оригинальная на рынке, вообще неважно, в какой области? Можете ли собрать команду и с этой командой вместе реализовать эту идею, чтобы от слов перейти к делу и получить реальный продукт?

Бодрунов: Я соглашусь с вами. Мне тоже это импонирует вполне, потому что всякому предмету человек может научиться в деле, в практической деятельности. И если современная практическая деятельность требует такого рода подходов, то это тогда действительно правильный путь обучения людей.

Толчок был бы, если бы все такие практики мы могли формализовать, выдавать какие-то документы, которые могли бы быть так же признаны, как дипломы, как ЕГЭ. Понятно, что в таких испытаниях можно было бы и какие-то общие предметы включать, общие знания какого-то другого характера, можно было бы иметь несколько степеней: например, степень специалиста или степень не бакалавра-магистра, как сейчас, а степень, например, специалиста

первой категории, второй, третьей и так далее. То есть здесь должна быть широкая гамма таких инструментов для того, чтобы можно было нашу молодежь, наше будущее воспитывать и образовывать в таком качестве, которое позволяло бы им не отставать в развитии технологий, строить новое общество.

Пока же в сфере образовательной практики приходится надеяться больше на себя. При этом я бы сказал так: технологический прогресс позволяет каждому, в принципе, иметь гораздо больший доступ к образовательным программам, к образованию в целом, чем это было раньше. Сейчас это становится более общедоступным. Тем не менее непрерывное образование в России сегодня востребовано меньше, чем в других странах. Россияне не спешат использовать возможности самообразования. Почему, как вы думаете, это происходит?

Комиссаров: Во-первых, парадоксально, но сегодня гораздо меньше стремятся ехать за рубеж по двум причинам. Во-первых, именно в России сейчас, может быть, за счет нашего госкапитализма, больших госкорпораций, которые имеют серьезный доступ к бюджетным деньгам и поэтому могут предоставлять специалистам хорошим и качественным зарплата, далеко не все стремятся уехать.

Во-вторых, как вы правильно сказали, интернет серьезно открывает горизонты. Коронавирус при всех его серьезных негативных особенностях имеет одну маленькую позитивную — он по-новому открыл для нас интернет. Ехать в Америку сегодня не обязательно.

Уже сейчас есть целый ряд предприятий, организаций, которые готовы брать на стажировку молодежь. В частности, у нас в Университете «20.35» берут на стажировку ребят аж с 14 лет. Да, очень серьезный конкурс, да, нужно смотреть исключительно на то, как они проходят квалификационные испытания, как они решают конкретные рабочие задачи. Но именно в моем подразделении в сфере анализа данных работают 16-летние пацаны, работают на совершенно нормальной взрослой зарплате, разумеется, на полставки, потому что они учатся, мы не можем взять ребенка на полную ставку, но тем не менее они работают наравне со взрослыми вот в этих вот специфических, сложных новых контекстах.

Поэтому, с одной стороны, мы можем сказать про инерционность нашего общества, такую общинность, патриархальность и определенные стереотипы, но с другой, эти горизонты внутри нашего с вами сознания достаточно серьезно открываются.

Бодрунов: Это очень интересное наблюдение. Я вовсе не выступаю против того, чтобы люди по миру поехали, понимаю, что есть в каждой стране свои достижения. Но Россия — страна возможностей все-таки, этого нельзя сегодня отрицать. И наша земля собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов еще способна рождать.

В то же время ваши подходы, мне кажется, очень важны для понимания того, каким должно стать наше образование в том новом обществе, в котором не будет профессий, а будут компетенции, в котором будет важно уметь находить общий язык с другими людьми на базе знаний, на базе понимания и на базе культуры. Это очень, на самом деле, важная вещь.

Вот в этом как раз и есть преодоление той квалификационной ямы, которую мы сегодня наблюдаем. Собственно говоря, если мы эту проблему не решим, то она угрожает, на мой взгляд, и стабильности, и благополучию общества. Отсутствие решения этой проблемы порождает неопределенность, состояние тревоги относительно перспектив жизни людей, уровня доходов, карьерных перспектив. Так что это очень важная проблема, особенно сейчас, в связи с пандемией. Это тоже напоминает о том, что нам необходимо уходить от наших традиционных подходов к образованию, потому что они как раз и порождают те негативные явления, которые сегодня выявляются в процессе коронакризиса.

О КРИЗИСЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. НА ЧЕМ СТОИМ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА ООН «МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ, 2021»

По материалам онлайн-презентации Доклада ООН, состоявшейся в виде прямой трансляции на видеоканале Вольного экономического общества России (ВЭО России) в YouTube 02.02.2021 года.

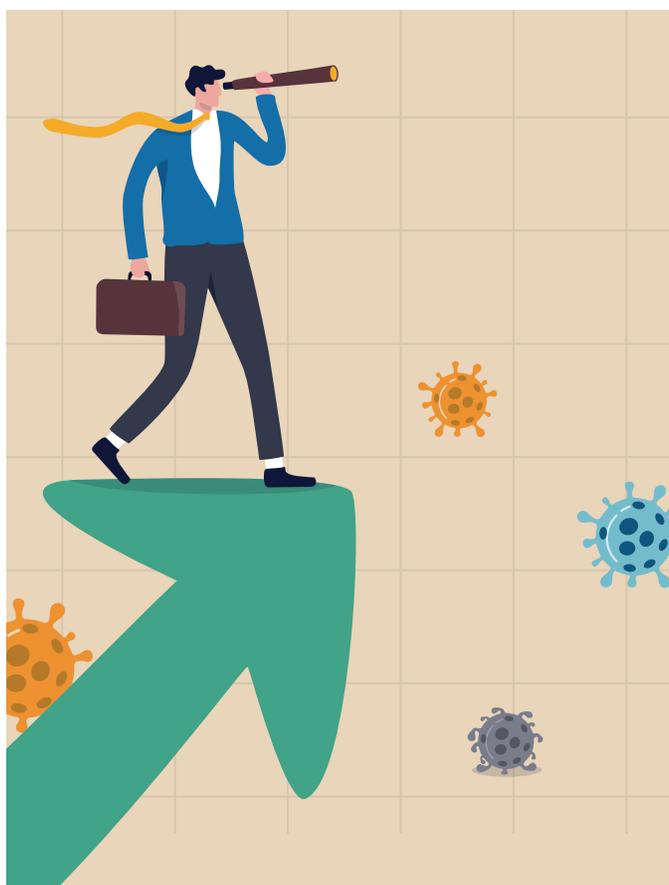
СОБЕСЕДНИКИ

Дмитрий Рэмович Белоусов,
заместитель директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), заведующий лабораторией анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН), к. э. н.

Александр Юрьевич Апокин,
ведущий эксперт ЦМАКП, старший научный сотрудник ИНП РАН, к. э. н.

Белоусов: Я сделаю краткое введение, потом расскажу о российской экономике. Основную часть презентации доклада по миру сделает коллега Александр Юрьевич.

Ситуация прошлого года не просто была крупнейшим шоком. В конце концов циклического спада, в общем-то, многие ждали того или иного шока. Она проблематизировала, я бы сказал, что она для всех нас, и для мира, и для России, дала как минимум два очень серьезных урока, которые мы до сих пор не очень понимаем: как с ними работать, как жить дальше.

Во-первых, оказалась проблематизирована философия глобального роста на базе естественных преимуществ, которым мы все следовали и которые рекомендовали международные эксперты десятками лет. И вдруг оказалось, что может случиться так, что страны, прекрасно специализировавшиеся на глобальном, оказывались просто нищими, потому что туристы могут просто не приехать. Вдруг оказалось так, что поставки продукции медицинского назначения, если она не производится в стране, то страна может просто не иметь этих самых масок, что мир не изобилен, что у него это может оказаться дефицитом. Это в принципе меняет баланс между логикой развития эффективности, с одной стороны, и логикой безопасности — с другой, и мы к этому не вполне готовы. Здесь есть над чем подумать, и, может быть, это главное, над чем стоит подумать после того, как вся эта тяжелая история закончится.

Второй момент — что мы еще никогда не находились на старте 2021 года в таком состоянии неопределенности, на моей памяти во всяком случае, в каком мы находимся сейчас. И по нашим оценкам, и по оценкам основных международных организаций, уровень неопределенности между возможными траекториями, даже краткое и среднесрочное развитие и мировой, и российской экономики, — он очень высок. Уровень коррекции при обновлении прогноза и мировых лидеров по прогнозированию достигает единиц пунктов. Таких историй не было уже очень давно, и это и есть турбулентность, когда мы можем обсуждать скорее сценарии будущего, чем само будущее, а оно совершенно не определено.

На этом я свою вводную часть заканчиваю и приглашаю Александра Юрьевича рассказать и донести свою экспертную позицию по ситуации в мировой экономике, и в конце я выступлю по приложению о российской экономике.

Апокин: Добрый день, коллеги! Я, с вашего разрешения, представлю основную часть этого доклада, которая посвящена мировой экономической ситуации и перспективам на 2021 год. Действительно, как сказали во вводном слове и как отметил уважаемый модератор, доклад посвящен теме восстановления, устойчивого к потрясениям, таким как шок Covid-19, и во многом констатирует очень редкую, можно сказать, историческую ситуацию 2020 года как наихудший результат за 90 лет, с падением мирового валового продукта на 4,3% по паритету покупательной способности, а по отношению к прогнозу, сделанному ООН за год до того, на 7,6%, если сравнивать уровни. С точки зрения ООН, значительная часть этого падения останется в качестве структурного изменения без каких-то ответных структурных изменений в политике, в общем-то, останется постоянным уроном для мировой экономики.

Конечно, одно из самых важных измерений этого падения — социальное, поскольку значительная неравномерность реакции на карантинные меры, локдауны в разных отраслях экономики и, как уже правильно было замечено, в разных странах, специализировавшихся на различных секторах экспорта, в частности экспорта услуг, привела к тому, что около 80% экономически активного населения Земли пострадали от карантинных мер в той или иной степени. Даже в странах ОЭСР уровень безработицы в середине локдаунов вырос в среднем до 9%, и на конец 2020 года ситуация немного улучшилась, то есть безработица составляла практически 7% экономически активного населения. В развивающихся же странах ситуация оказалась значительно хуже, с разбросом от 27% в Нигерии и Иордании и до 10–13% в странах Латинской Америки и в некоторых странах Азии. При этом даже с учетом того, что доклад ООН готовился осе-

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА ВИСИТ НАД ОБРЫВОМ

МВП в 2020 г. сократился на 4,3%, это наихудший результат за 90 лет:

- спад втрое сильнее, чем в глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг.;
- рецессия во всех регионах мира, кроме Восточной Азии;
- самый тяжелый удар пришелся на экономики стран Южной Азии и Карибского бассейна

Огромный удар по занятости по всему миру:

- 2,7 млрд занятых (81% экономически активного населения) пострадали;
- безработица резко выросла во многих развитых и развивающихся странах

В 2021 году ожидается скромное восстановление МВП на 4,7%:

- с натяжкой позволит восстановить потерянный в 2020 году объем выпуска;
- восстановление будет очень неравномерным как по странам, так и внутри них;
- остаются объемы неопределенности и риски продолжения спада

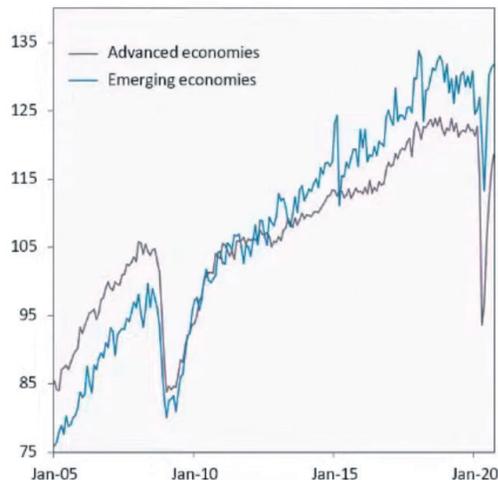
нию, под Новый год, здесь не заложена как таковая вторая волна локдаунов, которую мы уже наблюдаем в некоторых странах, и не заложено ухудшение ситуации с пандемией, которая является одним из возможных сценариев. И с учетом того, что этот сценарий не реализуется, восстановление мирового валового продукта едва-едва позволит покрыть потери 2020 года в течение 2021-го. И во многих странах, так как это восстановление будет очень неравномерным, с точки зрения экспертов ООН, пройдет еще несколько лет перед тем, как этот разрыв будет покрыт.

Если посмотреть на изменения в мировой торговле, то они были не столь огромными, как можно было бы ожидать, и соответствовали по глубине спаду 2008–2009 годов. Во многом это было связано с тем, что потребовалась структурная переориентация мировой торговли на производство медицинских товаров, лекарств и техники, возникли очень мощные новые источники спроса. И с другой стороны, это связано с тем, что удар, связанный с введением карантинных мер, во многом пришелся на экспорт услуг. В первую очередь экспорт туризма, который сократился примерно на 70% и привел к потерям в туристической отрасли около 1,1 триллиона долларов в 2020 году. К сожалению, одними из самых пострадавших стран оказались небольшие развивающиеся страны и государства, в частности многие страны Карибского бассейна, которые в значительной степени ориентировали свою экономику на туристический сектор. Но, конечно, и крупные экспортеры услуг туризма в Европе и на Ближнем Востоке тоже значительно пострадали, как пострадали и авиакомпании.

Мировая экономика висит над обрывом

Объем экспорта товаров

2010 = 100

Источник: UN DESA

Рост ВВП стран «большой двадцатки»

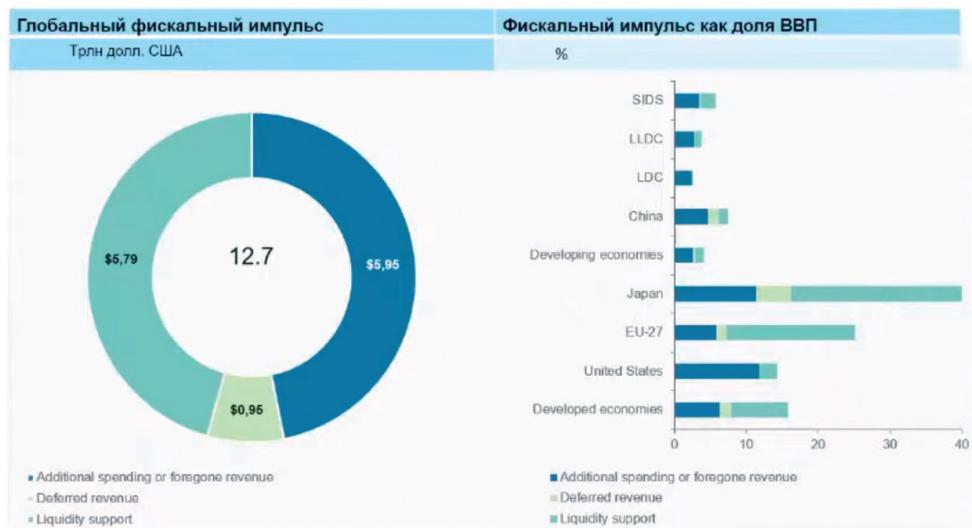

Источник: UN DESA

По прогнозу Организации Объединенных Наций на 2021 год многие страны даже в случае, если эти достаточно благоприятные предпосылки сохранятся, не восстановят уровень конца 2019 года, и восстановление продолжится и в 2022-м, а где-то и в 2023 году. Это связано как со структурными особенностями пандемического кризиса, так и с тем, что траектория развития этих стран получила достаточно серьезный и перманентный урон. Собственно, как выглядел этот урон, потому что стоит отметить, что далеко не все жители Земли проиграли от пандемии. Мы все, уважаемые коллеги, следили за динамикой фондовых индексов, мы все следили за отраслевой динамикой, и хорошо заметно, что в случае пандемии и карантинных мер неизбежен переход на удаленную работу, которая привела в первую очередь к тому, что в проигравших оказались низкооплачиваемые и низкоквалифицированные рабочие места среди людей с неполным, средним и полным средним образованием. Непропорционально были затронуты этим кризисом женщины. До 50% занятости в наиболее пострадавших секторах, в среднем даже значительно выше 50% в этих пострадавших секторах пострадали женщины. И в значительной степени пострадал малый бизнес. Что касается высокооплачиваемых мест для высококвалифицированных работников в крупных городах, здесь падение было не столь огромным, и, разумеется, экспорт ИКТ-услуг вырос очень значительно.

Каким образом была построена реакция государств на это? Здесь надо сказать, что правительства, особенно правительства развитых стран, имеющие доступ к резервным валютам своих центральных банков и значительному доверию финансовых рынков, не колебались. Совокупный объем стимулирования составил 12,7 триллиона долларов. В том числе, если я правильно помню, практически триллион или даже больше триллиона заложили в качестве обязательств многосторонние институты развития и международные финансовые организации. Если мы посмотрим на локализацию этого импульса, мы увидим, что Япония, Соединенные Штаты, из ЕЭС основная часть — это Германия — отвечают больше чем за половину совокупных расходов, если мы рассматриваем именно фискальный импульс. Надо понимать, что это беспрецедентное стимулирование тем не менее в значительной степени осталось внутри стран, и далеко не везде оно было конвертировано через динамику международной торговли в помощь развивающимся странам. И эксперты ООН справедливо отмечают, что это создало значительные вызовы в том числе и для 2021 года.

Беспрецедентные объемы стимулирования

Source: IMF Fiscal Policy Database in Response to COVID-19.
Available at <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/fiscal-policies-database-in-response-to-covid-19>.

Беспрецедентным, соответственно, оказался и рост госдолга. Общий объем госдолга увеличился более чем на 15% за 2020 год, или на 10 триллионов долларов. И эксперты ООН привлекают внимание к тому, что это очень серьезное заимствование у будущих поколений, которые были сконцентрированы в основном в развитых экономиках, профинансированные во многом программами привлечения ликвидности, и их долгосрочный эффект будет определяться траекторией будущего роста, которая вряд ли будет равномерной, потому что по сравнению с базовым прогнозом 2020 года, в котором за следующие десять лет предполагалось, что численность бедных сократится на 150 миллионов человек, по результатам 2020 года была скорректирована в сторону стабилизации на уровнях примерно на 50, может быть, больше, миллионов человек свыше прогноза, данного год назад. То есть предполагается, что в перспективе трех-четырех лет социальные меры и рост экономики сократят количество бедных в первую очередь за счет возобновления работы пострадавших секторов. Однако накопленная долговая нагрузка в значительной степени остановит государства от перераспределения ресурсов в сторону наиболее пострадавших слоев населения.

Какие рекомендации при этом эксперты ООН делают. Конечно, эти рекомендации носят рамочный характер, учитывая уникальную ситуацию для каждой страны — участницы Организации Объединенных Наций. Но, действительно, как сказал Дмитрий Рэмович, кризис выявил хрупкость мировой экономики. И, конечно, если мы посмотрим на показатели бедности и по ряду других показателей цели устойчивого развития, то поставлены под вопрос результаты, по крайней мере, полутора-двух десятилетий развития, а где-то и больше. Как правильно уже было сказано, риски здравоохранения и экономики связаны, они взаимно усиливаются, и здесь по-прежнему сохраняются значительные риски дальнейших волн пандемии, поскольку неясны возможности быстрого наращивания производственных мощностей и сетей вакцинирования. И впервые, правда, в докладе появляется такой огромный акцент на слово «устойчивость» не в смысле sustainability, а в смысле resilience, то есть в смысле прямой устойчивости к шокам. Понятно, что в дальнейшем это скорректирует в том числе и рекомендации для стран по развитию.

Первое, к чему они привлекают внимание, — это то, что восстановление — это не только метрика ВВП, но и социальная метрика, повторяющийся из года в год призыв экспертов не переходить к бюджетной экономии там, где это не требуется финансовыми рынками, потому что лучшим способом долговой устойчивости, с их точки зрения, и весьма

ВОССТАНОВЛЕНИЕ, УСТОЙЧИВОЕ К ШОКАМ

- **Кризис выявил хрупкость мировой экономики**
- **Поставлены под вопрос результаты десятилетий развития**
- **Риски здравоохранения, климата и экономики связаны и взаимоусиливаются**
- **Устойчивое развитие невозможно без устойчивости к шокам, и наоборот**
- **Восстановление, устойчивое к шокам, требует внимания не только к ВВП:**
 - избегать бюджетной экономии, повышать долговую устойчивость и предотвращать;
 - бороться с неравенством и усиливать социальную защиту;
 - приоритизировать климатическую и экологическую политику;
 - вернуться к модели многостороннего сотрудничества

разумно, в долгосрочной перспективе является устойчивый экономический рост. И конечно, привлекается внимание к образованию пузырей на финансовых рынках с учетом обстоятельств, которые мы наблюдаем в последние две недели, конечно, можно говорить о том, что ликвидность, созданная в течение 2020 года, в значительной степени не достигла реального сектора, на финансовых рынках она очень хорошо видна. И, конечно, приоритизировать климатическую и экологическую политику, вероятно, по моделям, предлагаемым рядом развитых стран во главе с Евросоюзом, и привлечь в дальнейшем модель многостороннего сотрудничества. Тоже достаточно рамочное предложение, которое встречалось и в предыдущих докладах.

Если вы позволите, в целях экономии времени я перейду к докладу о динамике экономик стран СНГ.

Траектория развития, которую содержит доклад ООН, подразумевает агрегирование в первую очередь по рыночному курсу, а не по паритетам покупательной способности. Если говорить о сокращении по паритету покупательной способности, в докладе ООН содержится справочно указание на сокращение на 4,4%, что, в принципе, соответствует общей тенденции и динамике пересмотра прогнозов международных организаций.

Что касается региона СНГ, здесь очень важным является разделение на страны, у которых была значительная фискальная подушка в том или ином виде. В первую очередь это экспортеры энергоносителей и страны, у которых такой подушки не было. Здесь, наверное, отдельным является случай Республики Беларусь, где практически не вводились никакие карантинные меры. Однако здесь тоже заметна разница между экспортерами и импортерами сырья. Тем не менее снижение мировых цен на сырьевые товары в начале второго квартала значительно повлияло на бюджеты государств СНГ, и с точки зрения перспектив, в первую очередь краткосрочных перспектив, не вполне ясно, до какой степени восстановление цен, которое сейчас наблюдается, может поддержать бюджеты государств в перспективе. Соответственно, все страны СНГ ввели достаточно крупные пакеты стимулирующих мер, напрямую противодействующих эпидемии Covid в каждой стране, направленных на поддержку здравоохранения, импорт соответствующих медицинских товаров и техники, и инвестиции в организацию производства на местах. В случае Российской Федерации речь также шла о разработке сразу нескольких видов вакцин от Covid.

Денежно-кредитная политика следовала в русле глобальных тенденций, и в значительной степени были снижены процентные ставки, смягчались резервные требования, и, помимо поддержки банковского сектора, в которой очень часто Центробанк косвенно являлся агентом программ правительства по поддержке стратегических предприятий и пострадавших отраслей, и малого бизнеса в целях введения мер по предотвращению увольнений. Они были введены сразу же в нескольких государствах СНГ. И, конечно, самые пострадавшие государства обратились за дополнительным финансированием или смещением графика финансирования по существующим кредитам. В 2021 году, вероятно всего, большинство стран СНГ и Грузия не восстановят в полном объеме уровни ВВП 2019 года. Исключения возможны в случае значительного роста цен на энергоносители. И, конечно, здесь надо отметить, что из-за высокой долларизации банковского сектора и сохранения геополитической напряженности восстановление будет дополнительно затруднено. И, несмотря на временное смещение бюджетного правила, в России ожидается сохранение бюджетного консерватизма и соответствующей траектории роста при очень-очень слабом фискальном импульсе.

Также надо заметить, и это, конечно, мировая тенденция, но в СНГ она проявится для стран со значительным риском погашения внешнего долга, возрастет запрос на снижение рисков погашения внешнего долга в том или ином виде. Эксперты ООН не отмечают достаточно хорошо известную проблему отсутствия института реструктуризации суверенной задолженности. Достаточно легко предположить, что в случае затруднений в погашении платежей по внешнему долгу такие вопросы снова будут подняты если не в 2021-м, то в 2022 году.

Большое спасибо за внимание, коллеги. Буду рад ответить на вопросы по докладу. Передаю слово Дмитрию Рэмовичу, который подробнее расскажет о ситуации в российской экономике, о ее перспективах.

Белоусов: Российская экономика столкнулась с целым набором шоков, в отличие от ряда других. Окончательные итоги года сейчас только подводятся. Вчера были объявлены данные Росстата о динамике ВВП. Первая значительная оценка — минус 3,1%. Если не смотреть по динамике основных отраслей, это агрегат экономической активности без учета финансового сектора и еще ряда операций с недвижимостью. И еще есть ряд отраслей, где большая доля или досчетов, или трудно интерпретируемых результатов, в основном реальный сектор наблюдаемых процессов.

Наша экономика в прошлом году столкнулась с несколькими шоками. Она уже находилась на траектории замедления, и довольно серьезного замедления, что было связано в основном с нефтяным фактором. В этот период закончилось действие в мире факторов, обуславливающих искусственно относительно благоприятную ситуацию на рынке нефти. Вскрылось на самом деле наличие его структурного избытка. Соответственно, у нас начались проблемы с ценами на нефть и с борьбой вокруг новых квот по добыче. Экономика начала сдерживаться, потом пошел первый импульс кризиса, это февраль, март, связанный отчасти с ценами на нефть, отчасти с прекращением поставок из Китая комплекующих.

Потом нас встретил локдаун, самый тяжелый период, одновременно с катастрофическим падением спроса и объема экспорта нефти — из этой ситуации мы начали постепенно выходить только в конце 2020 года. Причем мы сейчас вышли на самом деле на траекторию достаточно медленного, если не говорить об арифметике, падения, оно даст почти автоматически рост при выходе на стабильный уровень. То есть мы сейчас выходим почти в стагнацию, с очень умеренными темпами роста. Был период восстано-

ления, он занял в основном третий квартал, сейчас импульс роста достаточно слабый. Можно надеяться, что если удастся реализовывать нацпроекты и так далее, эта динамика ускорится, но пока она не очень приятная. Тяжелейший кризис пришел на рынок труда. Правда, здесь уже заметны признаки завершения этого кризиса — отчасти из-за оттока мигрантов, отчасти из-за восстановления экономики.

Сейчас наибольшим фактором сдерживания является экспорт энергоносителей. Остальные отрасли, насколько я понимаю, умеренно растут или стагнируют. В этих условиях при умеренном росте ВВП у нас восстановился спрос на труд и чуть лучше стала ситуация с занятостью. В конце года опять пошла коррекция, но все-таки ситуация, по крайней мере, перестала ухудшаться. Уровень безработицы достаточно высок, он соответствует периоду 2011–2012 годов. Мы в этом плане потеряли практически восемь лет. Но здесь надо надеяться, что по мере роста эта ситуация рассосется.

Со спросом на инвестиции у нас в прошлом году был довольно заметный провал. Как мы видим, минус 4,1%. Сейчас доминирует более слабый спад, обусловленный непониманием перспектив дальнейшего развития доли стагнации. По объему строительства скорее стагнация. 2021 год пройдет под знаком такого периода, когда проект не запустится, и это в основном история 2022 года с большими стройками, с включением частного бизнеса, соглашение о защите и привлечение инвестиций. Нам удалось, конечно, довольно много производств восстановить, создать в этот период. Фактически производство масок возросло в разы, создали значительное количество аппаратов вентиляции легких. Мы в этом плане продвинулись неплохо, но тем не менее перспектив роста на следующий период сегодня не просматривается. И здесь, конечно, история с медленным развертыванием в нацпроектах и история консолидации не слишком радует, прямо скажем.

Уровень потребления у населения сильно упал. Это прямые данные по обороту розничной торговли, а по объему платных услуг потребление упало и восстановилось, спрос на российские автомобили восстановился быстрее, чем спрос на автомобили более дорогих западных марок.

Примерно такую же динамику показывают данные Сбербанка о движении по карте, и здесь наблюдается оживление. Не отжался пока один крупный сектор экономики — платные услуги. Это отчасти связано с потерей доходов населения, отчасти, и даже в большей мере, это связано с ситуацией на рынке туризма: с малым объемом поездок,

малым объемом въездного туризма и так далее и тому подобное. Надо сказать, что при этом россияне не выезжали в другие страны и тратили деньги здесь, что в значительной мере удержало нас от обвала розничной торговли, ситуация могла бы быть значительно хуже, чем мы наблюдали.

Как известно, в плане инфляции у нас ситуация достаточно тяжелая. 5 февраля будут уточненные данные по инфляции за январь. Пока мы выходим на 5,4–5,5% год к году, январь к январю. Это, соответственно, очень много. Мы имеем отрицательные реальные процентные ставки. 4,25% — ставка Банка России. Снижаться она уже вряд ли будет. Но в этой ситуации главное, чтобы Банк России не начал гонку за инфляцией. Урожай в России, урожай хлеба, — нормальный, и по подсолнечнику, и по свекле. По свекле чуть пониже. Производство муки идет, в общем, за зерном, а хлеб — мы пока держимся. Это создает риски дальнейшего скачка и в целом задирания роста цен на хлеб. Примерно такая же ситуация с подсолнечником и с сахаром. Там были введены ограничения роста цен и, видимо, будут введены пошлины, чтобы смягчить эту динамику. Тем не менее разрыв есть, и надо полагать, что дальнейшая история с инфляцией пойдет еще и под знаком инфляции издержек. Хотя, скорее, здесь пойдет краткосрочное замедление. Мы, скорее всего, будем чуть выше 4% в этом году.

Что касается прогнозов по российской экономике на текущий момент. Одна фундаментальная развилка связана с возможной динамикой мировой экономики. Ключевой вопрос — закончится ли коронакризис, условно говоря, в первом полугодии этого года, или под его знаком пройдет весь этот, а может быть, и начало следующего года. Если коронакризис закрепится, то мы, скорее всего, получим еще один год нулевых темпов по миру, а то и спада, с соответствующими очень низкими ценами на нефть и, главное, с запуском механизма долгового кризиса в странах мира. Это неизбежно скажется и на нашей экономике, соответственно, на динамике инвестиций, на расходах бюджета, который в этой ситуации будет вынужден занимать привычную антикризисную стабилизационную позицию, и на динамике ВВП где-то порядка 1%. В принципе, мы можем по базовой траектории нарастить порядка 1,5–2% в среднесрочной перспективе — максимум возможного в случае, если достаточно бодро пойдет повышение мощностей и будут двигаться периоды границ потенциального роста. Тогда мы сможем в целом выжить на эти самые 2,5–3%, которые приближают к динамике мировой экономики.

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ.
КУДА ИДЕМ?

СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ

ЭПОХА БЕСПОРЯДКА. ЧТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ТВОРЧЕСТВО КАК ТОВАР. КАК РАЗВИВАЕТСЯ
КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

ПУТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. ПО КАКОМУ
ИЗ НИХ ПОЙДЕТ НАШЕ ОБЩЕСТВО? И ОТ ЧЕГО ЭТО
ЗАВИСИТ?

КАК ПОСТРОИТЬ ЭКОНОМИКУ НА ДОВЕРИИ?

БУДУЩЕЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ. КАК ЕЙ ПРОТИВОСТОЯТЬ?

О СЦЕНАРИЯХ СРЕДНЕСРОЧНОГО И ДОЛГОСРОЧНОГО
РАЗВИТИЯ

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. КУДА ИДЕМ?

СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ

Стратегия социально-экономического развития России должна опираться на пирамиду из федеральных, национальных проектов и целей, которые должны быть обеспечены конкурентными преимуществами и всеми видами ресурсов: финансовыми, материальными, трудовыми, инфраструктурными. Какой должна быть стратегия развития России? На какие ресурсы опираться и какие цели в ней должны быть самыми главными? Что мешает ее реализации?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 30.01.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Владимир Львович Квинт,
заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор

Сергей Вячеславович Калашников,
член Президиума Вольного экономического общества России, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, доктор экономических наук, профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Уважаемые коллеги, сегодня мы говорим о стратегии для России. Федеральный закон №172 «О стратегическом планировании» принят шесть лет назад, в июне 2014 года. Но Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации — один из центральных элементов системы планирования — до сих пор не принята. Майский указ 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определил национальные цели и основные направления прорыва. Но из-за пандемии от некоторых пришлось отказаться. И новым ориентиром стал указ президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июня 2020 года. Охватывает ли он все принципиально важные задачи и вызовы, стоящие перед государством по организации дальнейшего системного роста? Может быть, он лишь формулирует некое техническое задание для формирования полноценной стратегии? Владимир Львович, чем грозит экономическому развитию страны отсутствие общегосударственной стратегии?

Квинт: Да, у России уже долгое время нет интегральной стратегии социально-экономического развития. Есть несколько стратегических документов, порой бьющих и ориентированных на разные цели. Чем это грозит...

У любой страны мира, даже у самой богатой — и у США, и у Китая, и у любой другой, — ресурсы крайне ограниченные. Поэтому каждой стране нужно уметь выделить стратегические приоритеты, которые способствуют достижению главного ориентира — нового качества жизни людей, но одновременно только те стратегические приоритеты, которые, во-первых, обеспечены конкурентными преимуществами, и во-вторых, обеспечены по временной шкале всеми видами ресурсов: финансовыми, материальными, трудовыми, инфраструктурными. В противном случае без ресурсов — это в лучшем случае концепция или набор добрых пожеланий.

У нас темп экономического развития в среднем за последние 30 лет около 1%, а стратегические документы тихо, без фанфар, уходят в мусорную корзину истории, потому что выбираются отдельные ориентиры, не связанные в целом со стратегическим развитием. И эти ориентиры не обеспечены конкурентными преимуществами, не обоснованы.

Сегодня есть национальные цели. Под каждую цель должны были быть разработаны вначале национальные проекты, под которыми должны были находиться федеральные проекты. Но этот документ начали регулярно пересматривать, изменяются цели, в меньшей степени, к счастью, но меняются национальные проекты и число федеральных проектов, через которые якобы должны реализовываться национальные проекты, вот отсюда возникает неуверенность в том, что высшие социально-экономические ориентиры нашей страны будут достигнуты.

Бодрунов: В России принимается много разных стратегий. Далеко не везде они детально прорабатываются. Но что происходит с самой главной стратегией — стратегией социально-экономического развития России, которая должна стать отправной точкой нашего дальнейшего развития? Чего не хватает? Готовится ли такая программа и, вообще, почему этот вопрос стоит остро именно сейчас?

Калашников: Самый хороший вариант ответа на ваш вопрос — это анализ того, что произошло, начиная с 2014 года, после принятия закона о стратегическом планировании. Это хороший, правильный закон. Есть только несколько но в практике его реализации. Первое — закон

был отложен до 2018 года. Это было связано прежде всего с тем, что Минэкономразвития должен был подготовить порядка 150 методических рекомендаций и подзаконных актов, нормативных документов, которые обеспечивали его реализацию. И из этих документов практически ничего Минэкономразвития не было реализовано. Поэтому ответ заключается в том, что исполнительная власть принятые законы не выполняет, в том числе и задачи, которые ставит президент Российской Федерации.

Второе — субъекты столкнулись с тем, что с них требуют разработки своих стратегических планов. Что сделали большинство субъектов? Они наняли какие-то фирмы, которые практически для всех регионов начали готовить стратегические планы под копирку. Не случайно у 15, по крайней мере, как мне известно, субъектов Федерации в стратегических планах записано, что главная их промышленность, главная их направленность — это выпуск автобусов.

Квинт: И полуприцепов.

Калашиников: Да, и полуприцепов, совершенно верно.

Квинт: 50 регионов из 84 должны выпускать полуприцепы. Это абсурд.

Калашиников: Но это как раз показатель профанации исполнения данного конкретного закона.

Квинт: Согласен на 100%.

Калашиников: Анализ и в Совете Федерации, и в Госдуме показал, что первый блин комом, но понимание того, что это не совсем то, что надо, есть. Было предположение, что субъекты поправят свои стратегические планы и внесут в них коррективы. Но тут возникла подготовленная правительством концепция территориального размещения производительных сил. И оказалось, что она тоже никаким образом не стыкуется с тем, что наработали субъекты. Но она стала единственным государственным документом, на который можно было бы опираться всем, подстраиваясь под это.

Наступил 2020 год, ковид, очередное падение и так падающей экономики и осознание того, что те нацпроекты, которые должны были реализовать национальные цели, поставленные президентом в 2018 году, реализовать уже в 2020-м очевидно невозможно. И появляется новый документ, последний документ — это вот как раз ноябрь 2020 года — «О едином плане экономического развития Российской Федерации», где многие программы пересмат-

риваются. Но самое главное, что этот новый план практически совсем не увязан с законом о стратегическом планировании и теми наработками, которые были у субъектов, точно так же, как и с концепцией транспортного развития Российской Федерации. Что же получается: сколько у нас документов, один опровергает другой, и в любом случае они друг с другом не стыкуются!

Но самое главное не это. Дело в том, что сейчас, в соответствии с единым планом экономического развития, у нас произошло изменение, об этом сказал и президент, в сроках выполнения тех национальных программ, которые должны были реализовать цели, поставленные президентом в 2018 году. Они все отнесены на 2030 год. Ну, я думаю, всем очевидно, что планировать на десять лет вперед, мягко говоря, не очень обоснованно.

И у нас нет пошаговой программы, как достигать тех или иных целей. Я выступил, например, с инициативой, что, когда Государственная Дума, Совет Федерации утверждают бюджет на очередной год и еще на два года, на три года, по сути дела, мы должны отвечать на вопрос, что в результате этого бюджета, этих затрат получит страна? Вот Вольное экономическое общество уже в течение нескольких лет фиксирует те кардинальные изменения, которые происходят в мире в рамках научно-технического прогресса, в рамках изменений законов экономики. Предлагаются очень разумные, важные вещи, проводится аналитика. Но их никто не слышит. Оторванность нашей практики государственного управления от науки, на мой взгляд, — это определяющая беда нашей страны.

Бодрунов: Очень важное наблюдение! Я не скажу, что совершенно не прислушиваются к мнению экспертов Вольного экономического общества, все-таки мы много выступаем, доводим до органов государственного управления свою позицию. Но далеко не всегда и не все воплощается в практику, это истинный факт. И в этом плане действительно наблюдается некая оторванность, которую мы пытаемся преодолеть, предлагая на разных уровнях — региональных, федеральных, министерств, ведомств и так далее — мнения специалистов, которые имеют квалифицированное представление. Владимир Львович, вы занимаетесь не только теоретическим обоснованием стратегического управления. Но вы работаете и как стратег-практик. Скажите, в вашей практике есть примеры формирования комплексных стратегий для наших регионов, например, каких-то отраслей?

Квинт: Центр стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ совместно с кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ сдали работу, которая единогласным голосованием была принята парламентом Кузбасса в качестве регионального закона — Стратегии социально-экономического развития.

Мы наметили семь стратегических контуров, в которых сконцентрированы 39 стратегических приоритетов. Во главу угла поставили человека, во-вторых, безопасность Кузбасса, и в-третьих, диверсификацию экономики Кузбасса. Мы считаем, что угольная промышленность Кузбасса в экологических и в экономических целях должна быть переориентирована на производство жидкого топлива из угля, водорода из угля. И мы разработали соответствующие целевые программы внутри этой стратегии.

Бодрунов: Мне кажется, что, когда беремся за разработку стратегии развития страны, ваши указания, условно говоря, на то, что необходимо: а) с одной стороны, вовлечь ученых в разработку стратегии и прислушаться к их мнению, с другой стороны, у нас такие ученые в стране есть, и такие специалисты есть, которые могут серьезно заниматься разработкой стратегий. И мы это сегодня обозначили и в разговоре, и теоретическую основу объяснили, и на практике показали, какие сегодня могут быть варианты развития событий. Может быть, стоит как-то на уровне государственных органов управления создать единый какой-то центр на этой базе по разработке стратегии для России?

Калашников: Я возглавлял комиссию Совета Федерации по экономическому развитию. Один из главных рецептов, выводов, предложений, который мы направили в правительство, — это воссоздание в новом формате государственного комитета по науке и технике. Мы прекрасно понимаем, что на сегодняшний день система приоритетов научных исследований должна задаваться, с одной стороны, независимо от правительства, которое является исполнительным органом, а с другой стороны, это не должен быть абстрактно-теоретизированный, это должен быть определенный контроль за деятельностью правительства.

Бодрунов: В завершение нашей беседы хочу сказать, что с вашим мнением, Сергей Вячеславович, в общем-то, глубоко согласен. Но мне кажется, что сегодня в стратегии развития должно быть в качестве базы поставлено технологическое развитие, ориентированное на достижение социальных целей через экономическое развитие, а это развитие — через технологический прогресс, через новые технологии, через инновации. И мне кажется, что соединение в одном лице органа, который планирует, и органа, который сам себя контролирует, это порочная практика.

Напомню, уважаемые коллеги, в Вольном экономическом обществе когда-то одним из лидеров был академик Леонид Иванович Абалкин. И он настаивал, что одно из важнейших направлений экономической реформы — это разработка долгосрочной социально-экономической стратегии. И что именно она дает качественно новое видение, необходимое для формирования экономической политики и реализации этой политики. И то, что сейчас этот вопрос — формирование стратегии — снова ставится во главу угла, это очень важно. Но мы хотели бы еще, чтобы эта работа была сделана на серьезной научной основе и чтобы она имела под собой программу исполнения этих задач, которые будут прописаны в стратегии.

СОБЕСЕДНИКИ

Александр Александрович Дынкин,
вице-президент Вольного экономического общества
России, президент Национального исследовательского
института мировой экономики и международных
отношений имени Е. М. Примакова РАН, академик
Российской академии наук

Михаил Юрьевич Головнин,
первый заместитель директора Института экономики
РАН, член-корреспондент РАН

Александр Александрович Широв,
директор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук

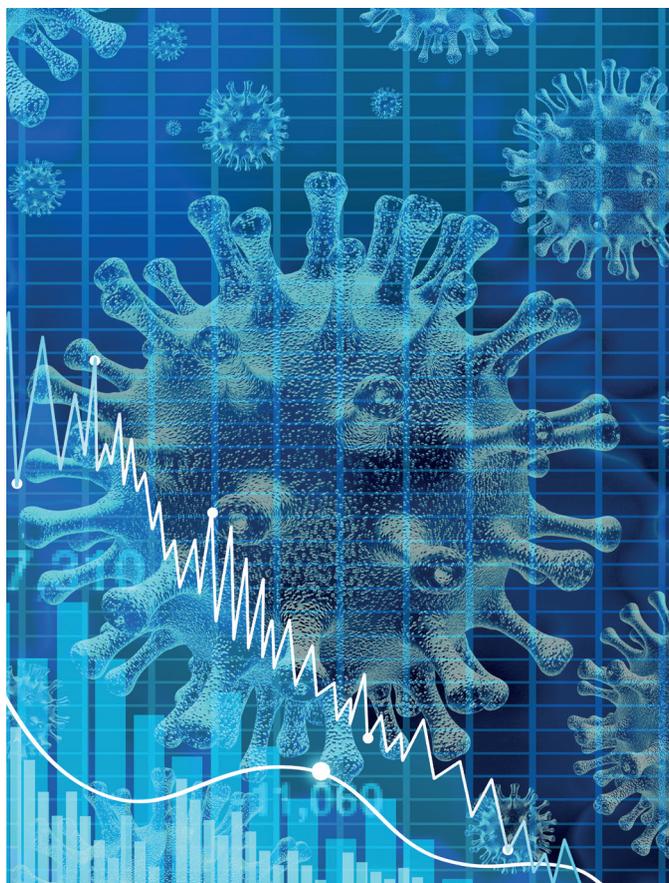

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

ЭПОХА БЕСПОРЯДКА. ЧТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ряд экспертов сегодня предсказывают конец эпохи глобализации в результате того воздействия на мировую экономику и социальную сферу, которое принесла с собой пандемия коронавируса. Какие тренды способны прийти на смену глобализации? Способны ли ценности поколения миллениалов повернуть развитие общества в другую сторону? Насколько оправданы прогнозы экспертов?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 17.10.2020 года

Бодрунов: Deutsche Bank недавно предсказал конец эпохи глобализации. На смену ей, уверены немецкие аналитики, придет тот самый век беспорядка, эпоха беспорядка, и главным мотивом станет холодная война, как они обозначают, между США и Китаем. Стоит ли нам всерьез огнестись к прогнозу наших немецких коллег?

Дынкин: При всем уважении к пяти экспертам Deutsche Bank, их оценки не являются предметом нетерпеливого ожидания профессиональных прогнозистов. Гораздо больше внимания привлекают, скажем, прогнозы Мирового банка, прогнозы RAND Corporation, прогнозы Национального совета по разведке США, так называемые «Глобальные тренды». Есть такие известные «Желтые тетради» Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук. Есть прогнозы индийской организации OR Foundation (Observer Research Foundation). Поэтому Deutsche Bank...

Я посмотрел этот прогноз — там больших открытий нет. Идея о том, что будет беспорядок, — ну, это как бы уже довольно отыгранная тема. Если говорить о глобализации, об этом тоже уже много написано. Действительно, та глобализация, которую мы знали до пандемии, будет сокращаться. Какие-то стратегические вещи, особенно связанные со здравоохранением, будут концентрироваться на национальных территориях или в тех странах, которые несут большие страновые риски. Поэтому очевидно, что глобализация останется в сфере информационных технологий, хотя и тут тоже есть попытки создать свои системы. Так что с этой точки зрения я больших открытий в прогнозе Deutsche Bank не увидел.

Они обратили внимание на поколение миллениалов, действительно, это новое поколение, которое несет с собой новые ценности. Если их сравнивать, скажем, с послевоенным поколением бэби-бумеров, они значительно отличаются. Например, образование для миллениалов, а особенно для их детей, резко подорожало, и в этом, конечно, будут проблемы.

Еще один пример. В 2008 году примерно 36% людей в возрасте от 20 до 29 лет жили со своими родителями. Сегодня таких уже 51%. То есть домашние хозяйства в Соединенных Штатах сегодня озабочены не максимизацией дохода, а минимизацией расходов, и это очень важно, как вы понимаете, изменение в жизни общества.

Бодрунов: Одна из основных тенденций, уловленная этими аналитиками, — это усиление экономического противостояния между США и Китаем, связанное с усилением экономического веса Пекина. Сможет ли Китай перехватить лидерство у США?

Дынкин: Очевидно, что к 2030 году эти две страны сравняются по размеру ВВП, измеренному в текущих ценах. Но если брать ВВП на душу населения, то в обозримой перспективе (скажем, в горизонте 20 лет), если в Соединенных Штатах не произойдет какого-то чудовищного кризиса, у Китая нет шансов догнать США по этому показателю. Конечно, сегодня основной проблемой для американской элиты являются очень бурные темпы развития высоких технологий в Китае. Американцев категорически не устраивает потенциальное лидерство Китая в этой области.

Можно ли ожидать каких-то изменений? Байден очень хорошо знаком с председателем Си, он восемь раз с ним встречался, они в общей сложности провели вместе 25 часов переговоров, они прекрасно друг друга знают, и я думаю, что стратегия Байдена будет заключаться в кон-

фронтации без катастрофы. То есть будет стремление не переступить красные линии, которые понятны и для Пекина, и для Вашингтона.

Ну и еще фактор, конечно, что Китай — это огромный рынок, и многие американские корпорации не готовы его терять.

Бодрунов: Китай — это огромный рынок для США. США — это огромный рынок и для Китая. Есть риски здесь для нас, для России, и, в общем-то, для мира?

Дынкин: Конечно, риски есть. Я считаю, что для России гораздо удобнее полицентричный мир, а не мир биполярный, потому что в биполярном мире нам придется занимать сторону Китая — и здесь содержатся определенные риски для нашего суверенитета. А когда мир полицентричен, каждая страна играет за себя, понимаете? В биполярном мире очень важна для России роль еще одного нашего стратегического союзника и партнера — это роль Индии.

Бодрунов: Действительно, биполярность — это сложная ситуация. Но, с другой стороны, наблюдается и тенденция к какой-то хаотизации, я бы сказал, экономических процессов. Еще один фактор риска — нарастание долга, впервые задолженность мировой экономики превысила 100% годового ВВП. Этот фактор, вы полагаете, тоже важный?

Дынкин: Безусловно, и те неконвенциональные меры борьбы с последствиями карантина, когда фактически все проблемы заливались деньгами, привели к росту задолженности. Эти антикризисные меры в Европе фактически повторили то, что раньше было иконой макроэкономического регулирования — Маастрихтские соглашения.

Бодрунов: Фактически — да.

Дынкин: Американцы к этому более либерально относятся. У них уже огромный государственный долг, но поскольку доллар остается основной мировой валютой, американцы могут разгонять этот дефицит, потому что он финансируется за счет министерства финансов.

Бодрунов: Я думаю, что проблема мировой задолженности действительно очень важная. Как вы считаете, Михаил Юрьевич?

Головин: Проблема глобального долга, на мой взгляд, сейчас распадается на две проблемы.

Первая — это долг беднейших стран. Из-за относительно благоприятных условий, которые были до сих пор на мировых рынках капитала, им удалось нарастить довольно большой объем государственного долга, который держат частные инвесторы. Проблема в том, что государства, которые держат долг других государств, готовы пойти на приостановку платежей, а вот частные инвесторы не очень готовы.

Но на самом деле есть более серьезная с точки зрения глобальной экономики проблема. Это долги развитых стран. Если мы посмотрим на период, прошедший с глобального экономического и финансового кризиса, тогда весь глобальный долг составлял где-то 207% от мирового ВВП. В 2016 году — 237%, и почти весь прирост — это прирост государственного долга. Сейчас, но уже это несколько другие оценки Института международных финансов, это 322% ВВП в 2019 году. И пока сейчас низкие ставки процентов, стоимость обслуживания этих долгов минимальна, и кроме того, мы видим, в общем-то, существенные бюджетные стимулы во время пандемии коронавируса. А как только ситуация начнет нормализовываться, то, естественно, скорее всего встанет вопрос о повышении процентных ставок и встанет вопрос о росте обслуживания долга, который сам по себе уже накоплен будет серьезный.

Бодрунов: Люди, которые голосовали против Трампа, Brexit, к 2030 году станут избирателями. Как это может повлиять на вектор политической жизни? Какие проблемы будут волновать это поколение больше всего и как это отразится на мировой политике, мировой экономике?

Дынкин: То поколение, о котором вы говорите, во-первых, выдвинет своих представителей в лидеры обеих американских партий, это очевидно. Появятся политические лидеры из поколения миллениалов. И, конечно, эти люди будут играть свою роль в формировании нового общественного договора, который сегодня себя уже исчерпал и уходит со сцены. Они будут обращать внимание, мне кажется, на качество жизни. Они будут обращать внимание на нематериальные блага, нематериальные аспекты в виде образования, в виде климата. Может быть, с точки зрения потребления это больше будет так называемое потребление развлечений, связанное с искусством, спортом.

Бодрунов: Очень важный вопрос на самом деле — это представление нового поколения людей, которые идут уже после нашего с вами поколения. Сегодняшняя молодежь, которая будет завтра голосовать, которая будет решать глобальные проблемы, они больше думают о таких вещах, как комфортная среда, сохранение климата. Их это беспокоит. Я могу сказать, что, наверное, эти тенденции уже улавливаются сегодняшними политиками. В частности, ожидается, что европейским законом о климате, который должен быть принят в 2021 году, может быть введен даже трансграничный углеродный налог. Чем такой налог грозит России?

Широв: Для нас введение трансграничного углеродного налога — это в некотором смысле потеря, которую понесут прежде всего наши крупные экспортеры, примерно текущий уровень потерь оценивается как сумма порядка 4 миллиардов евро в год. С одной стороны, вроде бы на фоне объемов нашего экспорта это сумма не такая уж и большая. С другой стороны, нужно понимать, что это очередной метод снижения конкурентоспособности наших товаров на внешних рынках. А для европейцев это, безусловно, очередной метод нетарифных ограничений, которые накладывают на тех, кто с ними торгует и кто с ними конкурирует.

Бодрунов: Александр Александрович, а могут ли климатические изменения стать катализатором нового мирового кризиса?

Дынкин: Надо смотреть на эту проблему шире, потому что тот экономический кризис, в котором сегодня находится мировая экономика, он, как говорят экономисты, экстернальный. Он привнесен не финансовыми, не экономическими факторами, он пришел от пандемии. И я думаю, что этот тип экономических кризисов далеко не последний. Мы можем ожидать новых пандемий, мы можем ожидать климатических угроз, мы можем ожидать угроз для мировой экономики от региональных конфликтов.

Если говорить о климате, то моя точка зрения заключается в том, что эта угроза была, может быть, даже искусственно переразмерена. Я вам приведу такой пример. На Давосском форуме 26 января этого года был презентован ежегодный доклад «Глобальные риски — 2020. Непokoйный мир». Название, близкое к прогнозу Deutsche Bank. И вот пять рисков, которые увидели эксперты Давосского форума. Это экстремальные погодные явления, неудачи в борьбе с изменениями климата, природные стихийные катастрофы, природные бедствия, вызванные человеком. То есть пять первых рисков связаны с климатом.

Я напомним, что нулевой пациент, как говорят, в Ухане был диагностирован 1 декабря 2019 года. Китайцы придержали эту информацию. Они проинформировали Всемирную организацию здравоохранения только 31 декабря, под Новый год, и они объявили карантин 23 января, когда в принудительном порядке 60 миллионов человек жителей провинции оказались в условиях жесткого карантина. В этот же день Москва объявила достаточно жесткое закрытие границы с Китаем. И 26 января, когда эти события уже все состоялись, когда «черный лебедь» covid уже парил над Давосом, нет ни слова об угрозе пандемии. Это такая, с моей точки зрения, вопиющая или намеренная ошибка ряда прогнозистов, и никто этого пока не признает, и все надеются на то, что падение спроса на ископаемое топливо, которое связано с covid, будет навсегда, и что мы уже прошли пик потребления нефти. Здесь что-то не в порядке, с моей точки зрения.

Бодрунов: Да, действительно, разные аналитики говорят о разных вещах, и в том числе аналитики Давосского форума не замечают некоторые важные тренды. Некоторые перестраховываются и уделяют внимание вещам, которые оказываются на поверку не самыми первостепенными. Все это действительно присутствует. Те же немецкие аналитики написали так, завершая свой доклад: «В будущем мы увидим больше кризисов, больше беспорядка и еще больше печати денег центробанками». В чем-то они, наверное, правы. Называть ли это беспорядком или называть это каким-то новым порядком, новой ситуацией — это решать экспертам. Но тем не менее эпоха изменений наступает. Мы будем наблюдать за этими явлениями, анализировать их, как это делалось у нас в традициях Вольного экономического общества.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. КУДА ИДЕМ?

ТВОРЧЕСТВО КАК ТОВАР. КАК РАЗВИВАЕТСЯ КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

Творческая деятельность человека имеет прямое отношение к экономике. В последнее время результаты творческого труда становятся все более востребованными обществом. Где экономика, а где творчество? Является ли творческий продукт товаром и как развивается креативная экономика в России?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 07.11.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Виталий Анатольевич Куренной,
руководитель Школы культурологии
Высшей школы экономики*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Мировой креативный сектор растет даже во время кризисов, люди занимаются в свое освободившееся время, во время пандемии в частности, вещами, больше связанными с творчеством. Это мировой тренд — высвобождение рабочего времени, уменьшение рабочей нагрузки приводит к тому, что люди больше занимаются творчеством.

В самих профессиях, в компетенциях становится все больше и больше творческой компоненты. Это тоже мировой тренд. Но пандемия все это выразила наиболее ярко, и сегодня мы видим, что есть и потребители креативных индустрий, есть и производители, которые в этом плане выигрывают даже во время кризиса. Например, на фоне карантина, когда акции нефтяных компаний падали, у стриминговых сервисов, наоборот, взлетали. Продажи видеоигр выросли в среднем на 63% в 50 крупнейших экономиках мира.

Как развивается креативная экономика у нас в стране? Что мешает России конкурировать с лидерами в этом секторе? Почему креативная индустрия больше развита в других странах, более продвинутых в технологическом отношении? Почему это так?

Куренной: Прежде чем сказать о России, я все-таки внесу некоторую ясность в понятия. С одной стороны, креативность — это составной элемент любой экономики. И особенно приятно в контексте передач Вольного экономического общества напомнить, что вообще вся современная экономика основана, как сказал Йозеф Шумпетер, на креативном разрушении. Любая инновация, которая движет экономику, — это всегда креативность. Почему в России с креативностью плохо? Ну потому, что, наверное, вообще с предпринимательством и инновациями не очень хорошо. Это первый момент.

Второй момент заключается в том, что мы видим сегодня, что верхние строчки зарабатывающих компаний в экономике мира занимают уже не сырьевые, не машиностроительные, а такие компании, как Amazon, такие как Facebook, то есть те, которые уже относятся к креативным индустриям в узком смысле слова. Современная экономика становится все менее завязанной на материальные активы, на финансовые активы — и все больше становится завязанной на знание, на креативность, на творчество. И в этом смысле фронтир мировой экономики находится там, где находятся креативные индустрии.

Но существует и более узкое понятие креативных индустрий. Оно оформилось в конце девяностых годов в Великобритании, когда был выделен определенный перечень этих индустрий, и, собственно говоря, британское правительство проводило и проводит целенаправленную политику их развития. На них была сделана ставка именно в связи с тем, что этот сектор растет лучше, быстрее и занимает все большую и большую долю в мировой экономике. Это медиа, это промышленный дизайн, это мода, это рынок рекламы, это IT-технологии, прежде всего компьютерные игры. Но это также и традиционные культурные индустрии. Музеи, галереи; туда же относятся и библиотеки.

Тут встречаются две тенденции. Во-первых, в какой-то момент в рамках сектора культурной политики культура стала рассматриваться не просто как нечто связанное со служением высоким музам и идеалам, а как нечто такое, что может зарабатывать. И, понятно, зарабатывает она прежде всего в современном мире на авторском праве. Если мы посмотрим на успешные примеры креативных индустрий в узком смысле в России, то это, например, знаменитый мультфильм «Маша и Медведь». Сегодня, на самом деле, по продажам своей интеллектуальной собственности, то есть своих образов, он уже опережает таких гигантов, как Volkswagen.

Музей сам напрямую не зарабатывает, но, например, Эрмитаж в Санкт-Петербурге — это уже фактически градообразующее предприятие, потому что ради него туда устремляется огромный поток туристов, который уже генерирует свою экономику. И растет понимание того, что то, что связано с традиционным сектором культуры, — это чрезвычайно важно.

Второй момент связан с тем, что мы действительно благодаря технологическому обновлению живем сейчас в ситуации чрезвычайной турбулентности, связанной с тем, что огромное число профессий, прежде устойчивых и даже династических, судя по всему, будет исчезать благодаря новым технологиям, компьютеризации, новому витку роботизации производства. И если говорить в философских категориях, то где место человеку в этом мире — в мире, где все рутинные операции смогут взять на себя машины и технологии?

Такой сегмент есть, и ни одна машина человека не заменит в том, что касается креативности, в том, что касается творчества. Определенные профессии неизбежно будут исчезать, и будет нарастать спрос именно на креативность. Я не хочу здесь заниматься утопизмом. Конечно, при этом сохраняется ряд профессий, которые занимают самый нижний сектор, сферу услуг, что мы, кстати, и видели в пандемию, потому что, несмотря на все разговоры про дронов, все-таки живых разносчиков пиццы использовать дешевле. Но при этом выяснилось, что самые счастливые люди — это люди, которые в этой креативной экономике и живут. Люди, у которых были отложенные творческие задачи, люди, которые смогли использовать эту, казалось бы, экстремальную ситуацию с пандемией для их решения.

Бодрунов: Вы заметили, что творчество становится все более и более востребованным не только в экономике, а вообще в нашей жизни. Но технологический прогресс, высвобождающий человека, приводит и к тому, что появляется поколение людей, которые ничем не заняты, не знают, чем заниматься? Возникает пессимизм: а что же будет дальше?

То, что вы говорите, как раз настраивает на оптимизм, потому что на самом деле высвобождение от трудовых будней приводит к тому, что человек попадает в ту нишу, которая для него наиболее, на мой взгляд, органична.

Человек создан как творец, по образу и подобию Божию, да? Значит, он создан для того, чтобы творить, а не для того, чтобы создавать какой-то продукт, в поте лица добывать хлеб насущный. Сегодняшняя жизнь постепенно с развитием технологического прогресса приводит нас к тому, что многие функции передаются роботам, техническим устройствам. Эти вещи тоже необходимо кому-то сотворить, кому-то создать. И поэтому промышленный дизайн, инженерный дизайн, конструкторская деятельность — это все тоже огромный креатив. Я бы их тоже отнес к креативным индустриям.

Но тем не менее мы часто наблюдаем, что креативные решения, креативные индустрии приходят к нам больше откуда-то из других стран. Что сдерживает их у нас? Какие нужны меры поддержки? Ведь мы с вами понимаем, и все понимают, что в этом будущее. Почему мы не идем туда?

Куренной: Сейчас мы как раз находимся в такой фазе, что эта тема действительно выходит на государственный уровень.

Только что в Москве мои коллеги из Высшей школы экономики закончили большое исследование по московским креативным индустриям. Оказывается, в традиционном промышленном секторе в Москве трудятся примерно 600 тысяч человек, а в креативном — уже 500. У нас уже возник целый ряд крупных креативных кластеров в Москве: Artplay, «Винзавод»... Видя эту картину, я думаю, московское правительство примет определенный ряд мер для того, чтобы стимулировать этот сектор, потому что он ведет себя лучше, чем сектора традиционной экономики.

Такой же интерес мы видим и в других регионах. В Ханты-Мансийском округе, например, принята соответствующая программа. Есть подобное на уровне отдельных городов.

Я очень оптимистически смотрю на нашу страну с точки зрения ее креативного потенциала, например, в части предприятий народных художественных промыслов.

**ВКЛАД КРЕАТИВНОГО
СЕКТОРА В ЭКОНОМИКУ
РАЗВИТЫХ СТРАН
СОСТАВЛЯЕТ**

**ОТ 8 ДО
12% ВВП**

**РЫНОК ТВОРЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИКИ В РОССИИ
ПОКА НЕ ПРЕВЫШАЕТ**

3%

**ТЕМ НЕ МЕНЕЕ
В ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ
ГОДА РОССИЙСКИЙ
КРЕАТИВНЫЙ СЕКТОР
РАСТЕТ, И, ПО ОЦЕНКАМ
ЦЕНТРА СТРАТЕГИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК, К 2024 ГОДУ
ЕГО ДОЛЯ МОЖЕТ
ДОСТИГНУТЬ**

**8,5%
ОТ ВВП**

Бодрунов: Действительно, у нас есть хорошие примеры. У меня есть данные по итогам 2018 года: российские фильмы в международном прокате по данным «Роскино» собрали 41 миллион долларов. 14 миллионов из них принес мультфильм «Снежная королева – 3» — «Огонь и лед». Лучше всего смотрели его в Китае, там местная касса составила 11 миллионов долларов. Казалось бы, ну что это такое? Сделали мультфильм. Но тем не менее видите, какие приличные деньги он принес. Попробуйте заработать 11 миллионов долларов в традиционных секторах промышленности и продать традиционный продукт в тот же самый Китай.

IT-сектор в России на данный момент является одной из наиболее развитых инновационных отраслей экономики. По оценкам специалистов, экспорт программного обеспечения из России ежегодно растет. Если в 2017 году он составлял порядка 8,8 миллиарда долларов, то в 2019 году — уже более 11,2 миллиарда долларов. Среди самых известных русских продуктов — антивирусы «Лаборатории Касперского», лингвистические программы от компании АBBYY и многие видеоигры, среди которых нельзя не упомянуть «Тетрис», одну из самых популярных компьютерных игр в мировой истории, которая была изобретена советским программистом Алексеем Пажитновым в 1984 году.

Бодрунов: Наличие креативных индустрий тесно связано с кадрами, завязано на так называемый креативный класс. А что нам нужно в России, для того чтобы такой креативный класс не только формировался как некая отдельная страна, а чтобы он широко развивался?

Куренной: Креативный класс — это люди, которые предъявляют особый запрос на те места, где они готовы пребывать. Поэтому важный инструмент развития креативной экономики — это создание пространств для креативного класса. Но не только в узком смысле креативных кластеров. Речь идет об определенной атмосфере в обществе, прежде всего — атмосфере очень высокой толерантности, культурного разнообразия. Потому что творчество питается культурным разнообразием. Если мы видим нетолерантную, в том смысле, что как бы недружественную к разнообразию среду, это очень плохо сказывается на креативном классе.

Бодрунов: Недавно в Вольном экономическом обществе была презентация мирового доклада ЮНКТАД. Это конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. В этом докладе было много идей, связанных с креативом. И глава программы ЮНКТАД по креативной экономике Мариса Хендерсон отметила такую фразу: «Ходовым товаром становятся идеи, воображение и творчество».

У нашей страны на самом деле огромный потенциал. И это не самая затратная экономика, если ее правильно выстраивать. Мы все говорим о том, что нам надо уходить от сырьевой экономики. А куда? Может быть, через 20–30 лет в структуре экономики главное место займут как раз креативные индустрии? Если не самое главное, то весьма и весьма значимое.

ПУТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. ПО КАКОМУ ИЗ НИХ ПОЙДЕТ НАШЕ ОБЩЕСТВО? И ОТ ЧЕГО ЭТО ЗАВИСИТ?

Поиски путей развития общества, нашей цивилизации — это задача не только экономическая, но и философская. Каким путем мы пойдем, зависит как от экономической политики, так и от более абстрактных материй. Как могут повлиять национальные черты на уровень коррупции, на состояние нации, на удовлетворенность жизнью, на ее продолжительность? Каково философское осмысление вызовов, которые бросает нам сегодняшнее общество?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 26.12.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Андрей Вадимович Смирнов,
директор Института философии
Российской академии наук, академик-секретарь
отделения общественных наук Российской академии наук,
академик РАН, доктор философских наук*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Поиски путей развития общества, нашей цивилизации — это задача не только экономическая, но и философская. Каким путем мы пойдём, зависит как от экономической политики, так и от более абстрактных материй. Нельзя сбрасывать со счетов, например, национальный характер, к примеру, общие, присущие всем нам россиянам черты могут повлиять на уровень коррупции в стране, благосостояние нации, удовлетворенность жизнью, даже на ее продолжительность. Необходимо, я бы сказал, философское осмысление нашего бытия и трендов развития нашего общества.

Какие существуют вызовы времени и фундаментальные проблемы развития современного российского общества и экономики? Может ли философия подсказать ответы вот на эти вопросы?

Смирнов: Самый главный вызов связан с кризисом национального самосознания. Мы не имеем общепризнанного ответа на вопрос о том, зачем мы и почему мы?

Кто такие мы? Что делает нас нами? Что нас собирает? Что нас собирает в то, что мы называем россияне или, там, русские, неважно? Что нас собирает в Россию? Какова судьба нашей страны? Что у нас позади? Что у нас впереди? Для чего Россия на карте мира?

Если мерить экономическими мерками, то Россия не такая уж значимая величина. Если Россия вдруг исчезнет, что, мир куда-то провалится? Нет. Значит, что оправдывает наше существование? Что оправдывает нас как «мы», понимаете?

Мы пережили 91 год. И прошедшие 30 лет мы жили тем, что мы все время реагировали на те или иные вызовы. И сейчас этот процесс дошел до такой точки, когда мы сетуем на двойные критерии, двойные стандарты.

Как же это произошло? Произошло очень просто — у нас нет собственного проекта, который бы всем нам говорил, куда мы идем. Вот в чем заключается, с моей точки зрения, кризис общественного сознания и самосознания.

Мы не понимаем себя, мы не понимаем, кто мы. Мы не понимаем, что нас держит вместе. И если говорить о нашем прошлом, о нашем настоящем, посмотрите, несколько лет назад было 100-летие революции 17 года. И как оно было у нас отмечено на уровне страны? Стыдливо отвернулись. Стыдливо отвернулись, как бы замолчав это. Вот это, по-моему, самый яркий показатель кризиса сознания, когда мы не можем осознать значение этого события, не можем вписать его в свою историю.

Бодрунов: А есть ли запрос со стороны общества, со стороны власти на вот такое философское осмысление нашего прошлого, нашего настоящего, будущего?

Смирнов: Я уверен, что запрос есть. Но я бы разделил объективный запрос и субъективный. Объективный запрос не всегда осознается, к сожалению, и обществом, и теми людьми, которые говорят от имени общества. Совсем недавно министр иностранных дел сказал: мы больше не будем оценивать себя оценками, которые выдает ЕС. Выходит, что мы себя оценивали не только по чужим критериям, но и по этим критериям другие оценивали нас, а не мы сами себя!

Много говорят о мягкой силе. Обычно под ней понимают привлекательность, американский образ жизни, красивые картинки, джинсы, жвачка, пепси-кола, еще что-то. Это тоже мягкая сила. Но мягкая сила прежде всего не это.

Мягкая сила — это способность навязать другому свою повестку дня так, что другой будет ее считать своей, и навязать другому свой язык — вот что такое мягкая сила на самом деле. И в этом смысле мы полностью проигрываем. Потому что повестка дня наших рассуждений о самих себе и критерии оценки — все это нами заимствовано, не просто заимствовано, а с радостью заимствовано.

Притом что в нашем собственном философском наследии и в мыслительном наследии еще с 19-го века у нас есть ресурсы, которые мы могли бы сегодня использовать. Есть категория «всечеловеческое» — в ее проработке Данилевским. Если развернуть эту теорию, то будет понятно, что это та категория, вокруг которой может быть выстроено очень много в осмыслении нашей истории, нашего отношения к миру, нашего отношения к жизни.

Если говорить о философских категориях, то я назвал бы категорию всесубъектности, которая предполагает неутрачиваемость никакого из субъектов. Вспомните знаменитые тексты Достоевского о слезинке ребенка. Почему нельзя построить всемирное счастье на слезинке ребенка? Это совершенно нормально с точки зрения сегодняшних западных этических теорий. Более того, это не просто нормально, а это предпочитаемый образ действий.

Мы забываем собственные модели мышления. Почему нас можно обвинить вообще во всем, ничего не доказывая? Потому что мы не подходим под критерий общечеловеческого, вот и все. И сколько мы ни доказываем, наша позиция внешнеполитическая всегда позиция защищающегося и оправдывающегося.

Бодрунов: Это очень важный вопрос — выстроить дальнейшую парадигму жизни российского общества, его развития. Нам нужны наши собственные оценки. Мы не можем жить по правилам, которые устанавливают те игроки, которые играют в эту игру, в том числе и в идеологической сфере, сфере духовного, ментального развития общества.

Менталитет каждой страны имеет отношение к устройству и социальных институтов в том числе. А у нас особенности российских социальных институтов вытекают из нашего менталитета? Может быть, есть некая общая ментальность в нашего населения, у наших людей?

Смирнов: Нужна русская идея, и она есть. Это идея невозможности построить вселенское счастье на слезинке ребенка — вот она.

Что значит быть русским?

Быть русским значит быть чеченцем в каком-то смысле, да. Быть русским значит быть татариним и так далее. Это не утверждение каких-то общих демократических процедур, которые нивелируют все культурные корни, как, скажем, в Соединенных Штатах или в Европе.

Если идти по пути общечеловеческого, когда что-то одно должно быть взято за общий шаблон, — это европейский путь, но пригоден ли он для нас? Можем ли мы в это встроиться? Похоже, что нет. И наша история показывает, что не получается. Почему не получается? Да потому что мы сами устроены по-другому! Мы должны идти по пути всечеловеческого — вот где наш менталитет.

Сострадание к преступникам, откуда оно? Полюби меня черненкого, беленького всякий полюбит. Почему черненкого-то надо полюбить? Это якобы загадочная русская душа. Она на самом деле легко разгадывается, как мне кажется, ее можно обозначить всего лишь одной философской категорией — это стремление к неутрачиваемости каждого, неважно, белый ты, черный, не в смысле цвета кожи, а в смысле хорошеи и плохости. Все неутрачиваемые, все наши.

И эта идея, я думаю, сейчас на международной арене как никогда более востребована. Понимаете, все, что происходит с середины 90-х в Югославии, Ливии, Сирии, Ираке, — это просто разбой, но проходит под аплодисменты всего мира. А почему? Потому что нет языка, на котором можно было бы сказать: ребята, вы, вообще говоря, варвары с вашим навязыванием общечеловеческого всему миру. А кто такие не варвары? А не варвары те, кто способен выстроить всечеловеческое. Но тогда, если мы это хотим заявить, мы в России, мы должны сначала у себя это так устроить. Вот тогда мы будем иметь право сказать: вы знаете, вот у нас есть своя система ценностей.

Бодрунов: Это очень глубокие наблюдения, и, на мой взгляд, они заставляют очень серьезно подумать над тем, куда мы идем. Если говорить о России в целом, как о стране, то, мне кажется, в этом может быть ее высокая миссия — отвечать на этот вопрос: для чего мы живем?

Может быть, я не считаю, наверное, неправильным не оценивать опыт других, может быть, важно — учитывать другие точки зрения. Это входит в нашу концептуальную платформу, о которой вы говорите, всечеловечности и всеосознания всех людей. Я думаю, просто убежден, что взгляд на эти проблемы с философских высот, наверное, может существенно улучшить качество разрешения наших проблем, найти какие-то прорывные оптимальные решения в приоритетных направлениях нашего экономического, я бы сказал шире, цивилизационного развития.

ПУТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. ПО КАКОМУ ИЗ НИХ ПОЙДЕТ НАШЕ ОБЩЕСТВО? И ОТ ЧЕГО ЭТО ЗАВИСИТ?

PATHS OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT: WHICH ONE WILL OUR SOCIETY FOLLOW AND WHAT ARE INFLUENCING FACTORS?

Seeking paths of the society and civilization's development is a task that is both economic and philosophical. The way we will choose depends on the economic policy as well as more abstract aspects. How can national traits affect the level of corruption, the state of the nation, citizens' satisfaction with life, and its expectancy? What is the philosophical understanding of challenges in the modern society?

Based on the DOM E program on the OTR television channel, March 20, 2021

SPEAKERS

Andrei Smirnov,

Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Social Sciences, of the Russian Academy of Sciences, Academician, Doctor of Philosophy

Sergei Bodrunov,

Director of the Witte Institute for New Industrial Development, President of Free Economic Society (VEO of Russia), Doctor of Economics, Professor

Sergei Bodrunov: Seeking ways of development of the society and our civilization is a task both economic and philosophical. What we will choose depends on the economic policy as well as on more abstract aspects. For instance, we cannot overlook the national character and the way Russians' common personality traits can affect the level of corruption in the country and the nation's well-being and satisfaction with life, as well as life expectancy. I would say that philosophical understanding of being and trends of our society's development are necessary here.

What are the challenges and fundamental development issues of the Russian society and the economy today? Can philosophy provide answers to these questions?

Andrei Smirnov: The major challenge is related to a crisis of the national identity. We lack a generally acknowledged answer to the questions as to why we are alive and what we live for.

Who are we? What makes us the way we are? What makes us a single entity we call Russian people or Russians? What makes us a Russian nation? What future awaits our country? What have we left behind and what lies ahead? What is Russia's purpose in the world?

Speaking of economic indicators, Russia is actually not of great significant value. If the country suddenly vanishes, will the world collapse? No, it won't. So what justifies our existence? What justifies us?

We survived the events of 1991. In the past 30 years, we have lived by constantly responding to various challenges; now the process has reached the point when we are lamenting double criteria and double standards.

This has become possibly simply due to us lacking our own mission that would show all of us the way. This is what I believe the crisis of public consciousness and national identity is about.

We do not understand ourselves; we do not understand who we are and what unites us. Speaking of our past and the present, the year 2017 marked the 100th anniversary of the October revolution in Russia. How was it celebrated at the national level? We simply turned our back on it bashfully and kept silent. This is the most evident example of the crisis of consciousness when we cannot acknowledge the significance of this event and cannot make it a chapter of our history.

Sergei Bodrunov: Is there any demand from the society and authorities for such philosophical understanding of our past, present and future?

Andrei Smirnov: I am certain it is there. Yet, I would separate objective and subjective needs. Sadly, both the society and people who speak on behalf of it are not always aware of the objective need. The foreign minister has recently said that we will not evaluate ourselves by criteria induced by the EU anymore. So it appears that not only have we evaluated ourselves using others' criteria instead of our own but others have also assessed us by these criteria.

Much is spoken about soft power. Usually it means attractiveness, American way of life, nice images, jeans, bubblegum, Pepsi, and so on – this is soft power. But ultimately, soft power is when one can impose their agenda on other people to make them consider it their own, and to impose their language on others – that is actually soft power. In this regard, we are totally on the losing side: our thoughts on ourselves and our evaluation criteria are borrowed, and we borrowed them willingly.

Yet, starting from the 19th century, we have boasted philosophical and intellectual heritage and its resources we could use today. There is a category of ‘pan-human’ elaborated by Nikolai Danilevsky; applying this theory could allow for a great development in understanding our history as well as our attitude towards the world and life.

Speaking of philosophical categories, I would also mention the category of pan-subjectivity, which implies embracing each and every subject. Remember Fyodor Dostoyevsky’s famous quote about a child’s tear. Why cannot global happiness be built on a child’s tear? Meanwhile, this idea is perfectly normal as regards today’s western ethical theories – and not only normal but even a preferred way of action.

We are forgetting our own thought patterns. Why anyone can accuse us of anything without any proof? This happens because we fail to fall under criteria common to mankind – as simple as that. No matter how hard we try to defend ourselves, our foreign policy position always sounds as a defensive one.

Sergei Bodrunov: It is highly important for us to create a further paradigm of the Russian society’s life and its development. We need our own evaluation. We cannot live by rules made by players in this game, including in the ideological sphere and the sphere of the society’s spiritual and mental growth.

Each country’s mentality affects social institution structure as well. Does specific nature of Russian social institutions result from our mentality? Do our citizens share a common mentality?

Andrei Smirnov: We need a Russian idea, and it is there – the idea claiming that universal happiness cannot be built on a child’s tear.

What is it to be Russian?

In a sense, to be Russian means to be Chechen, it means to be Tatar, and so on. This does not mean approving common democratic procedures that cancel out all cultural roots, such as in the United States or Europe.

Following the universal path, with one thing set to be taken as a common pattern, would mean pursuing the European way. But is it good for us? Can we incorporate into this? It appears that we cannot, and our history has proven that we are unable to do so. This is because we are different; we have to follow the pan-human path, and this is our mentality.

What are roots of our compassion for criminals? Loving a good person is easy – but try loving a bad one. And why should I love a bad person? Here we have the so-called mysterious Russian soul, a concept that can actually be easily explained and defined by just one philosophical category: the aspiration for embracing everyone, regardless of whether you are good or bad. All are included, and all are ours.

And I believe today this idea is more relevant in the international arena than ever. Everything that has taken place since the mid-1990s in Yugoslavia, Libya, Syria and Iraq is simply banditry, but it has been supported globally because we are lacking the language to tell them they are actually barbarians who impose their generalized values on the world. And who are not barbarians? These are people who are able to build pan-human foundation. But if we want to make this statement, first we have to do so here in Russia to have the right to say that we have our own system of values.

Sergei Bodrunov: These are very profound observations; in my opinion, they prompt us to give a serious thought about the path we are following. Speaking of Russia generally as a country, I think this is what can be its higher mission of seeking the answer to the question: “What are we living for?”

Maybe I do not consider it wrong to dismiss others’ experience; maybe it is important to take other point of view in consideration. This is part of our conceptual platform you are speaking about, a platform for pan-humanism and pan-consciousness of all people. I am simply confident that a philosophical approach to these problems can considerably improve the process of solving our issues and find breakthrough and optimal solutions in priority fields of our economic and even civilizational development.

КАК ПОСТРОИТЬ ЭКОНОМИКУ НА ДОВЕРИИ?

Путь выхода из кризиса проходимся проще, когда существуют доверительные отношения между всеми субъектами рынка: население, бизнес, власть. Дефицит доверия же, наоборот, приводит к усугублению кризиса. Доверие – важный фактор стабильности и роста экономики. Что же происходит с доверием граждан друг к другу и граждан к власти у нас в стране?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 23.01.2021 года

*Антон Викторович Данилов-Данильян,
сопредседатель «Деловой России» и заместитель
председателя Общественного совета Минпромторга
России, председатель Экспертного совета Фонда развития
промышленности, кандидат экономических наук*

*Татьяна Андреевна Журавлёва,
руководитель Центра городских компетенций
Агентства стратегических инициатив*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Доверие, как подчеркивают многие эксперты Вольного экономического общества России, это важный фактор стабильности и роста экономики. А что с доверием у нас? У нас — непросто. Текущий кризис вернул на повестку дня вопрос о повышении уровня доверия в России. Наша страна по уровню доверия между населением, бизнесом и властью серьезно отстает от тех стран, которых часто называют развитыми. В чем причина такого положения дел?

Данилов-Данильян: Доверие возникает тогда, когда есть ожидание добросовестного поведения со стороны продавца, покупателя, партнера, государства. Если это ожидание высоко, то и доверие, соответственно, считается высоким. Если, наоборот, ожидания эти падают, то уровень доверия опускается. Если говорить про нашу страну, в общем-то, мы, к сожалению, склонны к обману. Государство обманывало граждан, говорило одно, делало другое. Граждане отвечали государству ровно тем же самым.

Мишель Камдессю свои выводы строил на исследованиях французской экономической школы. В ней есть господа Алжан и Каю, они сделали огромное исследование взаимосвязи валового внутреннего продукта и доверия в разных странах. И вывод применительно к России такой: если бы уровень доверия между гражданами и между гражданами и государством у нас был бы такой же, как в Швеции, то есть в два раза выше, то валовой внутренний продукт увеличился бы на 69%. Эта история присутствует во всех странах.

Бодрунов: Одно из главных условий доверия между государством и обществом — это учет мнения населения при принятии государственных решений. Я знаю, что у Агентства стратегических инициатив есть успешные проекты в этой области. В частности, в регионах запущен стандарт вовлечения россиян в развитие городской среды. Как запуск этого проекта отразился на уровне доверия россиян государству, это можете оценить?

Журавлёва: Доверие измеряется ожиданием позитивного отношения к себе. Но есть еще вторая составляющая доверия — это готовность к сотрудничеству, которую можно посчитать, в той среде, которой мы занимаемся, — это городское развитие. В 2019 году, когда еще не грянула пандемия, решили оценить, насколько вообще наши жители готовы к такому сотрудничеству, готовы к диалогу, готовы обсуждать возможное развитие городов, выходя на новый уровень комфорта.

Выяснилось, что запрос колоссальный. Практически в каждом регионе, в каждом муниципалитете, начиная от региональных столиц и заканчивая самыми небольшими поселениями, есть огромный запрос на изменения. И здесь был самый важный момент — оправдать этот кредит доверия. Поэтому мы в 2020 году запустили пилот со стандартом вовлечения жителей. Он касается только проектов благоустройства, это важно понимать, когда мы говорим про городское развитие, потому что оно очень многогранное. В результате в Ленинградской области вовлечение жителей в вопросы благоустройства увеличилось на 43%. В Крыму этот процент составил больше 50. Астраханская область — абсолютный лидер, они начали внедрять стандарт, и процент вовлечения увеличился по сравнению со стартовой позицией на 83%. В Мурманской области показатель увеличился на 11%. В целом по 25 регионам, которые пилотировали полноценно этот стандарт в течение года, средний процент увеличения вовлечения жителей стал 43%.

Мы считаем, что это абсолютный успех простого, понятного инструмента. Понятно, что процесс стройки, он всегда занимает минимум год, мы это тоже прекрасно понимаем, и мы это жителям тоже объясняем. Потому что это еще одна такая ловушка доверия работы с жителями, когда мы говорим, что сейчас мы с вами вместе разработаем концепцию нового парка, который у вас появится. И жители год назад по большей части думали о том, что парк появится уже в этом году. Но дальше мы им объясняем и говорим о том, что парк появится через год, потому что есть определенная процедура разработки проектной документации, дальше — выход в стройку. И они знают, что уже сейчас, в этом году, запустилась часть пространств, и через год запустится еще часть пространств.

Очень важно в этом моменте, что это не только была инициатива агентства, ее очень быстро поддержал Минстрой России. И поэтому доверие жителей увеличилось не только к муниципальной, региональной власти, но и к системе в целом. Потому что Минстрой сказал: да, это работающая практика, сейчас она станет обязательной для всех регионов, будет выпущена в качестве методрекомендаций и разослана всем регионам.

Поэтому мы считаем, что разработка подобных инструментов, которые максимально просто описывают правила игры, которые могут сформулировать и описать рамки ожиданий, возникающие у обеих сторон, и где мы понимаем те самые границы доверия, они очень благодатно влияют уже в долгосрочной перспективе, когда мы можем говорить про инвестиционный климат региона или города.

Бодрунов: Такого рода инструменты повышают очень важную компоненту взаимоотношений — это открытость тех, кто что-то планирует, открытость тех, кто что-то хотел бы получить. Но открытость влечет за собой и ответственность. То, что было обещано, то, что было открыто, было реализовано. А если не реализовано, то открыто заявлено, почему, как, в чем здесь проблема, объективная, субъективная и так далее. Антон Викторович, как вы полагаете, это действительно важный фактор — открытость?

Данилов-Данильян: Это важнейший фактор. Хотя, конечно, в отношениях бизнеса есть такой нюанс, как банковская тайна, тайна промышленных технологий, которую вскрывают путем промышленного шпионажа. С другой стороны, мы прекрасно понимаем, что если компания хочет продвинуть свой бренд на рынке, то она занимается рекламой, раскрывает свои, естественно, максимально светлые, приятные для клиента стороны. Поэтому бизнес — штука очень сложная. Знаменитые слова Карла Маркса о том, что капиталист на любые преступления пойдет ради 300% прибыли, никуда не денешь. Это, к сожалению, заложено внутри. И лишь общество своими законами, последовательностью своих действий в правоприменении может противостоять этому недобросовестному бизнес-поведению.

Я хочу подчеркнуть, что именно из-за того, что бизнес очень разный, государство не должно к нему подходить с единой шкалой измерений. Условно, конечно, все должны соблюдать закон, все должны платить законом установленные налоги. Но представьте себе ситуацию, когда в какой-то отрасли ради того, чтобы выжить в конкурентной борьбе, практически все занимаются схемами налоговой оптимизации. Вот почти все. И кто-то, допустим, решил обелиться: я теперь, говорит он, плачу все налоги. Он сразу проигрывает на рынке.

Тут государство, которое заинтересовано в его предельно добросовестном, порядочном поведении, должно ему помочь. Как? Хотя бы признать обеление достаточным, реабилитирующим основанием, которое бы защищало этот бизнес от преследования за все те грехи, которые у него были до момента обеления.

У нас есть такой термин — самоперестраховка. Когда государство пытается навесить дополнительные требования, не понимая, что они совершенно не нужны для обеспечения безопасности. И минимизировать эти негативные последствия — крайне важная история. Мы должны в этой связи пересматривать наше законодательство. Регуляторная гильотина очень здорово помогает убрать избыточные требования, которые зачастую устарели и не нужны.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что доверие к силовым и контрольным органам станет высоким тогда, когда те предметы, те требования, которые они проверяют и исполнение которых обязательно, в свою очередь, понятны самим предпринимателям.

Журавлёва: Если мы будем смотреть те же самые международные рейтинги, там есть отличный измеряемый параметр под то, о чем вы говорите, — называется «информированность». И по этим показателям, чем более информировано общество — в нашей стране это возрастная группа, по последним данным, от 25 до 43 лет, — тем выше у них уровень доверия.

Еще есть один важный параметр, который, мне кажется, мы забываем, — это время. Доверие не может сформироваться в течение года, трех месяцев, может даже не сформироваться в течение пяти лет. Потому что доверие проверяется долгосрочностью: долгосрочными сделками, долгосрочными инвестициями. И сейчас мы только-только об этом задумываемся.

Бодрунов: С одной стороны, уговорами ничего не сделаешь, нужны практические действия. И мы эти направления сейчас показываем. Например, первое и очень важное — это регуляторное направление. Второе — это информированность людей. Это позволяет людям понимать и ориентироваться в том пространстве решений, которые принимает власть, принимают субъекты хозяйственной деятельности по отношению друг к другу. И, наконец, третье, эти ожидания должны быть подкреплены реальным исполнением. Вот тогда это доверие формируется. Может быть, есть еще меры, которые надо было бы применять дальше?

Данилов-Данильян: Мы часто говорим, что судиться бессмысленно, у судьи обвинительный уклон. А если ввести, например, такое правило, что ты не можешь стать судьей, если хотя бы пять лет не проработал адвокатом или юристом на предприятии. И вот тогда это хоть как-то начнет балансироваться.

Надо, конечно, ограничивать возможности воздействия правоохранительных органов на случаи, когда еще нет никаких судебных решений.

Но другое дело, есть ли к этому воля, в том числе политическая воля? То одни выборы, то вторые выборы, то смена каких-то принципиальных вех в виде конституции, то еще какие-то все время возникают политические мотивы, которые мешают спокойной, планомерной работе по повышению доверия друг другу.

Бодрунов: Агентство стратегических инициатив, вы лично занимаетесь более предметными вещами. Что можно было бы сделать на уровне Агентства?

Журавлёва: На площадке Агентства сейчас уже ведется работа. Создана предпринимательская платформа «За бизнес», где предприниматели могут отрегулировать отдельные вопросы с силовиками, когда, например, вынесено какое-то некорректное решение или были на региональном или местном уровне нарушены права, — это отдельный сервис, который запущен и уже действует. Сейчас в активную стадию входит национальная социальная инициатива. Это работа с населением и приход социальной системы к человеку. Это тоже, мы надеемся, будет способствовать доверию. Мы планируем уже в этом году развивать эту тему системно на территориальном уровне, на уровне муниципалитетов. И конечно, мы будем продолжать тему поддержки предпринимателей, тему снижения издержек, потому что это тоже очень важный фактор, если мы говорим о стратегическом подходе к развитию этого доверительного инвестиционного климата.

Бодрунов: Повлиять на уровень доверия в долгосрочном периоде не так просто. Как мы сегодня выяснили, нужны серьезные решения, изменения, причем это должна быть реализация на всех уровнях. Это сложно, но это необходимо, если мы хотим достичь успехов в реализации национальных целей развития, о которых говорит наш президент, о которых он издает указы и раздает постоянно указания.

БУДУЩЕЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

С 1 января 2021 году перестала работать плоская шкала налогообложения. К чему дальше идут реформы? Должна ли налоговая система влиять на отраслевую структуру экономики? Как сделать так, чтобы граждане и бизнес знали, на что конкретно идут их налоги? Какое будущее ждет налоговую системы России?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 27.03.2021

СОБЕСЕДНИКИ

*Александра Леонидовна Суслина,
руководитель направления «Фискальная политика»
Экономической экспертной группы*

*Кирилл Михайлович Никитин,
директор Института налоговой политики
экономического факультета МГУ им М. В. Ломоносова,
председатель комитета по налоговой и бюджетной
политике «Деловой России»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Российская налоговая система — это один из наиболее эффективных отечественных институтов, а наша Федеральная налоговая служба в последние годы считается одной из лучших в мире. Тем не менее налоговая система России продолжает реформироваться, развиваться, совершенствоваться, поскольку во главе угла стоит поиск баланса интересов бизнеса, общества, населения. Начнем с нововведений. 1 января перестала работать плоская шкала налогообложения, россияне с заработком более 5 миллионов рублей в год начали уже платить с НДФЛ по ставке 15% вместо 13. Дополнительные сборы от повышенной ставки, как ожидается, составят 60 миллиардов рублей, это небольшая сумма для бюджета, и деньги эти пойдут на лечение орфанных заболеваний детей. Стоило ли ради этого, может быть, одного частного вопроса, хоть и очень важного, ломать плоскую шкалу?

Никитин: Я думаю, что начали мы ее ломать чуть раньше: в общественном сознании — когда мы начали обсуждать обложение доходов от банковских депозитов и ценных бумаг. Единственный смысл этих нововведений — это продемонстрировать технологическую готовность к введению прогрессивной шкалы налогообложения. Но я бы отошел на еще один шаг назад и сказал, что плоской шкалы обложения трудовых доходов у нас нет давно по одной простой причине: с 2012 года мы начали постепенно ломать парадигму, в которой платежи с фонда оплаты труда, платежи работодателей, были страховыми, или считались страховыми, или были квази страховыми.

И вот в 2012 году у нас вводится дополнительная ставка в 10% на так называемые «хвосты». Зарабатываешь ты 500 тысяч рублей в месяц, 50 тысяч в месяц или 5 миллиардов рублей в месяц — неважно, если это трудовой доход, значит сначала ставка 22%, скажем так, с первого миллиона рублей в год, а затем — 10%. Причем эти 10%, в тот момент введенные, они уже не обладали никакими признаками страхового платежа и обладали всеми признаками налога на доходы, потому что это не персонифицированный учет.

Бодрунов: Да, это был просто фактический налог.

Никитин: Это был фактический налог. Дальше идентичный порядок распространялся на Фонд обязательного медицинского страхования. Но я подчеркну, с 2012 года трудовые доходы в Российской Федерации облагались и до сих пор облагаются по прогрессивной шкале примерно 22 с небольшим процента свыше миллиона рублей в год и 13% — до этого миллиона. Потому что, если мы считаем, что все эти отчисления на «хвосты» в Пенсионный фонд и в Фонд обязательного медицинского страхования, на самом деле это другая форма подоходного налога. Единственная забавная, скажем так, вещь с этой системой заключалась еще и в том, что это касалось трудовых доходов, а, например, доходы нетрудовые, скажем так, эта прогрессия не затрагивала.

К прогрессивной шкале нам переходить пора. Это не вопрос справедливости, как многие считают, это прежде всего вопрос эффективности. Глупо и бессмысленно гонять деньги, взимая деньги с крайне низких доходов, а потом возвращать их в виде социальной поддержки через бюджет, через фонды и так далее. Как вы понимаете, всегда чем больше бюджетов, через которые деньги проходят, тем больше затрачено на их обслуживание.

И с этой точки зрения, перспективы развития нашей системы прогрессивного налогообложения в первую очередь лежат в плоскости снижения НДФЛ на крайне низкие доходы. Вопрос прежде всего в том, что не нужно брать последние деньги и потом думать, как эти последние деньги возвращать. Нам нужно реформировать систему вычетов.

Поскольку мы технологически оказались готовы к администрированию прогрессивной шкалы, то мы не в меньшей степени технологически готовы к тому, чтобы обеспечить практически автоматический режим вычета или предложения воспользоваться правом вычета по таким вычетам, в первую очередь, как социальные вычеты, рас-

ходы на образование и расходы на здравоохранение. Федеральная налоговая служба уже пошла по этому пути и предлагает начать с вычетов имущественных при приобретении квартир, в том числе взятых за ипотечные деньги. Но я хочу подчеркнуть такую вещь: если посмотреть на статистику, то вычетами имущественными пользуются более 50% граждан, имеющих на них право. А вот вычетами социальными пользуются дай бог если 5% граждан, имеющих на них право. Это связано и с их мизерностью, и с тем, что их крайне сложно получить.

И поэтому нужно подойти к тому, чтобы предлагать гражданам в конце года: посмотри, ты потратил столько-то денег на медицинское обслуживание своих родителей, столько-то денег на обучение своих детей, поставь галку, пожалуйста, в кабинете или на форуме, если ты хочешь воспользоваться правом на вычет. Но бесконечные хождения по мукам для сбора в течение года чеков, чтобы предъявить эти чеки опять же в электронном виде, уже предоставленные в Федеральную налоговую службу через систему ККТ, созданную ФНС... Это мучения, и очень небольшое количество россиян через это мучение проходят на самом деле.

Бодрунов: Очень легко, вообще-то, сделать систему мониторинга. Кому-то они могут быть и не нужны. И та часть населения, которая могла бы получить эти вычеты, могла бы получить их в большем размере, и это было бы уже действительно социально справедливо.

Никитин: Это было бы как минимум эффективно и логично. Мы понимаем, что дополнительно располагаемые доходы в руках наименее обеспеченной части населения потребляются в России в таком недофинансированном, с точки зрения частного спроса, секторе, как, например, медицина и образование. Так что прогрессивная шкала нам нужна. Вы знаете, если отдавать этот вопрос на рассмотрение большинства, то мы с вами прекрасно понимаем, что 90% граждан проголосуют за то, чтобы оставшиеся 10% граждан обложить налогом по 30, по 50, по 70, по 90%.

И с этой точки зрения нам как обществу в вопросах налогообложения стоит постепенно переходить к принятию решений, когда мы спрашиваем в первую очередь тех, кто будет платить эту повышенную ставку. Через социологические ли опросы, через исследования ли, но спрашивать. Я, честно говоря, думаю, что в кругу людей с высокими доходами необходимость платить 15–17% НДФЛ не вызовет большого раздражения.

Бодрунов: Когда президентом было объявлено, что средства, которые пойдут от повышения налогообложения с 13 до 15% для людей, пойдут в конкретный фонд, у нас в Вольном экономическом обществе было обсуждение, много бизнесменов участвовали, все согласилось, что это действительно хорошо. Другое дело, если бы просто взяли бы и подняли шкалу, это вызвало бы во многих случаях скепсис.

Никитин: С моей точки зрения, создание внебюджетного фонда для финансирования подобных расходов представляется не очевидным решением, я бы предпочел, чтобы это был бюджетный фонд. И конечно же, общественный контроль крайне важен. И все, кто будет платить эти дополнительные 2%, хотели бы видеть отчеты о деятельности этого фонда, видеть, что все 2% поступили в фонд и видеть, что на содержание фонда потрачено не 30% от поступлений, а в лучшем случае 1%. Притом что я вам могу сказать, что это нормальное соотношение в мировой практике благотворительных фондов, когда на содержание инфраструктуры, связанной с благотворительностью, идет не больше 1% от операций самого фонда.

Бодрунов: Я могу сказать, что большинство моих коллег, которые имеют хорошие доходы, тратят деньги на благотворительность, тратят деньги тихо, спокойно, без помпы. Это вещи, которые действительно важны для нашего общества. Но они в этом случае видят, куда они тратят эти деньги, и доверяют тем, кто эти деньги получает.

Никитин: И более того, сами решают, на какую из благих целей тратить эти деньги.

Бодрунов: Да. Если здесь государство приняло решение, на наш взгляд, адекватное, поддерживать таких детей и таким образом аккумулировать деньги, возможно, что это больший шаг как раз к удовлетворению требований прозрачности дополнительных трат крупного бизнеса. Тем не менее это очень важный шаг. И, мне кажется, по этому пути можно было бы идти и дальше.

Я думаю, что у нас впереди, наверное, и пандемия к этому подталкивает, некоторые определенные изменения в налоговом законодательстве. 2021 год, похоже, будет богат на вот такого рода изменения.

Суслина: Начнем с того, что это первый год, когда у нас начинает действовать прогрессивная шкала НДФЛ. Второй момент связан в первую очередь с повышением ставки НДС на целый ряд твердых полезных ископаемых, в ставку вводится новый коэффициент, в результате которого налоговая нагрузка по этому налогу для ряда полезных ископаемых возрастет почти в 3,5 раза.

Еще одно нововведение затрагивает малый бизнес и всех тех, кто сидит на упрощенке. Дело в том, что с 2021 года прекращает действовать так называемый единый налог на вмененный доход. И всем, кто раньше его использовал, предстоит перейти либо на упрощенку, либо купить патент. Еще одно важное нововведение касается всех, кто занимается криптовалютами. С 2021 года вводятся новые налоги, связанные с налогообложением доходов от этих видов операций. Как это будет действовать, пока не очень понятно, но тем не менее такой закон введен.

Бодрунов: Налоги — это не только доходы государства, но, в общем-то, и важнейший инструмент экономической политики. Какие сегодня существуют структурные диспропорции, актуальные вызовы, ответ на которые можно найти с помощью так называемой фискальной политики?

Никитин: Среди экономистов существуют разные взгляды на тему того, должны ли налоги влиять на отраслевую структуру экономики, влиять ли на экономику с точки зрения соотношения малого, среднего и крупного бизнеса и так далее.

Эта постановка, на мой взгляд, логична для экономик с развитым фондовым рынком и с возможностью с его помощью обеспечить переток капитала в более нуждающиеся отрасли из менее нуждающихся отраслей.

Дальше нужно говорить о том, чем вообще фискальная политика может помогать. И тут не нужно вдаваться в какие-то избыточно сложные дискуссии. У нас недостаточная инвестиционная активность. И недостаточна частная инвестиционная активность. С этой точки зрения одна из очевиднейших установок заключается в том, что необходимо все-таки создать четкую дифференциацию между сценарием «я заработал денег, вывел их из компании» и дальше, предположим, использовал на личное потребление и сценарием «я заработал прибыль, оставил ее в предприятии или оставил в группе предприятий, перераспределил через холдинговую компанию в более нуждающиеся в инвестициях предприятия моей группы и, значит, вложил в основные средства, вложил в человеческий капитал, вложил в технологии, вложил в обучение».

Эти два сценария на данный момент, с точки зрения уровня фискальной нагрузки на прибыль, совершенно не дифференцированы. Так было не всегда. Если вы помните, до 2001 года работала прекрасная инвестиционная льгота, в рамках которой прибыль облагалась по ставке 35, 32, 30%. Но, если ты реинвестировал эту прибыль, то ставка сокращалась в два раза. И в этом смысле вернуться к механизмам стимулирования частных инвестиций за счет собственных средств было бы правильно.

Естественным образом нам нужно отрегулировать механизмы изъятия ренты из добывающих отраслей, где есть ощущение, что одни из отраслей избыточно прибыльные, а другие — избыточно не прибыльные, назовем это так.

Бодрунов: Я думаю, что это можно отнести и к растущей информационной компоненте.

Никитин: Да, нам действительно нужно смотреть на информационные, технологические монополии и так же работать с ними.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ. КАК ЕЙ ПРОТИВОСТОЯТЬ?

С помощью телефонного и других видов мошенничества граждане лишаются до 4 миллиардов рублей. Что нужно знать, чтобы не отдать личные средства в руки мошенников? Как этому может помочь законодательство? Нужно ли создавать собственное программное обеспечение или достаточно использовать иностранное?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 13.03.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Анатолий Геннадьевич Аксаков,
член Правления Вольного экономического общества
России, председатель Комитета Государственной Думы
по финансовому рынку, кандидат экономических наук

Нина Григорьевна Култышева,
руководитель регионального центра финансовой
грамотности по Санкт-Петербургу и Ленинградской
области

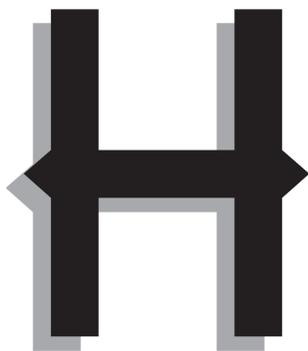

Юлия Александровна Лялюцкая,
управляющий партнер адвокатского бюро города Москвы
«Щеглов и партнеры»

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Наверное, каждый из наших телезрителей хоть раз получал звонок от лжесотрудника банка. Какими бы очевидными ни казались эти методы социальной инженерии, на практике мы не всегда можем им противостоять. Напомню, то, что называется социальной инженерией, — это набор методов психологической манипуляции и действий человека, заключающийся в использовании слабостей человеческого фактора в целях незаконного получения личной информации.

На социальную инженерию у нас приходится 70% всех случаев успешного мошенничества. 41% случаев — когда пострадавший сам переводит деньги злоумышленникам, самостоятельно, 29% — когда клиенты предоставляют преступникам данные своей карты, коды из SMS. По данным Банка России, 80% злоумышленников звонили якобы от лица финансовых организаций, используя технологии подмены телефонных номеров. Банки с этим борются. Как?

Аксаков: Пока правовой основы для того, чтобы отключать такие звонки, не существует. И, соответственно, бороться с этим методом выманивания денег можно только разъяснениями, что если вам кто-то звонит от имени банка, то это точно не представитель банка, сразу же выключайте телефон. И если у вас все-таки есть сомнения в том, что звонили из банка, перезвоните по тому номеру телефона, который указан у вас на карточке либо в договоре, и удостоверьтесь, из банка вам звонили и реальна ли проблема, о которой вам хотели рассказать те, кто звонит.

Социальная инженерия имеет широкое распространение, в том числе и методы разные: иногда вирус специально запускают или вас переводят на сайт, где вирус спрятался. Поэтому ни на какие ссылки, никуда, никогда не переходите, если это все пришло от незнакомых лиц — тем более.

Единственный метод — это повышение финансовой грамотности, информированности людей, поскольку, к сожалению, многие, в том числе довольно, с моей точки зрения, квалифицированные люди покупаются на эту социальную инженерию. Пока законодательной основы для того, чтобы блокировать так называемые подменные номера, нет. Технологическая возможность есть, но для этого нужна правовая основа, чтобы телекоммуникационные компании могли это делать.

Бодрунов: Нет правовых оснований для того, чтобы блокировать, но, может быть, есть какие-то законопроекты?

Аксаков: Законопроект подготовлен с участием Центрального банка, Министерства цифрового развития и телекоммуникационных компаний. Сначала было некоторое неприятие, потому что для компаний блокировка — это дополнительные затраты, естественно, возникают вопросы, а кто покроет эти затраты. Но потом, когда начали внимательно считать, в том числе с участием экспертов, стали понимать, что этот темный рынок забирает львиную долю дохода у этих компаний.

Понимание этой ситуации как раз и привело к тому, что мы договорились: они готовы блокировать соответствующие операции.

Бодрунов: Мы можем уже в этом году ожидать принятия такого закона, или он еще находится в стадии предварительной проработки?

Аксаков: Мы его отправили и операторам связи, и Минцифре, и в Центральный банк для того, чтобы они со всех сторон посмотрели законопроект, высказали свои замечания. Только после этого будем вносить. Есть большой риск, что мы его в весеннюю сессию не примем.

Бодрунов: Население ждет такого законопроекта, вообще, принятия каких-то решительных мер по борьбе с этим самым мошенничеством. Существуют разные признаки, по которым можно распознать телефонных мошенников. Какие они?

Култышева: Обычно, когда мы открываем в банке продукт, к нам приходит SMS с подтверждением, мы получаем выписки по нашим платежам, и это все есть в истории платежей. Когда нам приходит сообщение в новую историю, это должно насторожить, банк никогда не будет так делать. На что нужно обращать внимание: есть ли в тексте ошибки, есть ли грамматические ошибки в названии банка, в адресе банка, часто меняют местами буквы.

Чаще всего мошенники звонят узнать наши персональные данные. Нужно заранее узнать, что такое наши персональные данные, и никогда никому их не сообщать. Оператор колл-центра банка никогда не спросит номер карты, не спросит номер сообщения, которое вам только что пришло в SMS, не спросит CVC — номер с обратной стороны карточки. Вся нужная информация о вас у оператора колл-центра есть.

Лялюцкая: Сейчас многие пользуются хорошими программами по определению входящего вызова, где есть целая база номеров, дающая понимание, кто вам звонит. Телефон может проверить номер и сразу сообщит, что это звонит спам, либо это предложение товаров и услуг, либо это кто-то конкретный, кто записан у других пользователей под определенными фамилией-именем-отчеством. Можно воспользоваться либо такой программой, либо платной услугой своего мобильного оператора для того, чтобы иметь возможность оценивать звонок сразу, не поднимая трубку.

Есть и маркеры, которые позволят вывести мошенника на чистую воду. Во-первых, это подозрительные должности, которые используют мошенники, представляясь вам. Также надо обратить внимание на речь собеседника. Как только мошенник начинает чувствовать сопротивление с вашей стороны, он теряется. Поэтому достаточно вступить в диалог с человеком, который вам позвонил, чтобы определить, является ли он тем, за кого себя выдает.

Я на своей практике неоднократно убеждалась, что, когда вы начинаете активно вступать в беседу с телефонным мошенником, он достаточно быстро выходит из себя. Поверьте, любая коммерческая организация, банки в том числе, никогда не позволят своим сотрудникам подобным образом обращаться с клиентом.

Бодрунов: Насколько принятие законопроекта позволит сократить преступность в этой сфере?

Аксаков: Около 4 миллиардов рублей мы гражданам спасаем благодаря принятию этого закона.

Бодрунов: Это огромная сумма. Мне кажется, что вы находитесь на очень верном пути, и это действительно очень важно для граждан. И во-вторых, очень важен социальный эффект, потому что люди начнут чувствовать себя увереннее.

Каждая новая технология всегда несет за собой как плюсы, так и минусы. Точно так же цифровые технологии, особенно в финансовой сфере. Мы пользуемся ими, но мы должны понимать, что вслед за всеми благостями и возможностями идут риски от неправильного использования.

Аксаков: Есть еще один законопроект, который касается блокировки сайтов. Центральный банк имеет мониторинговую систему, которая позволяет быстро, практически моментально, выявлять такие сайты, давать сигнал Роскомнадзору, чтобы те блокировали.

Бодрунов: Нужно комплексное ужесточение законодательства. С одной стороны, есть технические законы, которые позволяют блокировать сайты. Второе — дать людям информацию. И наконец, возможность возбуждения уголовных дел против тех, кто открывает без конца эти сайты.

То, что мы сегодня обсуждаем, — это часть глобальной цифровой безопасности. Цифра — это основа очередного технологического уклада. Как быть с информационной безопасностью? Потому что пока у нас существует экономика, пока у нас существуют финансы, эти финансы будут цифровизованы; коммуникации цифровизованы, значит, будет существовать и эта проблема. Как она будет решаться в перспективе?

Аксаков: Если говорить о безопасности, то сейчас практически все законы, связанные с использованием цифровых технологий, согласовываются с Федеральной службой безопасности. При этом, конечно, без международных соглашений, без международного сотрудничества эту проблему не решить. Мы предлагали и американцам, и Европейскому союзу, нашим южным, восточным соседям объединить усилия. Этот вопрос был и в повестке «Двадцатки», его ставил Владимир Владимирович Путин. Мы считаем, что победить это зло можно только объединенными усилиями. Но надо быть при этом еще и реалистами, поэтому сейчас готовится предложение по критической информационной инфраструктуре, ставится задача по замене и железа, и программных продуктов, изготовленных за рубежом, на отечественные.

И здесь есть проблема, поскольку мы многие виды оборудования не производим у нас. Соответственно, надо организовать соответствующее производство, осваивать новые технологии, которые позволяют минимизировать риски, связанные с использованием цифровых технологий. Ну и максимально заменять иностранное программное обеспечение на российское.

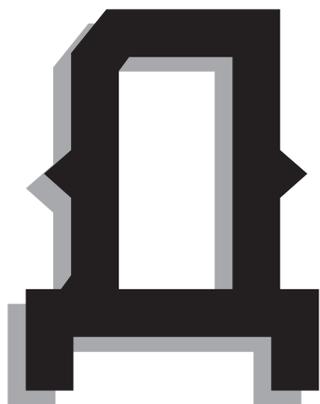
О СЦЕНАРИЯХ СРЕДНЕСРОЧНОГО И ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ

**Основной доклад из материалов форума «Абалкинские чтения»
на тему: «Стратегия для России» (к 100-летию принятия плана
ГОЭЛРО и 90-летию Л. И. Абалкина)**

*Андрей Николаевич Клепач,
член Правления ВЭО России, заместитель председателя
(главный экономист) Внешэкономбанка*

Добрый день, уважаемые коллеги! Благодарю за честь выступить с докладом. Мы все находимся в переходном периоде, вот такая параллель, просто сегодня еще 30 лет Институту Гайдара. План ГОЭЛРО тоже был и планом, и такой отправной точкой для восстановления, а потом и модернизации российской (тогда еще советской) экономики, но, естественно, мы сейчас тоже находимся на определенной развилке: переход к рынку завершился, и более того, рыночная экономика давно сформировалась, а вот экономика, которая обеспечит людям высокий, достойный уровень жизни, работы, который позволяет раскрыть их возможности, уровень жизни, сопоставимый со стандартами развитых стран, не только для Москвы и Санкт-Петербурга, где он уже достигнут, а в целом для страны, еще предстоит создать. И в этом плане у нас тоже переходный период, но другого рода, чем в 20-е и чем в 90-е годы прошлого столетия.

Я попробую остановиться на сценариях такого среднесрочного и долгосрочного развития. С точки зрения среднесрочного развития 2020 года, на самом деле, все во многом понятно. Не только потому, что уже год закончился, а потому что действительно, как уже принято говорить, мы этот год прожили под двумя шоками: связанными с коронавирусом и падением цен на нефть.

Некоторые оценки. Они постоянно меняются, но и последний доклад ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития — *прим. ред.*), и наши оценки исходят из того, что мировая экономика сократится в этом году где-то на 4,3%, причем эпицентр спада — это еврозона и Индия, где спад в еврозоне — около 8%, а в Индии — порядка 9%. В России, по-видимому, 3,8–4%, то есть страшилки начала года не оправдались.

Больше проблем и неопределенности, на самом деле, со следующим годом. Здесь оптимизм существенно уменьшается, в том числе из-за того, что сейчас произошла мощная вторая волна, связанная с пандемией, и со значительной вероятностью мы можем получить третью волну, хотя, если брать историю «испанки», она все-таки на порядок слабее, но достаточно большой уровень заболеваний в любом случае сохранится и на следующий год. Хотя пик мы, видимо, сейчас, в декабре, пройдем.

В России, как известно, и это зафиксировал Росстат, спад, нижняя точка пришлась на второй квартал, и уже с июня экономика, если брать наши оценки и Минэкономразвития, начала расти. Хотя нынешняя волна пандемии, скачок заболеваемости, причем уровень ее выше, чем в апреле и мае, она приведет к тому, что в четвертом квартале, видимо, вместо роста с учетом сезонного календарного фактора получим снижение. Ну и рост несколько затормозится.

Индекс ВВП России. Скачок, который мы получили в октябре – ноябре, он, скорее всего, приведет к тому, что получим отрицательный прирост ВВП. Но в целом я уже сказал: по 2020 году даже может быть меньше спад, чем 4%. С учетом все-таки хорошей статистики, особенно по третьему кварталу, и корректировки данных по второму.

2021 год. С учетом первого квартала, по-видимому, будет отрицательный из-за высокого уровня заболеваний, хотя, вероятно, заболеваемость пойдет на спад, плюс ситуация с нефтью может быть лучше, чем самые страшные предыдущие ограничения, когда предполагалось, что соглашение об ограничении добычи продлится на первый квартал и дальше, — все-таки принято решение об увеличении добычи. Для России это по 125 тысяч баррелей в месяц, но это меньше, чем то, что предполагалось в первоначальном соглашении, и поэтому для всех это пять-сот тысяч баррелей вместо двух миллионов. Так что в какой-то мере можно сказать, что это трудная дорога вверх, то есть ВВП будет расти, доходы населения, будут оживать особенно услуги, которые сейчас серьезно провалились, но, учитывая слабый инвестиционный спрос, подъем будет достаточно умеренный. По нашей оценке — два процента, может быть, чуть больше, но до трех, которые желательны, мы вряд ли сможем в 2021 году при сложившейся ситуации достичь.

Это наши оценки среднесрочные, я сейчас не хочу даже на них останавливаться. Может быть, учитывая те прогнозы, которые есть, отличие в том, что мы в ближайшие годы при сложившейся динамике рисков, структурных ограничений все-таки выйти на 3% вряд ли сможем.

Цена на нефть, как мы ожидаем, хотя сейчас, скорее, она снизится, но в дальнейшем будет умеренно расти. Консенсус-прогнозы — они вообще под 50 и даже выше долларов, но мы думаем, что будет ниже, с учетом того, что не только относительно вялый спрос в мировой экономике, но большие избыточные мощности, которые, по-видимому, будут скоро задействованы. Это означает все-таки достаточно умеренный инвестиционный спрос, слабее, чем то, что нам нужно для задач модернизации, и умеренный рост доходов населения: на следующий год — 1,8%, а дальше — от двух до трех с небольшим. При этом мы исходим из того, что, если не брать всяких политических «черных лебедей», когда кого-нибудь отравят или что-то произойдет, то макроэкономические предпосылки будут работать на укрепление курса рубля, а не на его снижение.

Что при этом важно? Как бы мы ни спорили, 2% и даже до 3%, но при такой динамике к 2024 году мы не сможем полностью восстановить падение доходов населения, я имею в виду реальных располагаемых доходов, и выйти на уровень 2013 года. Для этого нужен более динамичный рост экономики, ну и, на самом деле, более динамичный рост зарплат бюджетников, потому что у нас все-таки зарплаты очень сильно и в частном секторе привязаны, ориентируются на динамику зарплат бюджетников. Это означает, что рост российской экономики 10–11% будет практически более чем втрое отставать от роста мировой экономики. Если мы не получим еще какой-нибудь один кризис, столь же масштабный, как и кризис 2020 года.

Тем не менее можно отметить, что меры, которые приняло правительство по нарастающей, там первый, второй, третий, потом, по сути дела, четвертый пакет, они все-таки уменьшили масштабы спада в 2020 году, где-то, по нашей оценке, на 1,8%, добавили к реальным доходам населения более трех процентных пунктов, потому что иначе бы мы получили падение не около пяти, а, возможно, семь с лишним, восемь процентов.

Тем не менее, хотя правительство приняло общенациональный план по восстановлению экономики, есть определенный серьезный пакет стимулирующих мер, их недостаточно для такого V-образного отскока, который у нас был даже в 2010 году, и я уж не говорю про 1999-й. Поэтому здесь все равно остается вопрос, какие нужны дополнительные меры, стимулы и с точки зрения бюджета, и денежной политики, и с точки зрения поведения самого бизнеса, для того чтобы выйти на темпы роста выше трех процентных пунктов.

На наш взгляд, ресурсы для этого — в экономике, но об этом говорил много и Абел Гезевич Аганбегян, хотя у нас там, может быть, есть различия по размеру и масштабам стимулирующих мер, но здесь нужны серьезные меры и для поддержания доходов населения, и не только по линии многодетных семей, но и бюджетников, и пенсий, это может быть особенно важно.

С другой стороны, поддержка инвестиций не может опираться только на ожидаемые эффекты (хотя, надеюсь, они все-таки будут) закона «О защите капиталовложений» и СПИК 2.0, но нам придется задействовать то, что можно рассматривать как «резерв главного командования», это Фонд национального благосостояния, и в то же время ресурсы Центрального банка, что делают, по сути дела, все другие страны. Все программы QE и Евросоюза, и ЕЦБ, на самом деле и Федеральной резервной системы, они ведь дали серьезный эффект и во многом позволили уменьшить масштабы спада в 2020 году и в США, где спад будет 4%, несмотря на первоначальные ожидания чуть ли не шестисеми, и в еврозоне, и, в общем, они будут играть серьезную роль в дальнейшем подъеме. Хотя чувствительность экономики к заливанию деньгами, во всяком случае в США и Европе, существенно снизилась. Но у нас заливания деньгами не было, поэтому, несмотря на смягчение процентной политики ЦБ и дальнейшие меры, особенно по поддержке ипотеки, ситуация с денежной поддержкой, я бы так сказал, на тройку, на четверку. Здесь нужны дополнительные серьезные меры, особенно для поддержки инвестиционного спроса. Поэтому, на наш взгляд, при реализации определенного пакета стимулирующих мер, причем достаточно умеренного, в пределах одного или полутора процентов ВВП, можно выйти на темпы роста выше трех или ближе к четырем процентам в ближайшие годы и тогда действительно выйти на траекторию более динамичную, чем темпы роста мировой экономики.

Тем не менее это вопрос среднесрочный. У нас 2020 год — это, так получается, не только год, когда мы получили этих два шока, но год — можно еще вспомнить незаслуженно забытую так называемую КДР-2020, или Концепцию долгосрочного социально-экономического развития, которую правительство приняло в 2008 году, а по сути дела начинало готовить еще с 2005–2006 годов, где фактически ставилась задача выйти на достаточно динамичные темпы роста, выше четырех и даже ближе к шести процентам в год, но самое главное тут дело не в темпах, а то, что ставилась качественная задача — осуществить переход от экономики, базирующейся в первую очередь на энергосырьевом драйвере, к экономике, где ключевым драйвером становится инновационное

и технологическое развитие, при этом оно идет не за счет снижения реальных доходов населения, а связано как раз с существенным социальным переориентированием экономического развития. Определенные шаги в этом направлении были сделаны, потому что фактически КДР дала определенные идейные основы для последующих решений по повышению зарплат в бюджетном секторе, врачам, учителям, что существенно подняло их жизненный уровень и в принципе способствовало расширению среднего класса. Именно это — одна из социальных задач, которая ставилась в КДР. Тем не менее, несмотря на поддержку такого интеллектуальноёмкого слоя, в целом ситуация с доходами населения, как мы видим, за последние фактически семь лет является крайне болевой точкой и серьезным и социальным вызовом, и ограничением для экономического роста.

Про инновационное и технологическое развитие говорить еще более сложно, потому что — да, шаги делались, у нас как раз сейчас запущен национальный проект по развитию науки, правительство начало принимать, точнее уже приняло несколько дорожных карт, которые готовились в прошлом году. Это дорожные карты по композитным материалам, аддитивным технологиям, квантовым вычислениям и коммуникациям, по искусственному интеллекту, и это работает на будущее. Но тем не менее мы 12 лет имеем стагнацию, даже некоторое снижение расходов на НИОКР в процентах к ВВП, они где-то около одного процента. Китай за этот период с 2008 года увеличил также с уровня 1,08%, у него тогда был, как и у нас, до более чем 2%, и ставит задачу выйти на позиции научного и технологического лидера к 2030 году. Мы тоже ставим задачу лидерства, но весь вопрос в том, что за эти 12 лет мы пока рывка, несмотря на отдельные достижения, не совершили. Мы делали акцент на то, что у нас должен образоваться широкий слой инновационных компаний и предприятий, там ставились приоритеты — 25–30%, в стратегии инновационного развития — вообще под 40, но по факту, после изменения методологии счета, примерно 21 с лишним, а если бы оставалась старая, было бы порядка семи с лишним – восьми процентов. И это отдельный серьезный вызов, потому что вопрос технологической не просто конкуренции, а по сути дела технологической войны, которую развязали против нас Соединенные Штаты, является здесь очень серьезным.

Какие, может быть, меры или направления для долгосрочного развития я бы выделил? Здесь наряду с этими «болевыми точками» действительно возникает потребность в новой парадигме развития и управления. Она связана с акцентом и на сбережении природы, то есть новая экологическая повестка, и на сбережении народа, имею

в виду и народонаселение, вопросы демографии, и вопросы социальной структуры общества. Демографические ограничения, как известно, у нас достаточно серьезные, но вопрос, задача создания массового среднего класса, обеспечения возможностей по уровню доходов, жилья, отдыха, образования для большей части населения — мы ее можем решить, допустим, к тому же 2030 году? Или она останется столь же нерешенной или незавершенной, как и задача перехода примерно к 40% среднего класса, которая ставилась еще в КДР-2020 к 2020 году?

Это технологическая гонка и облик новой научно-технологической революции или уклада, но базируется ли она только на искусственном интеллекте, цифровизации? Или, может быть, пандемия как раз заставит нас серьезно повернуться в сторону медицинских, нейро- и биотехнологий? Причем в той же КДР-2020 такая инициатива, медико-биотехнологий, рассматривалась столь же приоритетной, как и инициатива, связанная с развитием цифровизации и интернет-технологий.

Это вопрос формирования новой структуры экономики, где есть не только базовые традиционные отрасли. Какой удельный вес займут новые, включая тот же сектор ИТ? Насколько мы сможем перейти к модели низкоуглеродного развития? Вышел указ президента РФ о том, что мы должны снизить выбросы парниковых газов на 30% к 2030 году, но теперь нужно выработать стратегию и найти баланс между этими задачами, между экологическими ограничениями, которые не сводятся к парниковым газам. У нас ключевой приоритет, особенно на ближайшие годы, и это отражено в нацпроекте «Экология», — это чистая вода, чистый воздух, потому что это условия жизни людей, их здоровья, да и одновременно создание новой экономики, связанной с оборудованием и технологиями природосбережения. Поэтому дел здесь очень много, и они не сводятся только к эмиссии CO₂, тем более губить ради этого атомную промышленность, останавливать углеродную экономику, газодовую, как это отчасти делается в Германии и рекомендуется зарубежными экспертами, мы не только не можем, а это означает остановку нашего развития.

Это вопрос и новой модели все-таки пространственного развития. Правительство приняло в прошлом году стратегию, но пока у нас все-таки поворота на Восток не происходит. Как и в 2000-е годы, у нас вся экономика и миграция людей сверхконцентрируется в европейской части, причем не вообще, а в первую очередь в столичных агломерациях.

Ну и вопрос вызова уже глобального, нашего позиционирования в мировой экономике, где мы в какой-то мере находимся — может быть, неправильно так говорить, хотя это журналистский термин — «в стратегическом одиночестве». У нас есть партнеры, у нас есть с кем взаимодействовать. Но та же Большая Евразия и евразийская интеграция, о которой говорилось и в 2019 году, и в 2020-м, и есть определенные дипломатические инициативы, но ее надо наполнить реальным и экономическим содержанием, и духовным, образовательным. Как на последнем Евразийском конгрессе, который проводился под эгидой ЕАБР (Евразийский банк развития — *прим. ред.*) 4 декабря, наши коллеги из Казахстана отмечали, что мы сейчас, в условиях пандемии, по сути дела не даем возможности более чем ста тысячам студентов из Центральной Азии вернуться в российские вузы. Это короткая задача, а есть и долгосрочные: какие проекты мы готовы реализовывать с нашими партнерами? Инфраструктурные, научно-технологические, чтобы они были конкурентоспособны с теми проектами, которые Китай реализует в рамках проекта «Один пояс, один путь».

О ряде, может быть, еще более конкретных вопросов. С точки зрения демографии ограничения здесь серьезные, у нас численность населения в трудоспособном возрасте несколько сократилась, на два с лишним миллиона человек, но пенсионная реформа приводит к тому, что с 2026 по 2030 год это вырастет. Более того, демографическая нагрузка снизится. Это не означает, что нет проблемы (тем более она частично решается через миграцию), но она не является здесь самым главным фактором. Скорее, более серьезный вызов связан с качеством человеческого капитала или человеческого богатства, образованием, здравоохранением. И здесь результаты, которые у нас есть, опять же несмотря на серьезные качественные решения, связанные в том же здравоохранении, допустим, и со строительством перинатальных центров, с борьбой с раком, но уровень расходов на здравоохранение в процентах к ВВП у нас достаточно низкий. Он в 2020 году, правда, подскочил почти под семь процентов, а бюджета — до четырех с лишним. Но то, что было до этого, да и по прогнозу мы получим в ближайшие три года, это достаточно низкие показатели, которые ставят нас в конце списка развитых стран. Но расходы на образование, пять с лишним процентов, — это не тот показатель, который позволяет нам быть конкурентоспособными.

Одни из новых решений, которые необходимо было бы принять в течение нескольких лет. У нас пока сохраняется та же планка, которая была принята еще в предыдущем указе президента РФ, — это 200% ученым и врачам к средней зарплате по регионам. Сейчас только что подписан пре-

зидентом РФ указ, где правительство должно проработать фактически новые подходы к формированию средней заработной платы. Но пока это дает только право правительству устанавливать требования к зарплатам в регионах. На наш взгляд, и это не только мое мнение, моих коллег, но это обсуждают и многие специалисты, мы все-таки должны сформировать некоторую общероссийскую планку заработной платы и стандарты образовательных, медицинских услуг. Да, регионы должны иметь возможность дифференциации, но, по сути дела, в ближайшие годы можно запустить такую программу. Это, на наш взгляд, будет стоить порядка 300–400 миллиардов. В принципе, значимая сумма, но для нескольких лет вполне возможная. Приведены планки для разных специальностей врачей, то есть мы тогда сможем серьезно приблизиться к тем стандартам соотношения зарплат врачей, специалистов, терапевтов со средней зарплатой в экономике, которые есть в развитых странах. И особенно это касается младшего и среднего медицинского персонала, где наибольший дисбаланс и наибольший, может быть, дефицит, который и выявила та же пандемия.

Следующая проблема — это вопрос инвестиций в оборудование клиник, в оборудование высших учебных заведений, то же самое, как и в экспериментальную научную базу. Мы здесь отстаем катастрофически от многих стран, и, в общем-то, от той же Литвы, и других, я уж не говорю про развитые страны. По идее, это даст снижение заболеваемости, то есть даст качественные результаты, хотя понятно, здесь не одни деньги или количество коек все решает. Но это те задачи, которые ставятся и в едином плане по реализации указа Президента РФ, который правительство должно принять.

Для сокращения я здесь, как говорится, попробую все это ограничить. При этом, еще повторю, одна из серьезнейших проблем — это технологические рубежи и возможность развития. Сейчас идет реорганизация так называемых инновационных институтов развития, но при всех организационных изменениях здесь нужны, по сути дела, координация усилий государственных центров, корпоративных и серьезный рост финансирования. При этом у нас разобщены наработки, которые идут в военных целях, гражданские, и переток оттуда ноу-хау, и даже просто раскрытие прав. По сути дела, до сих пор мы этого механизма не создали, хотя говорим об этом уже лет тридцать, на моей памяти. Это дало бы огромную возможность такого научно-технологического скачка даже при том достаточно скудном финансировании, которое у нас есть.

Ну, не буду давать макрооценки. В принципе, это позволяет выйти в долгосрочном плане на темпы роста 2,6%, порядка 3% в год. Что, в общем-то, было бы серьезным результатом.

И в заключение два момента. Я уже сказал: нужен поворот на Восток. Есть, и я думаю, сегодня специалисты об этом скажут. Но это поворот на Восток не только в добычу нефти и газа, а это именно высокие переделы, нефтегазохимия, создание и развитие серьезных научных центров, и не только во Владивостоке, а все-таки в ключевых научных центрах в Томске, Новосибирске, Иркутске. Тогда мы можем получить действительно серьезный скачок и по качеству жизни, и по всему остальному.

И в этих условиях наши позиции в мире перестанут сокращаться, что мы наблюдаем в последние годы. Но здесь очень важный вопрос — союзник. И я думаю, что не только Евразийский союз и вопрос его расширения к Узбекистану с другими, включение их либо в полном формате, либо в формате ассоциированного члена (что еще надо выработать), это почти на треть увеличит потенциал этого рынка. Но это все-таки реструктурирование ШОС как, может быть, организации не только по безопасности и сотрудничеству, но организации, которая будет иметь экономическую направленность и как раз координировать экономические проекты, которые инициирует Китай, то, что реализуют Индия, Иран, с экономическими проектами России. И тогда мы действительно можем стать крупнейшим центром мировой экономики, потому что сейчас страны ШОС в таком широком смысле, ШОС плюс, — это уже более трети мирового ВВП.

Спасибо за внимание, благодарю.

ЧАСТЬ IV

МЕСТО В ЭКОНОМИКЕ.
ЧТО БЕРЕМ С СОБОЙ

**ЭКОНОМИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
ДЛЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

ЦИФРОВАЯ ЦЕЛИНА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

**ТУРИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ОТРАСЛЬ
ЭКОНОМИКИ**

**АРКТИКА — ТЕРРИТОРИЯ ДИАЛОГА ИЛИ
КОНФРОНТАЦИЙ?**

**ПИТЬЕВАЯ ВОДА. КАК УЛУЧШИТЬ ЕЕ КАЧЕСТВО
И ОБЕЛИТЬ РЫНОК?**

МЕСТО В ЭКОНОМИКЕ. ЧТО БЕРЕМ С СОБОЙ

ЭКОНОМИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Экономика здравоохранения в период пандемии коронавируса продемонстрировала необходимость оперативного решения вопросов, связанных с производством новых препаратов и способов лечения заболеваний, отчасти изменила форматы оказания медпомощи. Какие новые технологические решения появились? Как они повлияли и повлияют на здравоохранение в будущем?

По материалам программы «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург» от 10.11.2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Александр Моисеевич Элинсон,
генеральный директор Научно-исследовательской
производственной компании «Электрон»*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор*

Бодрунов: Ваша компания обладает большим опытом в создании медицинского оборудования. В чем особенность разработки производства такой продукции?

Элинсон: Когда мы говорим про медицинские изделия, принципиальными здесь являются три слова, вокруг которых крутится абсолютно всё: надежность, эффективность и безопасность. Все медицинские изделия подлежат государственной регистрации, есть довольно сложная процедура, которую нужно проходить. И надо отдать должное, государство очень оперативно отреагировало. На период пандемии было серьезное послабление по целому ряду законодательных актов, что позволило производителям в первую очередь средств индивидуальной защиты по упрощенной процедуре получить допуск на рынок с обязательством того, что производитель в течение какого-то времени сделает все необходимые процедуры и докажет безопасность.

Бодрунов: Пандемия подталкивает и вашу компанию к тому, чтобы исследовать, находить новые разработки. Какие появились у вас в связи с этой экстренной ситуацией?

Элинсон: Любые новые разработки, которые мы как компания выдали рынку в этот сложный период, были бы невозможны, если бы не было того богатого опыта, ради которого компания и создавалась. Также нам повезло, что мы относимся к системообразующим предприятиям в отрасли и предприятиям, которые отвечают за жизнеобеспечение, поэтому нас не закрывали в пандемию, мы имели возможность продолжать работать.

Мы увидели следующую ситуацию: лучевая диагностика становится очень существенным элементом диагностики новой коронавирусной инфекции. И если достаточное количество пациентов будет проходить такую диагностику, то это существенным образом будет сокращать нагрузки.

Бодрунов: Это идеологическая проблема — организация медицинско-технологического обеспечения. Мы все время говорим: надо больше коек, больше аппаратов. То, что делаете вы, — это устройство, которое позволяет отсеять и далее правильно распределить людей, — это задача не только медицинская. Я хотел бы специально обратить на это внимание. На этом примере мы видим, как грамотное, продуманное техническое решение приводит к разгрузке всей медицинской системы страны, к серьезной экономии ресурсов. Это очень серьезная вещь, и, кстати говоря, заметим, это то, чего не хватает во многих странах.

Элинсон: Помимо вопроса распределения потоков очень важно еще один момент обозначить. Если мы продиагностировали пациента на ранней фазе, обнаружили небольшое поражение легких и начали его правильно лечить, то вероятность того, что он с тяжелым осложнением потом попадет в больницу и будет получать гораздо более дорогостоящее лечение и соответствующие лекарственные препараты, занимать койку в реанимации, очень сильно снижается. Поэтому здесь налицо совокупный эффект.

Мы увидели несколько аспектов: во-первых, это безопасность медицинского персонала и пациентов. Как организован обычный кабинет КТ, я думаю, все помнят. В условиях пандемии, когда персонал работает в средствах индивидуальной защиты, ему работать гораздо сложнее. Поэтому надо было найти решение, которое даст возможность персоналу работать без средств индивидуальной защиты.

Второй аспект — это безопасность пациента. Мы понимаем, что на глаз определить невозможно, кто здоров, а кто болен, — все идет подряд. При этом у кабинетов КТ нет возможности после каждого пациента проводить полную дезинфекцию. И третий очень существенный аспект, который мы решали, заключается в той скорости, с которой проводится исследование.

Сейчас через кабинет КТ проходят три-четыре пациента в час. Мы поняли, что есть определенная маршрутизация, есть определенные средства дезинфекции, как это можно сделать, но пришли к выводу, что сделать это физически в существующем стационаре невозможно. В результате родилась концепция, которая дала возможность вывести лаборантов и врачей в «зеленую» зону, сделали три независимых помещения: помещение, в которое пациент заходит, второе помещение, где происходит исследование, и третье помещение, где он одевается после исследования. Первое и третье помещения соединены между собой буфером, который открывается с двух сторон, и все эти три помещения последовательно проходят полную автоматическую дезинфекцию, после каждого пациента.

Кроме того, стало понятно, что это должно быть мобильное решение. И мы сделали отдельный модуль, который был, кстати, представлен на Международном военно-техническом форуме «Армия». Модуль приезжает, краном разгружается и ставится прямо на территории лечебного учреждения. Если вдруг в учреждении нет электрических мощностей, можно в комплект включить генератор, и через несколько часов они уже могут начинать работу.

Бодрунов: Эта продукция востребована в стране?

Элинсон: Потребность в этом оборудовании колоссальная. На сегодняшний день есть порядка 3,5 тысячи стационаров, в которых должно проводиться исследование КТ. На них приходится 900 томографов, больше 50% из которых имеют возраст старше пяти лет, и это, как правило, простые машины. И мы видим, что каждый день в каком-то регионе останавливаются эти КТ.

Бодрунов: Да, они не выдерживают такой нагрузки.

Элинсон: Именно поэтому мы сделали мобильный вариант, который может приехать, встать в тот очаг, где это необходимо сегодня. Пропускную способность мы обеспечили 12 человек в час, плюс это будет подключение через телемедицинские каналы к любой сети, которое дает возможность, если у вас медицинского персонала не хватает, удаленно подключать нужных врачей.

Бодрунов: Это абсолютно современный подход. Вообще говоря, такого рода решения и создают возможности для экономического и социального развития и решения всех наших насущных проблем. На самом деле мы говорим об удовлетворении потребностей. А потребности наши становятся все сложнее, требуют все более и более мощной индустрии. Именно поэтому мы постоянно настаиваем на усилении роли промышленности в нашей экономике. Что именно промышленность решает все эти проблемы, особенно современная высокотехнологичная промышленность, которая работает на технологии новых укладов, которая решает насущные проблемы гораздо эффективнее, чем даже всего 15–20 лет назад. Скажите, а вам какая-то помощь государства в этом деле нужна?

Элинсон: Наше правительство на удивление максимально эффективно отреагировало на целый ряд вызовов с законодательной точки зрения. Я не побоюсь этого слова, практически в ручном режиме правительство, Росздравнадзор управляли этой ситуацией и работали 24 на 7: диалог абсолютно прямой, нас слышат, находят варианты, решения, довольно быстро согласовывают документы.

Бодрунов: Это очень важно. Потому что, с одной стороны, как только государство начинает поворачиваться к промышленности лицом, промышленность — очень благодарная часть экономики — моментально начинает дышать и, с другой стороны, дает дышать экономике в целом, повышает ее устойчивость. Но здесь еще очень важно, что чем быстрее работает промышленность, тем меньше проблем в медицине, меньше смертей, меньше тяжелых болезней. Быстрее решаются вопросы, сохраняется потенциал экономики, поднимается экономическая активность людей, это всё связанные вещи. Правительство сегодня повернулось лицом к промышленности, и нам хотелось бы, чтобы это движение не прекращалось после завершения пандемии, а было постоянным.

Элинсон: У бизнеса тоже проявился довольно высокий уровень социальной ответственности в этот сложный момент. И помимо того, что государство заказывало, много чего было запущено на свой страх и риск. У самых разных производителей появились новые продукты, потому что доступ к импортным изделиям был довольно затруднен. И заказчики стали больше смотреть в нашу сторону. Потому что раньше в большинстве случаев заказчик хотел купить какое-нибудь импортное оборудование.

Бодрунов: Думаю, по многим позициям наша продукция ничуть не уступает, если не лучше.

Элинсон: Очень важно, чтобы каждый из наших граждан начал потихоньку об этом задумываться. Потому что никакие усилия властей без поддержки населения не смогут сделать так, чтобы у нас с вами было большое количество отечественных товаров. До того момента, пока у нас в головах сидит постсоветский синдром, который воспитан дефицитом, что все лучшее — это импортное, все усилия и власти, и промышленности результатов давать не будут.

ЦИФРОВАЯ ЦЕЛИНА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Цифровизация сельского хозяйства поможет не только оптимизировать производство продукции, но в итоге способна привести к тому, что сельское хозяйство станет одним из драйверов экономики России. Что необходимо цифровизовать в отрасли? Как это лучше сделать? К чему стремиться на горизонте ближайших 30–50 лет?

По материалам программы «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург» от 09.02.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

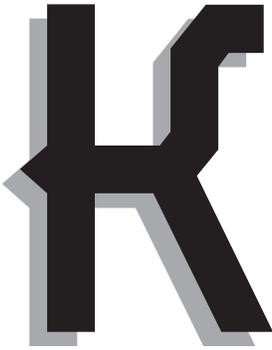

Сергей Николаевич Косогор,
заместитель директора Аналитического центра
Минсельхоза РФ, руководитель проекта по цифровизации
АПК Центра технологического трансфера из компании
НИУ ВШЭ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Казалось бы, где сельское хозяйство, а где цифровая экономика? На самом деле в сегодняшних экономических и технологических условиях это далеко не так.

Косогор: У нас на цифровизацию сельского хозяйства заход не первый. Раньше была автоматизация, потом информатизация, сейчас речь идет о цифровизации. И цифровизация в сельском хозяйстве, на мой взгляд, отчасти наступила. Поскольку крупный бизнес достаточно серьезно цифровизирован, без внедрения автоматизированных, цифровизированных, комплексов — никуда. Что касается мелкого бизнеса — крестьянско-фермерских хозяйств, — там дело обстоит чуть-чуть по-другому, и цифровизация туда только-только проникает отдельными элементами.

Бодрунов: Смысл, который вкладывают в понятие цифровизации, сегодня сильно замкнут на экономику. Это на самом деле дает предприятию очень важный эффект подстраивания под требования рынка, которые постоянно меняются и требуют быстрой реакции. Здесь, видимо, огромную роль может сыграть цифровая платформа, создание которой недавно анонсировали в Минсельхозе?

Косогор: Для сельского хозяйства цифровизация — это возможность увидеть, что происходит. Но самое главное, цифровизация, на мой взгляд, должна дать возможность спланировать производство. Мы во многом себя уже обеспечиваем. Но это значит, что, если мы и дальше будем производить не контролируя, то у нас будет перепроизводство. И я думаю, что те усилия, которые Минсельхоз предпринимает сейчас, чтобы создать так называемое единое окно, очень важны. Сейчас все разрозненно — часть информации в Росстате, часть в налоговой. И единое окно для Минсельхоза — это очень важная история.

Бодрунов: Сельское хозяйство — особая, специфическая отрасль производства, здесь есть и сезонность, и климатические факторы. Когда мы говорим об индикативных планах, о современном способе прогнозирования и планирования этой деятельности, они на самом деле предполагают использование современных технологий. И единое окно — это то самое окно, в которое можно посмотреть, как в зеркало, и увидеть, как планировать, на что ориентироваться. А для субъектов хозяйственной деятельности, а также связанных с ними логистических, перерабатывающих и других сопутствующих производств — видеть потенциальные какие-то ниши: что делать, что не делать, куда вкладываться?

На самом деле проблема цифровизации сельского хозяйства вызывает мультипликативный эффект в экономике, который может как ухудшить ситуацию, так и улучшить ее. Какие вы видите риски, когда мы внедрять начинаем такие вещи?

Косогор: Первый риск — это защита информации. Да, у нас есть система открытых данных, но также есть много персональных данных тех юридических лиц, которые работают в агропромышленном комплексе. И собирая их для анализа, для отчета, нужно очень серьезно их защищать. Кроме того, сельское хозяйство всегда было поставщиком сырья для ряда других отраслей, и передача информации между этими отраслями, если это все будет в цифровом режиме, тоже требует защиты.

Вся эта цепочка порождает вопрос подготовки квалифицированных кадров, которые должны будут обеспечивать безопасное перетекание информации из одного канала в другой, и, соответственно, правильное принятие управленческих решений на основании этих данных, чтобы информация нигде не терялась, нигде не была никем подкорректирована.

Сейчас аграрными вузами ведется серьезная работа по корректировке своих образовательных программ, чтобы там появились курсы, которые касаются как раз цифровизации.

Инфраструктура тоже важный фактор. Мы все понимаем, что не всегда в полях есть интернет. Регуляторика в части внедрения цифровых решений — это то, что тоже можно назвать риском. Вот для примера: российские станции мониторинга погоды, которые очень важны при принятии решений, очень сложно сертифицировать. А Росгидромет, который отчасти пытается коммерциализировать свои услуги, по факту никого не пускает на свою «поляну», притом что тех станций, которые есть у Росгидромета, недостаточно. Регуляторика также сдерживает активное внедрение беспилотных летательных аппаратов.

Бодрунов: Эти факторы могут негативно влиять не только на сельское хозяйство, но и на всю экономику России, если мы не будем их учитывать. А сам российский фермер — готов ли он к этому психологически? Есть ли сервисы, которые помогут ему быстро освоить эти технологии?

Косогор: На мой взгляд, готов, только, конечно же, всегда есть одно но. И это но состоит в том, что у фермера нет уверенности, что тот прибор или то хорошее устройство, которое позволяет что-то цифровизировать и автоматизировать, будет работать у него в поле, для этого нужно решить проблему инфраструктуры. Крупный бизнес иногда готов поставить вышки связи на своих угодьях, а у среднего и мелкого бизнеса есть очень много факторов, которые останавливают, — это инфраструктура, это кадры, это недостаточные меры поддержки, которые могли бы стимулировать модернизацию хозяйств. Хорошо, что наконец появились фонды, которые начали предоставлять гранты на цифровизацию сельхозпредприятий.

При этом бизнес в целом заинтересован. Ну кто откажется от того, чтобы сэкономить за счет точного земледелия на расходе удобрений, кто откажется от того, чтобы правильно спланировать доставку продукции через приложение в смартфоне? Но если это не работает в поле, то это просто дорогие игрушки, которые никому не нужны.

Бодрунов: Мне кажется, что агропромышленный комплекс уже в ближайшем будущем станет одним из высокотехнологичных секторов промышленности. А что будет дальше? Какие тенденции просматриваются в АПК на горизонте 30–50 лет?

Косогов: Я участвовал в рабочей группе по подготовке дорожной карты рынка НТИ Фуднет 2.0. В рамках этой дорожной карты определили шесть направлений развития ситуации в области АПК РФ. Мы считаем, что будет развиваться умное сельское хозяйство, появятся еще больше наших стартапов и цифровых платформ, которые помогут производить качественную и безопасную продукцию. Конечно же, будет выделяться сегмент биологизированного органического сельского хозяйства, поскольку мы сейчас понимаем, что есть мощный тренд на органику, на чистые органические продукты. Все это приведет к тому, что, как мы считаем, появятся альтернативные источники сырья. Да, многие думают о водорослях, о кузнечиках. Конечно, количество наших земель и природные условия позволяют нам, наверное, еще много лет производить качественную продукцию не из кузнечиков. Но думать об этом надо, чтобы наши ученые получили возможность разрабатывать эти направления, получили финансирование и были готовы — если вдруг через какое-то время очень серьезно изменится климат.

Следующее направление — это персонализированное питание, и следующий сегмент, мы считаем, — это умная упаковка. Умная упаковка, контроль доставки, контроль производства — думаю, у нас в этом отношении есть большой задел. Но, разумеется, нужно серьезно работать в рамках экспорта и кооперации, чтобы пробить международные рынки. Только нужно заранее подготовить почву бизнесу и подготовить регуляторную почву, в том числе в межстрановых соглашениях, чтобы когда у нас будет эта продукция, мы не ждали по полгода, когда разрешат ее везти.

Бодрунов: Я думаю, что перспективы у нас в АПК неплохие, и то, что этим вопросом занимаются не только в правительстве, но и в рамках Национального проекта и карт НТИ, говорит о том, что наконец-то в этом деле появляется комплексный подход. И отрасль из известного с советских времен состояния дыры в экономике может превратиться в курицу, которая несет золотые яйца, которые будем есть не только мы с вами и наши дети и внуки, но и всё окружающее экономическое пространство.

ТУРИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ОТРАСЛЬ ЭКОНОМИКИ

По данным Всемирной туристической организации, в 2020 году количество иностранных туристов во всех странах снизилось на 75%, что вернуло индустрию на уровень 20-летней давности. Внутренний туризм в России пытались поддержать на государственном уровне. Справилась ли отрасль с последствиями пандемии? Каковы перспективы ее развития?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 22.02.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Вадим Викторович Прасов,
вице-президент Федерации рестораторов и отельеров
России, заместитель заведующего кафедрой
«Менеджмент в индустрии гостеприимства» Российской
академии народного хозяйства и госслужбы при
Президенте РФ

Елена Александровна Джанджуазова,
профессор Российского экономического университета
им. Плеханова, доктор экономических наук

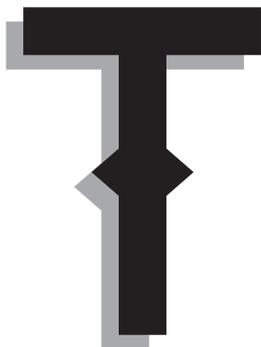

Галина Максимовна Романова,
ректор Сочинского государственного университета,
профессор кафедры управления и технологий в туризме
и рекреации, руководитель Краснодарской региональной
общественной организации ВЭО России

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Туризм в России, наверное, притча во языцех — все рассуждают о том, что лето прошлого года пропало для отрасли, выехала небольшая часть людей, в Россию приехало мало туристов. На этом фоне Правительство России предприняло мощные усилия, подержав развитие внутреннего туризма. Как вы оцениваете состояние российского внутреннего туризма? Справилась ли отрасль с последствиями пандемии?

Прасов: Ситуация неоднородная, пандемия прошла для городских и для курортных отелей по-разному. Если мы в городских отелях, особенно в двух столицах, видели очень сложную ситуацию в первую волну, средняя загрузка по рынку была 6–7%, то в регионах где-то отели были закрыты по распоряжению властей, где-то они продолжали работать, но тоже с минимальной загрузкой.

Если говорить про курортные отели, то там ситуация была несколько иной. И уже с июня мы увидели всплеск бронирований. Единственное, что он был, наверное, с некоторым перекосом на отели уровня 4–5 звезд, поскольку при закрытых границах россияне предпочли бронировать российские курорты уровнем выше среднего. Можно сказать, что курортные отели не пострадали, по крайней мере, у них не было таких ощутимых минусов, как у отелей городских.

Индустрия еще не справилась, она еще справляется. И я думаю, что на полное восстановление уйдет как минимум два года.

Бодрунов: Правительство ввело в действие программу кешбэка для поддержки и восстановления спроса на внутренний туризм. Есть ли уже предварительная оценка результатов программы?

Джанджугазова: Как сейчас говорят специалисты, в частности, нашей национальной туристской администрации и Ростуризма, и аналитики рынка, из 11 мер поддержки, которые правительство предложило рынку, три меры поддержки сработали отлично, и туристские организации, туристская индустрия ими воспользовались, в том числе кешбэком, он стоял на втором месте по популярности. Первой была мера отсрочки исполнения обязательств перед туристами. И третья мера — это, конечно, те кредиты, которые были выделены в том числе на выплату заработной платы.

Бодрунов: Многие туристические организации — это все-таки малые предприятия...

Джанджугазова: Любая кризисная ситуация ведет к тому, что закрывается очень большое количество туристских предприятий и организаций. Сокращение на уровне юридических лиц небольшое, в пределах 10%. Больше всего, конечно, пострадали турагентства и сектор самозанятых, там потери на уровне 30–40%. В целом это потери, безусловно. Но они не катастрофические.

Бодрунов: Какие меры поддержки отрасли будут способствовать развитию внутреннего туризма?

Романова: Среди мер, направленных на поддержку развития внутреннего и въездного туризма, я бы выделила две группы. Первая — это меры, носящие стратегический долгосрочный характер, и меры тактического характера. Важнейшей стратегической мерой является принятие национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», который находится сейчас в стадии подготовки и обсуждения. На данный проект предусмотрено 525 миллиардов рублей, в соответствии с ним предполагается развитие новых туристских территорий, таких как «Большая Волга», «Большой Урал», «Байкал», «Алтай».

С точки зрения тактических мер поддержки развития внутреннего и въездного туризма я бы также выделила две основные группы мер: направленные на стимулирование спроса и направленные на стимулирование предложения. По мнению экспертов и аналитиков, наиболее масштабной считается мера, связанная с реализацией так называемого проекта «Кешбэк».

С точки зрения стимулирования и поддержки предложения наиболее популярными оказались меры, связанные с отсрочкой налоговых обязательств по несостоявшимся турам, и субсидирование расходов на заработную плату. Положительный эффект снижения налогов в турсфере уже испытали многие страны, такие как Бельгия, США, Великобритания и Турция. Эксперты Всемирной туристской организации на примере Великобритании показали, что снижение ставки налога на добавленную стоимость с 25 до 17% в первое время уменьшает величину фискальных сборов, но уже через два года поступления в бюджет сравниваются с базовым уровнем, затем увеличиваются. На мой взгляд, этот механизм поддержки и стимулирования у нас пока еще слабо задействован, и считаю целесообразным более серьезно его проработать.

Бодрунов: Какие меры поддержки отрасли наиболее важны сейчас, в ближайшее время?

Прасов: Я позволю себе высказаться по поводу беспрецедентности мер поддержки. Сложно однозначно со стороны отельного рынка назвать их такими ровно по той простой причине, что предприятия Москвы, по сути своей, только 50% номерного фонда в Российской Федерации. И, скажем так, мы как раз отраслевых мер поддержки так и не дождались. Малые и средние предприятия были поддержаны, крупные, к сожалению, никак, поэтому сложностей в индустрии достаточно.

Вторая история, которая была связана с ОКВЭД, тоже вызывала вопросы, потому что не у всех в гостиничной отрасли 55-й ОКВЭД, часть предприятий выпала из мер поддержки по этой причине.

Я положительно оцениваю кешбэк в том виде, в котором он запущен. Наверное, эту программу просто надо расширять, продвигать и рекламировать.

Что же касается индустрии в целом, то было бы здорово, если бы программу отсрочек, которая была в итоге, вывели в режим налоговых каникул, поскольку простой, на самом деле, у предприятий были огромные.

Но самое главное, самое глобальное, на мой взгляд, это стимулирование как минимум внутреннего спроса в ситуации, которую мы сейчас видим с закрытыми границами.

Джанджугазова: Если говорить об экономических мерах поддержки, я думаю, они должны быть дополнены не только федеральными, но и региональными. У нас же консолидированный бюджет, на какие-то региональные, местные налоги могут быть введены налоговые каникулы. Предприятия почувствуют какое-то облегчение.

Программу кешбэка нельзя переоценивать, но тем не менее она оживляет рынок. Я думаю, что, систему стимулирования развития внутреннего туризма нужно продолжать.

Бодрунов: Согласно опросу Национального агентства финансовых исследований, НАФИ, 67% европейцев вообще ничего не знает о туристических достопримечательностях России, а 20% не едут к нам, потому что дорого, дороже, чем во многих других странах. Какие меры могли бы увеличить поток туристов из-за рубежа?

Джанджугазова: Въездной туризм в 2020 году фактически сошел на нет, и здесь что-либо сделать трудно. Хотя электронная виза, конечно, должна все-таки свою роль сыграть. Но как дальше будут развиваться пандемические меры, трудно сказать. Тут никакими, извините, достопримечательностями людей не заманишь.

Бодрунов: Представим себе, что все, прошла пандемия.

Джанджугазова: Меры предпринимаются, вот в данном случае та же самая электронная виза. Вторая сторона — года два назад было принято решение правительства о прямом субсидировании туроператоров за привлечение туристов из определенных стран. В списке, конечно, не все страны, где-то около полутора десятков наиболее развитых, которые дают качественный туризм.

То, что касается информационной стороны, я думаю, что информация о российском туризме, о российских возможностях, доступна, просто существуют разные модели поведения в странах. Европейские потребители, итальянцы, например, французы или испанцы, в основном потребители своего собственного продукта.

Конечно, надо работать над повышением привлекательности нашей страны, прежде всего над туристской инфраструктурой. У нас есть регионы, где она создана на хорошем уровне. Но если в целом по стране рассматривать, мы еще значительно уступаем.

Другой вопрос, насколько нам это нужно? Я думаю, что развитие внутреннего туризма в большей степени все-таки стимулирует развитие внутренней инфраструктуры. Аналитики предсказывают, что активно будет развиваться автомобильный туризм, в том числе и личный, и все это потянет за собой развитие придорожной туристской инфраструктуры. Это для нас, для нашей страны, крайне важно. Это гораздо важнее, чем занять какие-то сегменты въездными туристами.

Бодрунов: Благодаря реализации нацпроекта «Туризм» предполагается, что количество рабочих мест в отрасли вырастет более чем вдвое, количество поездок россиян по стране — втрое. Предполагается также и очень приличный рост въездного туризма. Конечно, очень бы хотелось видеть, что это за собой повлечет и снижение цен или, по крайней мере, сдерживание их роста в этом секторе.

Во всяком случае у меня лично есть некоторая надежда на то, что, если уж взялись на уровне нацпроекта развивать туризм, то что-то хорошее из этого может получиться, а мы с вами сумеем обеспечить наших граждан возможностью побывать в разных уголках страны. И это будет одним из очень важных факторов развития, патриотического воспитания молодежи, воспитания добра и понимания друг друга.

АРКТИКА — ТЕРРИТОРИЯ ДИАЛОГА ИЛИ КОНФРОНТАЦИЙ?

В Арктике находится до четверти мировых нефтяных и газовых месторождений, там добывают в том числе золото и алмазы, цинк и олово. Так что не удивительно, что самые большие страны мира конкурируют за эти богатства. Грозит ли подобное соперничество миру новой холодной войной и сможет ли Россия сохранить ведущие позиции в этом регионе?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 28.11.2020 года

Василий Игоревич Богоявленский,
член Правления Вольного экономического общества
России, заместитель директора по научной работе
Института проблем нефти и газа Российской академии
наук, член-корреспондент Российской академии наук

Иван Васильевич Петров,
первый заместитель декана факультета экономики
и бизнеса Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Андрей Олегович Загорский,
руководитель отдела разоружения и урегулирования
конфликтов ИМЭМО РАН, к. и. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: По оценкам Геологической службы США, в Арктике расположено до четверти всех мировых запасов нефти, газа, кроме того, там есть золото, алмазы, уголь, свинец, цинк, железо, олово. Сегодня разрабатывается лишь малая часть этих богатств. И не удивительно, что в Арктике разворачивается жесткая конкуренция крупных держав. Перерастет ли это соперничество в холодную войну? Удастся ли России удержать за собой лидерство в освоении региона? Начнем с чего, чем важна для нас Арктика?

Богоявленский: Это колоссальная кладовая полезных ископаемых, в первую очередь углеводородов, очень много угля и очень много различных драгоценных металлов, алмазов. Пока разрабатывается очень небольшая доля, но вместе с тем по состоянию на конец 2019 года в Арктике уже добыто свыше 22 миллиардов тонн нефтяного эквивалента. Это преимущественно газ, конечно, но тем не менее величина колоссальная. И роль ресурсов углеводородов в России колоссальная. Суммарно это дает примерно 50% общей добычи ежегодно, а по добыче газа — 90% в отдельные годы, и сейчас немного превышает 80%. То есть можно смело утверждать, что без Арктики, без ресурсов Арктики, Россия не была бы столь великой державой, которой она является в данный момент.

Петров: Важным ресурсом является и пространственный. Это огромнейшая территория, которая позволяет нам граничить со многими странами, территория, которая позволяет реализовывать новые инфраструктурные проекты, связанные с развитием Северного морского пути. Естественно, любое государство прирастает проектами, и этот — самый мощный, который может быть двигателем для всей экономики. Единственное — нужно с очень большим вниманием отнестись к уязвимости данной территории с точки зрения экологии, это, конечно, большой риск.

Бодрунов: Во многих странах продвигают мысль, что Арктика — это не только территория доминирования прилегающих стран. Якобы все государства должны иметь к ней доступ. В частности, позиция Китая такова, что Арктика — это мировое достояние, необходимо принимать во внимание интересы всего человечества, а не только арктических держав. Какие риски такого рода позиции для нас создают?

Петров: Да, это риск. Но в то же время мы не можем реализовывать проекты без инвестиционных ресурсов, без технологий. Конечно, когда другие страны претендуют на участие в наших проектах, это даже приветствуется. Но если эти страны будут претендовать на участие в своих проектах без нас, то это не совсем правильно. Наш путь есть Арктический совет — мы можем на международном уровне установить те правила, которые будут устраивать все приполярные страны.

Бодрунов: Допустим, мы привлекаем инвесторов. Но очень часто бывает так, что наше внутреннее законодательство не позволяет нам контролировать эти инвестиционные проекты. Сейчас что там происходит?

Богоявленский: Если говорить о суше, то на ней действует законодательство тех государств, которые выходят непосредственно в арктические территории. И здесь однозначно хозяйственной деятельностью, экономикой управляет исключительно законодательство государств. Если говорить о шельфе, то здесь существует, во-первых, мировое законодательство касательно Мирового океана. Но существуют и особенности, в том числе исторические, которые необходимо учитывать. Многие страны считают, что Арктический океан — тем более сейчас, когда летом он все больше раскрывается, — становится общедоступным, что здесь должны действовать законодательства, которые определены для Мирового океана. Однако большую часть года акватория Арктики замерзает — существует определенная специфика, и не учитывать ее нельзя.

Также нельзя не учитывать, что если будет свободное, неконтролируемое движение в водах Арктики, то в случае каких-то чрезвычайных событий в первую очередь придут на помощь, согласно мировому законодательству, государства и их средства спасения, в водах которых произошло это событие. А отвечает за последствия, устраняет эти последствия государство, которому нанесен вред. Мы не можем с этим согласиться. И поэтому прямое применение законодательства, которое существует для Мирового океана, здесь неприемлемо.

Действительно, многие страны как минимум очень интересуются Арктикой — как шельфом, так и сушей. С точки зрения проведения научных исследований, без сомнения, эта территория должна быть открыта для международного сотрудничества, должны работать международные экипажи и на полярных станциях: как на суше, так и во льдах, и на акваториях.

Бодрунов: Там, где существует экономическая конкуренция, там, к сожалению, возникает такое малоприятное явление, как милитаризация пространства, будь то космическое пространство, будь то Арктика. США и Канада ведут активную милитаризацию Арктики, мы тоже, в общем-то, укрепляем наше военное присутствие. Не станет ли Арктика пороховой бочкой?

Загорский: Когда мы говорим о военной деятельности в Арктике, мы должны иметь в виду, что это деятельность в более теплых морях — Баренцевом и Норвежском. Здесь пересекается деятельность нашего Северного флота с американским Вторым флотом. И эта деятельность относится не столько к самой Арктике, сколько к Северной Атлантике, поскольку Второй флот, его главная задача, — это обеспечение безопасности морских коммуникаций между Северной Америкой и Европой.

Изменение обстановки не предвидится. Если взять доклад межправительственной группы экспертов по изменению климата от 2019 года, специально посвященный криогенным областям Земли, в том числе полярным областям, то прогноз таков: если мы удержим потепление климата в пределах 1,5 градуса, то вероятность того, что Северный Ледовитый океан будет полностью оттаивать на очень короткий период времени летом, равна 1%, то есть в среднем примерно 1 раз в 100 лет. При этом мы должны понимать, что большая часть арктических морей опять полностью замерзает на весь зимний период. То есть пока климатическая ситуация не будет меняться и пока не будет каких-то очень важных интересов у арктических стран в этом регионе, никто не будет вкладывать средства в развитие военной деятельности и создание инфраструктуры.

Бодрунов: Насколько рентабельно сегодня заниматься освоением арктических месторождений и как обстоят дела с экологической безопасностью при освоении ресурсов?

Богоявленский: В ряде случаев освоение шельфовых месторождений, в том числе и в Арктике, может оказаться более рентабельным, чем освоение сопредельных территорий суши. Дело в том, что суша Арктики в большей степени заболоченная, здесь необходимо реально строить инфраструктуру практически на болотах. Причем эта территория летом превращается в болото, а зимой замерзает. И строительство, в частности, железной дороги на Ямале или трубопроводов в разы дороже, чем на обычной материковой суше, где нет мерзлоты.

На шельфе, в принципе, возможна установка платформ вблизи побережья. Но еще более рентабельно будет бурение наклонных скважин с берега. Сейчас длина ствола таких скважин — мировой рекорд, установленный на Сахалине, — 15 километров. Из них больше 12,5 километра по горизонтали. По такому пути идут Соединенные Штаты на шельфе Аляски. Россия построила платформу Приразломное. Пока что такая платформа действует в Арктике в единственном экземпляре. Это дорого, но вместе с тем достаточно рентабельно, чтобы этот проект окупался.

Бодрунов: А достаточно недавняя история с проблемами, которые были связаны с разливом нефти? Такого рода сложности как-то в наших программах предусматриваются?

Петров: Когда мы говорим о проектах в Арктике и о конкретных инвесторах, то подходы к отбору этих инвестиционных проектов должны быть очень строгие. Соответствующие структуры на федеральном уровне у нас существуют, которые, когда дается, допустим, статус резидента арктической зоны, могут установить дополнительные требования — требования нулевого негативного воздействия на окружающую среду, требования, связанные со страхованием различных возможных ущербов.

Это значительные затраты, но компании идут на них, потому что без этих обязательных издержек, связанных с обеспечением безопасности, невозможно осуществлять инвестиционную деятельность. И, честно говоря, когда мы видим многие проекты, которые реализуются со стороны Российской Федерации, то цель этих проектов не только получение прибыли, а еще и развитие Арктики, развитие инфраструктуры. И конечно, надо не забывать о населении, которое находится в Арктике, чтобы не вся страна получала, скажем так, удовольствие от того, что мы добываем ресурсы в Арктике, но в первую очередь это удовольствие получало местное население, чтобы они видели, что

от реализации новых проектов уровень жизни улучшается. Но, к сожалению, пока мы это не можем наблюдать на большей территории Арктики.

Бодрунов: Действительно очень важно, чтобы те люди, которые живут на осваиваемой территории, чувствовали себя причастными к этому большому делу не только в идеологическом плане, но и в материальном ощущении. Это требует очень серьезной нагрузки на бизнес. Может быть, здесь и государство могло бы сыграть какую-то свою важную, в том числе и материальную, роль?

Петров: Здесь мы видим обратные процессы, когда нефтяные компании получают преференции, связанные со снижением налогообложения. Эти налоги, в принципе, должны были бы идти в бюджет данной территории. Но можно привести пример, допустим, норвежских нефтяных компаний. Они, добывая углеводороды, активно развивают на территориях малый и средний бизнес. Многие бизнес-процессы отдаются местному населению, и таким образом местное население принимает участие в реализации проектов, оказывая различные виды услуг большим компаниям. Тогда уже происходит развитие самих поселений, они получают соответствующий доход. И государство здесь участвует только в виде поддержки малого и среднего бизнеса. Это наиболее эффективный путь развития.

Бодрунов: Может быть, здесь нужен какой-то средний путь, где, с одной стороны, целевая точечная поддержка специальных проектов, но, с другой стороны, важно было бы для отрасли установить понятные нормы, не связанные с большими преференциями? А государство брало бы на себя централизованно, целенаправленно развитие инфраструктуры под деятельность бизнеса?

Богоявленский: Если бы не было налоговых послаблений для арктических проектов, то многие из них не состоялись бы, в том числе проект «Ямал СПГ» в Сабетте, однозначно. Но есть и эффект накапливания. Каждый последующий проект с учетом уже созданной инфраструктуры становится более рентабельным, и государство может потихонечку увеличивать налогообложение, в том числе и предыдущих проектов. Но здесь нельзя забывать и то, что мы обязаны развивать Арктику. Вот, например, построена железная дорога, она очень дорого обошлась. Но это позволит повысить эффективность практически всех проектов. Нельзя забывать, что железные дороги, аэропорты, которые способны принимать самолеты любых типов, в случае необходимости могут способствовать быстрой переброске

и войск. Мы надеемся, что до этого не дойдет, но чем лучше мы будем готовиться, тем больше шансов, что до этого не дойдет. У России по-прежнему, как мы убеждаемся, всего два союзника — это армия и флот, и государство делает все для того, чтобы сохранить свою целостность.

Бодрунов: Я думаю, что это очень важная позиция, потому что она отражает комплексный взгляд на проблему. Здесь должно быть взаимодействие многих министерств — и Минэнерго, и Минприроды, и Минобороны. Я хотел бы обратить внимание на то, что многие направления развития зафиксированы программным документом — в конце октября 2020 года была утверждена стратегия развития Арктики до 2035 года. Как вы оцениваете то, что получилось?

Петров: Самое главное, что стратегия есть. Это уже хорошо. Хотя, конечно же, делать стратегию на 15-летний период, притом что проекты, которые сегодня реализуются в Арктике, рассчитаны на больший срок...

В стратегии есть упор на социальную часть, но нет понятных финансовых механизмов — длинных денег, облигаций. Поэтому есть определенный риск того, что многое из намеченного в этой стратегии, с учетом опять же изменений на мировых рынках, может быть не реализовано.

Богоявленский: Мне довелось практически в течение двух лет достаточно активно участвовать в создании и совершенствовании этих документов. И я хочу сказать, что мы, ряд экспертов при Совете Федерации и Госдуме, при Госкомиссии, испытываем большое удовлетворение от работы, поскольку у нас были постоянные контакты с ответственной организацией — это Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Бодрунов: Очень важно, что стратегия есть. Очень важно, что мы непрерывно занимаемся Арктикой, и есть некоторая преемственность в документах, и есть развитие тех позиций, которые присутствовали в предыдущих документах. Важно, что в освоении региона наметились очень серьезные сдвиги, намечаются большие, серьезные инвестиции, ставятся серьезные задачи. Будем надеяться, что Арктика останется зоной наших истинных интересов, но при этом и зоной мира.

ПИТЬЕВАЯ ВОДА. КАК УЛУЧШИТЬ ЕЕ КАЧЕСТВО И ОБЕЛИТЬ РЫНОК?

Россия занимает лидирующие позиции в мире по запасам природной питьевой воды, в то же время по уровню ее потребления мы серьезно отстаем от многих стран мира. Каким образом привести в порядок рынок питьевой воды? Нужно ли маркировать воду и что должно быть указано на маркировке? Есть ли экспортные перспективы у рынка питьевой воды?

По материалам программы «Дом “Э”» на телеканале ОТР от 20.03.2021 года

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Герасимович Митин,
член правления Вольного экономического общества
России, первый зампред комитета Совета Федерации по
аграрно-продовольственной политике
и природопользованию, д. э. н., профессор

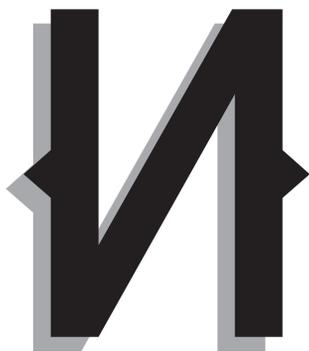

**Максим Николаевич
Новиков,**
президент Союза производителей безалкогольных
напитков и минеральных вод

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития
им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Известно, что вода, которую мы пьем, влияет на продолжительность жизни. А это, в общем-то, основная важная задача, которая стоит сегодня перед нашим российским обществом: как нам улучшить качество нашей жизни, ее продолжительность? Поэтому улучшение качества питьевой воды, которое, к сожалению, в России пока недотягивает до международных стандартов, очень важно для выполнения задачи, которую поставил президент России. Напомню, что ожидаемая продолжительность жизни в России должна увеличиться до 78 лет к 2024 году и до 80 лет к 2030 году. Законопроект о безопасности упакованной питьевой воды — это очень важный и серьезный документ. Что происходит на этом рынке?

Митин: Рынок упакованной питьевой воды составляет примерно 7,5 миллиарда литров в год, на человека приходится где-то 51 литр в год. В Италии — 150 литров, в Соединенных Штатах — 130 литров, в Евросоюзе — в целом за 100 литров. Объясняется это, во-первых, культурой потребления. Люди понимают, что вода — это источник жизни, понимают, что воду хорошего качества из под крана тяжело получить. Поэтому они покупают бутилированную воду. И я должен сказать, что, несмотря на отставание, мы идем вперед достаточно большими темпами. Каждый год, мы проанализировали последние примерно 7–10 лет, идет увеличение от 2 до 7% объема рынка упакованной питьевой воды.

Есть вода в бутылках, есть вода в кулерах. Есть вода в розлив, сегодня этот рынок тоже растет достаточно интенсивно. Сегодня он составляет где-то до 10% общего объема от 7,5 миллиарда литров.

Поэтому к теме надо относиться очень внимательно. И сегодня водой занимаются более десяти министерств и ведомств. С одной стороны, это хорошо. С другой — важно, чтобы не получилось у семи нянек дитя без глаза.

Бодрунов: А что у нас с качеством питьевой бутилированной воды? Это растущий рынок, под этот спрос лезут мошенники...

Новиков: Данные Роспотребнадзора показывают, что, по итогам проверки рынка в первом полугодии 2020 года, продукции, не соответствующей заявленным требованиям, выявлено менее 2%. Основные вопросы у нас вызывает такая категория, как товары-имитаторы, когда у нас под известные бренды маскируются производители, выпускающие ту или иную воду. Как правило, этой ситуации подвержены воды из реестра наименований места происхождения товара. Подобная ситуация имеет место быть в отношении самых популярных вод, как правило.

Бодрунов: При подготовке законопроекта о безопасности упакованной питьевой воды был проведен детальный анализ национального законодательства в области обращения упакованной питьевой воды. Какие вопросы остаются пока не урегулированными? И на решение каких проблем направлен законопроект?

Митин: Базовым законом сегодня является закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Воде мы решили уделить особое внимание, потому что на базе воды, кроме того что она сама является пищевым продуктом, создается много других пищевых продуктов.

Существующий закон предусматривает создание национальной системы прослеживаемости продуктов питания. Это некая система, которая позволяет в любой момент на любом этапе изготовления продукта питания определить, откуда он, где он, какая предыдущая операция, последующая, его качественные характеристики. Эта система предусматривает создание, во-первых, реестра источников воды. Должен сказать, что значительная часть нашей воды поступает из водопровода. Крупные компании берут воду из системы централизованного водоснабжения, обрабатывают ее, добавляют необходимое количество химикатов, чтобы вода соответствовала параметрам, упаковывают и предлагают потребителям.

Так вот, система прослеживания позволяет осуществить контроль. И чтобы он осуществлялся в режиме реального времени, применяется современная мировая система маркировки товаров средствами идентификации. И уже у нас, кроме контролирующих органов, вступает, как и должно быть, в процесс контроля сам потребитель: для того чтобы определить, откуда вода, необходимо поднести к цифровой маркировке смартфон, и нам моментально высветится весь ее путь от самого начала и до конца технологической цепочки производства товара.

Нормы Санитарно-эпидемиологической службы требуют, чтобы источник воды был настоящим образом оформлен. Должны быть зоны охраны этого источника, где запрещены сливы. Это все контролируется нашим специальным санитарно-эпидемиологическим законодательством. Всё это, все эти требования мы собираемся поместить в проект федерального закона, который установит национальную систему прослеживания, позволяющую в процесс контроля за качеством воды включить, самое главное, потребителей, включить торгующие организации, организации-посредники — и, безусловно, при четком внимании со стороны органов власти.

Бодрунов: Когда я вникаю в те или иные технологические законы, а это закон в большой степени технологический, я всегда задаю себе вопрос: насколько это реализуемо с точки зрения финансовых затрат, с точки зрения изменения инфраструктуры логистики, информационной инфраструктуры, требует ли это каких-то новых систем контроля или ложится на уже существующую инфраструктуру, дополняя ее, развивая ее и не требуя каких-то колоссальных затрат, но давая полезный эффект?

Митин: Могу совершенно уверенно сказать, никаких триллионов и даже миллиардов рублей не понадобится. Не надо строить никаких исследовательских центров, ничего, надо будет просто четко организовать существующую работу. Основные затраты пойдут на систему маркировки средствами идентификации, которые потребуют от производителя в линию по розливу воды установить приборы, считывающие устройства и наносящие устройства на этикетку.

Специальным распоряжением правительства еще в 2020 году было принято решение о начале эксперимента по добровольной маркировке упакованной питьевой воды средствами идентификации. В ближайшее время выйдет постановление, которое отнесет воду к продуктам, на которую обязательно нанесение средств идентификации. Те затраты, которые понесут компании, на наш взгляд, глобального размера не будут иметь, зато сократится рынок фальсифицированной, контрафактной воды, а тот, кто производит нормальную, качественную воду, увеличит объем выпуска своей продукции. Во-вторых, производители воды будут иметь четкую систему логистическую, позволяющую определить, где, сколько, как продается его вода. И это тоже сократит часть затрат бизнеса.

Бодрунов: Не получится ли так, что наши специалисты в области продаж питьевой воды, добычи питьевой воды, бутилирования ее, будут брать воду из резервуаров, проверять ее и говорить, что эта вода тоже экологически чистая, хорошая. Хорошо ли это или плохо, как вы это оцениваете?

Митин: Это очень важный вопрос, потому что мы не говорим, что вода, текущая в водопроводе, должна быть хуже по своим характеристикам, чем та, которая продается. Но дело в том, что вода, которая течет по трубам централизованного водоснабжения, она является коммунальной услугой, и свойства ее должны соответствовать определенным ГОСТам питьевой воды. Вода же, которую мы продаем и покупаем в виде бутылочки, эта вода — пищевой продукт.

На самом деле сегодня, к сожалению или к счастью, большинство компаний располагают свои заводы по производству питьевой упакованной воды в крупных городах, миллионниках, потому что рядом рынок сбыта. Естественно, воду они берут в большинстве случаев из водопровода. Затем добавляют туда определенные химические соединения, соответствующие требованиям уже пищевого продукта. И эту воду упаковывают по бутылкам и предлагают населению. Вода эта — хорошая, качественная, она соответствует всем параметрам. Но в то же время мне позволительно, в соответствии с Конституцией, знать, что я, как потребитель, пью: воду обработанную, упакованную или воду, добытую из-под земли, так называемую подземную воду, природную.

Наша задача — чтобы человек знал, какую воду покупает. Пришел в магазин, и в требованиях сегодняшних технических регламентов должно быть написано: вода питьевая природная или вода питьевая обработанная. И та, и другая вода позволительная, хорошая, но я должен знать, какую я воду потребляю.

Надо еще отметить такой факт, что Россия, в отличие от многих других стран, обладает огромными запасами питьевой природной воды, которая сама по себе с каждым годом становится настоящим народным достоянием. Она может стать и важной экспортной составляющей. Я сомневаюсь, чтобы, например, Швейцария или Великобритания, другая какая-то страна покупала воду из России, которая является обработанной. А вот природную воду, тем более минеральную, полезную, лечебную, лечебно-столовую, конечно, с удовольствием любая страна купит.

Бодрунов: Чистая вода — это наше здоровье. Это касается всех, и это очень важно для каждого человека. Мы выросли в городах, питьевой воды настоящей, чистой не видели. Многие наши проблемы, многие наши болезни от того, что мы как раз не потребляем нормальную природную воду. А Россия — это, вообще-то, кладезь этой самой чистой воды. По прогнозам Организации Объединенных Наций в середине 21-го века численность людей, живущих при постоянной нехватке воды, превысит 4 миллиарда человек. А Россия все-таки, мы говорим, лидер по запасам природной питьевой воды. Это может стать нашим серьезным конкурентным преимуществом в долгосрочной перспективе. И я надеюсь, что благодаря законопроекту, о котором мы сегодня поговорили, на рынке бутилированной воды будет наведен настоящий порядок, и перед страной откроются реальные новые перспективы, в том числе и экспортные.

PLACE IN THE ECONOMY. THE BAGGAGE

DRINKING WATER: IMPROVING QUALITY AND MARKET TRANSPARENCY

Russia is a world leader by its natural drinking water reserves. At the same time, when it comes to water consumption, we are drastically lagging behind other countries in many respects. How do we streamline the drinking water market? Should water be labeled and what should be on the label? Does the drinking water market have export potential?

Based on the DOM E program on the OTR television channel, March 20, 2021

Sergei Mitin,
*Board Member, Free Economic Society (VEO of Russia),
First Deputy Chair,
Federation Council Committee on Agriculture and Food Policy
and Environmental Management,
Doctor of Economics, Professor*

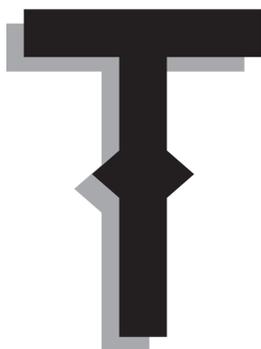

Maxim Novikov,
*President,
Union of Soft Drinks & Water Producers*

Sergei Bodrunov,
*Director of the Witte Institute
for New Industrial Development,
President of Free Economic Society (VEO of Russia),
Doctor of Economics, Professor*

Sergei Bodrunov: The kind of water we drink is said to affect life expectancy, which is actually a key challenge facing Russian society. How do we improve the quality of our life and its span? In this regard, improving the quality of drinking water, which, unfortunately, is still below international standards, is very important for achieving the target set by the President of Russia. Let me remind you that the target for life expectancy is 78 years by 2024, and 80 by 2030. The draft law on safe packaged drinking water is a very important and serious document. What is happening in this market?

Sergei Mitin: The market for packaged drinking water has reached about 7.5 billion liters per year, and about 51 liters per person per year. In Italy, this figure is 150 liters, in the United States, 130 liters, and in the European Union, a total of 100 liters. This is primarily explained by the different culture of consumption. People there understand that water is the source of life. They know that tap water is unlikely to be of good quality, and buy bottled water, which is safer. Still, I must say that, despite the lag, we are moving forward fast enough. Every year – we have analyzed the last 7-10 years – the drinking water market grows by 2% to 7%.

There is bottled water on the market, and there are solutions for water coolers. There is also bulk water for point of use dispensing, and this segment is also growing fast. It already accounts for as much as 10% of the total 7.5 billion-liter market.

Therefore, this problem deserves much attention. More than 10 ministries and agencies are addressing it. On the one hand, attention is good. On the other hand, many commanders sink the ship, and this is not something we would want.

Sergei Bodrunov: What about the quality of bottled water? It is a growing market, and fraudsters are eager to help meet the heightened demand.

Maxim Novikov: Rospotrebnadzor statistics suggest a market inspection in the first half of 2020 found less than 2% of products that failed to meet the requirements. Most of the problems had to do with so-called imitated goods, that is, local water producers masquerading as well-known brands. This mostly happens with products from the register of Protected Designation of Origin and the most popular waters, as a rule.

Sergei Bodrunov: While developing a draft law on safety of packaged drinking water, legislators conducted a thorough analysis of the national legislation as regards packaged drinking water distribution. What issues are yet to be regulated? What problems the draft law is aimed at?

Sergei Mitin: The framework law today is the Law on Quality and Safety of Food Products. We chose to give particular attention to water as it is a food product and is also used as an essential ingredient for making numerous food products.

The existing law implies creating a national system of monitoring food products. This is a system that allows us to identify the origin of the product, trace a previous and further operation at any moment and stage of production, and see its quality characteristics. The system also stipulates developing a water resource registry. I have to say that major amount of water we use is tap water. Major manufacturers take water from the centralized water supply system, which is treated with a necessary amount of chemicals added to comply with required parameters, and then bottled and offered to customers.

The monitoring system allows us to perform control. In order to conduct it in a real-time mode, an advanced international system is used for marking products with identification labels. Along with supervisory agencies, consumers become participants in the supervision process as well: to identify the source of water, one has to point their smartphone at the numerical tag, which will show the entire path from the beginning to the end of the production technological chain.

The regulations issued by the Sanitary and Epidemiological Service require that the source of water must be officially registered, with security zones near the source and sewage discharges prohibited there. This all is controlled by our special sanitary and epidemiological regulations; we are going to include all these requirements in the draft federal law which will introduce a national monitoring system – which, most importantly, will allow for involving customers, trading organizations and intermediary organizations in the control over water quality, with particular attention from government authorities.

Sergei Bodrunov: When I look into some law related to technological process – and this bill is among them – I always ask myself whether this can be implemented as regards financial expenses, a change in logistics infrastructure as well as in information infrastructure, and whether this requires any new control systems or the existing infrastructure is enough and only has to be upgraded and developed, without any massive expenses but producing a useful effect.

Sergei Mitin: I can confidently say these efforts will not require billions or trillions of rubles. We do not need to build research centers; we just have to properly organize the current work process. Major expenditures will go for the system of marking through identification labels, which will require label printing and reading devices to be installed at water production lines.

In 2020, the Russian Government issued a special directive to launch an experiment in voluntary marking of bottled drinking water with identification means. Soon, an executive order will be issued which will include water in the list of products that require mandatory identification labels. We think this will not result in massive expenses incurred by companies but will reduce the amount of counterfeits in the packaged drinking water industry while allowing quality water manufacturers to boost their production. In addition, manufacturers of drinking water will have an efficient logistics system to help them identify locations, amounts and effectiveness of their product sales – and this will reduce part of business expenses as well.

Sergei Bodrunov: The question is whether this could make our specialists in drinking water production, bottling and sales choose to take water from reservoirs, test it and then claim it is eco-friendly and safe? Do you think it is good or bad?

Sergei Mitin: This is a very important question as we do not claim that tap water has worse characteristics than bottled water. Providing water by the public community supply is a municipal service, and this water must have characteristics that comply with certain state standards for drinking water, while bottled water we sell and buy is a food product.

Actually, today most companies produce bottled drinking water at facilities located in cities with the population of over one million and close to major distribution areas, for better or worse. Naturally, they take water mostly from reservoirs, add chemicals to make it comply with food product requirements, and then bottle and sell it. This is safe and quality water; it corresponds to all required parameters. Yet, as a consumer, I have the right provided by the constitution to know whether the water I drink has been treated and bottled, or this is natural water from a groundwater source.

Our task is to let people know what kind of water they drink. In accordance with requirements in current technical regulations, customers in any shop should be able to see whether they buy natural fresh water or treated tap water. Either is fine and safe, yet I must know exactly what I consume.

I should also note that Russia, unlike many other countries, boasts massive reserves of natural water, which is increasingly becoming a true national wealth with each year. It can become a major export item. I doubt that Switzerland, UK or any other country will choose to buy our tap treated water, but any country will be willing to purchase natural water – potable, mineral or carbonated water which brings health benefits.

Sergei Bodrunov: Clean water is essential to health. This is a highly important issue that concerns everyone. We grew in cities that lacked clean and safe drinking water. Many of our health problems and diseases result from the lack of clean natural water, while Russia has immense resources of such purest water. The United Nations expects that the number of people living in areas that constantly lack drinking water will exceed four billion by the mid-21st century. Russia is a leading country in terms of natural water reserves, which can be our long-term competitive advantage. I hope that the draft law we have discussed today will allow for taking actual control over the bottled water market and will provide new opportunities for the country, including export prospects.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2021, Москва
Научно-популярное издание

Том VIII

Под редакцией С. Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте,
© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 10.05.2021, тираж 800 экз.
№ заказа 21-0479

Отпечатано в типографии ООО «КОДЕКС»
141033, Московская область, город Мытищи,
микрорайон поселок Пироговский, ул. Фабричная, д. 1

ISBN 978-5-00020-087-2

